Фонд № 172
МДА
Картон № 286
Ед. хран. № 1

Лебедев,
Матвей.

„Митрополит Платон
как историк." —
студенческая работа.
1880

Отдел рукописей
Гос. библ-ки (ГБИ) по Москве
№ поступления
Общее число листов
126

Подан
30 апр. 1880.

№ 24

Митр[illegible] Платонъ

К[illegible]

1880 года
Апрѣля 26-го дня.

©Eastman Kodak Company, 1977
KODAK Gray Scale
A 1 2 3 4 5 6 M 8 9 10 11 12 13 14 15 B 17 18 19

Подан. за апр. 1880.

№ 24

36.

Митрополитъ Платонъ

какъ историкъ.

1880 года
Апрѣля 26-го дня.

Матвѣй Лебедевъ.

Ровно шестьдесятъ семь лѣтъ[1] прошло съ тѣхъ поръ, какъ не стало Высокопреосвященнаго Митрополита Московскаго Платона-того, чье имя и до сихъ поръ живетъ еще въ памяти народной, какъ имя великаго русскаго іерарха, въ продолженіи 32 хъ[2] лѣтъ добросовѣстно проводившаго свое великое служеніе Церкви и отечеству. И нужно думать, что памятъ народа не измѣнитъ ему. А если и забудетъ она, не забудетъ исторія, на страницы которой уже и занесено оно, какъ думаемъ мы, лучше сказать, предполагалъ еще Императоръ Александръ I-й въ своемъ письмѣ на имя Преосвященнаго, гдѣ писалъ ему, что „исторія сохранитъ подвиги ревности его."[3] Слова Императора оправдались и не напрасно. Тому, кто вздумалъ бы изобразить состояніе Русской

1, Высокопр. померъ въ 1812 г. Ноября 11-го.
2, Назначенъ и посвященъ патріархомъ въ Вн. Константинополѣ въ 1770 г.
3, Снегирева, „Жизнь М. Моск. Плат." 2-е изд. стр.

Церкви съ половины 18го и по начало 19го столѣтія, тому часто и необходимо приходилось встрѣчаться съ этимъ именемъ нашего великаго Моск. Іерарха. Стали ли бы онъ говорить о Церковномъ управленіи, или же завелъ рѣчь о состояніи Хр. просвѣщенія, вообще, о состояніи богословской науки и Церковнаго краснорѣчія, или же вздумалъ изобразить нравственную жизнь Церкви, имя Пр. Платона всегда предстало бы ему. Высокопреосвященный былъ не только гражданинъ, но и добрый христіанинъ и вмѣстѣ истинный пастырь Церкви. Въ то же время онъ былъ и высокообразованнымъ богословомъ и краснорѣчивымъ проповѣдникомъ; онъ оставилъ нашъ множество словъ и поученій и почти всѣ они полны силы и выразительности и всѣ безъ исключенія дышутъ чувствомъ благочестія. Имъ оставлено и нѣсколько богословскихъ произведеній, какъ напр.: „катихизисъ или первоначальное наставленіе въ Хр. законѣ", „православное ученіе или сокращенное Хр. богословіе", „краткій катихизисъ ради обученія малолѣтнихъ дѣтей", „сокращенный катихизисъ для священнослужителей", „увѣщаніе къ раскольникамъ и пр.

Всѣ эти труды и до нынѣ остаются заслуживающими вниманія, а въ свое время имъ воздавались громкія похвалы и великое уваженіе. Его катихизисъ и его богословіе переведены были даже на иностранные языки[4], какъ и нѣкоторые изъ словъ его, вслѣдствіе чего къ голосу соотечественниковъ присоединился и голосъ западныхъ образованныхъ умовъ. Но что всего важнѣе, Высокопреосвященный не могъ быть забытъ исторіей и потому, что являлся лицомъ историческимъ, онъ въ тоже время самъ былъ и историкомъ. Среди различныхъ заботъ и занятій онъ нашелъ время, которое могъ посвятить исторіи и исторія явилась. Она вышла въ свѣтъ въ 1803 г., а лучше сказать, въ январѣ 1806го года[5] подъ названіемъ „краткая Церковная Россійская исторія". Напечатана она въ 4д. листа и состоитъ изъ двухъ частей, изъ которыхъ первая заключаетъ въ себѣ 388 страницъ, а вторая — 281 — всего = 669 стр. Трудъ по обему не

---

4 Его богословіе переведено было на латинскій, греческій, арабскій, грузинскій, нѣмецкій, англійскій, голландскій и французскій языки — Смотр. 2г. 12 стр.

5 смот. ниже примѣч.

мал.[6] И что замѣчательно, преосвященный приступил къ нему, будучи 67 лѣтъ отъ роду[7] и, при старости, страдая еще болѣзненными припадками[8], и писалъ его не болѣе одного года, начавъ въ 1804 г. и въ томъ же году окончивъ его[9].

При всѣмъ этомъ самый трудъ не показался обществу чѣмъ то незаслуживающимъ вниманія. Если и была на первыхъ порахъ какая непріятность, то она касалась только сама-

6, Въ дѣйствительности трудъ пр. есть болѣе, потому что къ нему присоединены еще два слова Максима Грека, посланіе Константина князя Острожскаго противъ уніи и собственное завѣщаніе автора. Всѣ они приложены, какъ видно изъ письма Пр. къ Августину, для поясненія 2-го, которое сравнительно менѣе первой, и приложены по мысли самого автора. (Письма пр. къ Ларосію и Августину съ примѣч. Смирнова. 37 п. къ Августину.)

7, Въ самой исторіи говорится 68 лѣтъ, но это опечатка. Самъ пр. въ своей автобіографіи свидѣтельствуетъ, что онъ родился въ 1737 г. 29 іюня (Смир. прибав.) Если онъ приступилъ къ труду 68-мъ лѣтъ, слѣд. въ 1805 г. послѣдніе іюня. Но въ этомъ году и въ это время она была уже отпечатываема. При томъ сама же исторія показываетъ, что она окончена въ 1804 г. слѣд. авторъ тогда былъ 67-мъ лѣтъ, а не 69-ти.

8, Предисл. къ исторіи 4 стр. автоб. 61 стр. изъ Смирн.

9, Что ист. писано въ теч. 1-го года срав. Этр. 17. примѣч. 22, = 17. 183, 27. 281 стр.

го печатанія исторіи. Посланная авторомъ въ 1805 г. 29 янв.[10] къ пр. Августину, которой былъ членомъ Моск. Синод. конторы, съ просьбою продать отъ Св. Синода конторѣ - отпечатать ее въ Син. типографіи in 4. гражданскимъ литерамъ, на ординарной бумагѣ въ счетъ автора[11], исторія снова тѣмъ подвергалась запрещенію. Не помогли ходатайства и самого Августина, хотя онъ и былъ членомъ конторы, и самъ, по просьбѣ автора, взялся держать корректуру въ сношеніи отцовъ протоіерея и проповѣдника, бывшихъ тогда при Московской Академіи[12]. Дѣло печатанія, такимъ образомъ, встало и пр. Августинъ вынужденъ былъ доставить оную представленной въ Св. Синодъ[13]. И только уже съ дозволенія Синода она напечатана была и издана въ 1805-1806 г.[14]

10, 24 п. къ Августину

11, тамъ же.

12, тамъ же.

13, 26 п. къ Ав.

14, Какъ происходило дѣло въ точности, что было причиной задержки и кто-съ опредѣленностью сказать трудно, такъ какъ въ письмахъ пр. къ Авг., изъ коихъ можно почерпнуть извѣстія, говорится мало. Задержка, какъ кажется, произошла вслѣдствіе тогдашней строгой не по разуму цензуры, а въ дѣйствительности въ силу случаго недоразумѣнія ходатайства къ пр. со стороны тѣхъ, кто наложилъ свое veto на печатаніе исторіи. Кто эти недруги? Достовѣрно можно сказать одно, что

Какъ бы то ни было, дѣло дѣлалось непріятнѣе прошла и сочиненіе, чуть было въ рукописи не попавшее подъ сукно, явилось въ свѣтъ. Самая задержка нисколько не повліяла на его репу-

---

главнымъ лицомъ въ этомъ случаѣ былъ прокуроръ М. Сен. Конторы Никаноръ Григорьевичъ Яковлевъ, /26 п. т. Ав./ о которомъ необдуманно отзывался между прочимъ и Пр. Филаретъ /записки о жизни Ф. Сущево/ Дѣло видимо происходило такъ: когда Пр. Августинъ получилъ исторію и, готовясь приступить къ печати, довелъ объ свидѣтельствованіи Вознесенской конторы, прося соизволенія на печать, прокуроръ потребовалъ отъ 1го листа для просмотра /26 п./. Но Пр. Августинъ, изъ уваженія къ положенію автора, не рискнулъ удовлетворить такого требованія со стороны прокурора, иначе онъ обязанъ бы послѣдняго цензорамъ передать одного изъ высшихъ и уважаемыхъ іерарховъ Р. Церкви и тогда, когда прокуроръ собственно не могъ быть цензоромъ и если могъ потребовать цензуры, то не для свѣдѣнія, о дѣлѣ былъ повсюду дѣлъ дѣйствительныхъ цензоровъ, призванныхъ правительствомъ, на что относился и самъ Пр. Платонъ въ своемъ отношеніи на прокурора восклицая: „что онъ за цензоръ мой" /26 п./. Прокуроръ же, не видя удовлетворенія своихъ требованій, хотя свое дѣло надъ предписаніе отсчатать исторію въ Сен. типографіи, безъ какого предписанія самое печатаніе въ ней было невозможно. Итакъ какъ дѣлать уступку никто

цѣнъ. Выйдя въ свѣтъ оно не только показалось достойнымъ вниманія, но и заслужило общее одобреніе со стороны всей читающей тогда публики, заслуженно тогда, когда собствен-

---

ихъ ниѣ, не рискнулъ чин не мѣшаясь, дѣлъ и безтаинствовалось и Пр. Августинъ, чтобъ какъ нибудь подвинуть его, объяснилъ представленіе въ Синодъ. Видимая причина задержки, стало быть, заключалась въ томъ, что прокуроръ не довѣрялъ благонамѣренности Пр. Платона и постоянно желалъ просмотрѣть и самъ трудъ его, полагая авторъ цензорамъ ихъ болѣе пропустить то, что могло быть противно Церкви, правительству и нравамъ. Но то самое, что дѣло цензуры было не его дѣло и то, что болѣе на этотъ разъ касается такого лица, какъ былъ Пр. Платонъ, лишь крѣпко убѣжденіе было извѣстно всѣмъ, это самое есть лучшее доказательство, что причина, вполнѣ заключающаяся въ цензурѣ, въ сущности дѣла скрывалась въ личности недоброжелательства со стороны прокурора къ Преосвященному. При дѣлѣ Пр. Платонъ, посылая свою исторію къ Августину, въ то же время чистію сама своего свидѣтельствовалъ, что въ исторіи его нѣтъ ничего, что было бы противно Церкви, правительству и нравамъ /24 п./, какое свидѣтельство, конечно, не могло быть не извѣстно прокурору, а увеличить его свидѣтельство было всѣхъ условій. Въ бытность времени въ 1785 г. самому Пр. представлено было высочайшее указомъ право разрѣшать печатаніе книгъ духовнаго содержанія, какой указъ слово повѣрщ

ній взглядъ автора представляетъ его весьма весьма скромнымъ. „А о семъ сномъ сочиненіи, пишетъ Пр., не великодушествуя и не почитаю оное современнымъ, но еще, можетъ быть, и недостаточ-

---

ными и давалъ Пр. большія права, ибо въ томъ между прочимъ предписывалось, чтобы изданіе Вопитера, при которомъ тайно Московскимъ типографомъ, не было печатано ни въ одной типографіи безъ аппробаціи Пр. М. Моск. Платона. А сочиненія Вопитера — сочиненія свободныя: /см. 68-69 стр./. Чистота убѣжденій Пр. и его благонамѣренность, т. обр., признаны были официально. И это, конечно, не могло быть незамѣчено прокурору Яковлеву. Можетъ быть прокуроръ боялся самой честности Пр., боялся какъ, что онъ своевольствовать, замѣчаній, рѣзкихъ и справедливыхъ, но рѣзкихъ, и такъ или иначе компрометирующихъ кого-либо и что-либо, или за какую рѣзкость его прямо остановлено было печатаніе Вступительнія Пр. въ Кіевѣ /24 м./. И цензура требовала тогда, чтобъ Пр. опустилъ или перемѣнилъ нѣкоторыя выраженія въ статьяхъ своихъ, о вѣротерпимости и благонадежности, начальствѣ въ городахъ, но авторъ не согласился и дѣло остановилось. Но это можно замѣтить, что Пр. сам и писалъ осторожно, по несовременности, о давно бывшаго, пригнанъ писалъ исторію Церкви, интересъ коей былъ дорогъ автору столько же, если не больше, чѣмъ и прокурору. И вотъ причина задержки скрывается въ какихъ то личныхъ недоразумѣніяхъ. А что основано, дѣлъ понятъ самъ Пр. Четвертымъ

нѣмъ, а нѣтъ, мнѣ, и погрѣшительнѣе, что касается хронологіи, то авторъ прямо отказывался отъ нея, объявляя, что поручитъ за нѣкаких не можетъ. Въ одномъ только онъ дѣйствовалъ и давалъ Пр. большія права, ибо въ томъ между прочимъ предписывалось, чтобы изданіе Вопитера, при которомъ тайно Московскимъ типографомъ, не было печатано ни въ одной типографіи безъ аппробаціи Пр. М. Моск. Платона. А сочиненія Вопитера — сочиненія свободныя: /см. 68-69 стр./. Чистота убѣжденій Пр. и его благонамѣренность, т. обр., признаны были официально. И это, конечно, не могло быть незамѣчено прокурору Яковлеву. Можетъ быть прокуроръ боялся самой честности Пр., боялся какъ, что онъ своевольствовать, замѣчаній, рѣзкихъ и справедливыхъ, но рѣзкихъ, и такъ или иначе компрометирующихъ кого-либо и что-либо, или за какую рѣзкость его прямо остановлено было печатаніе Вступительнія Пр. въ Кіевѣ /24 м./. И цензура требовала тогда, чтобъ Пр. опустилъ или перемѣнилъ нѣкоторыя выраженія въ статьяхъ своихъ, о вѣротерпимости и благонадежности, начальствѣ въ городахъ, но авторъ не согласился и дѣло остановилось. Но это можно замѣтить, что Пр. сам и писалъ осторожно, по несовременности, о давно бывшаго, пригнанъ писалъ исторію Церкви, интересъ коей былъ дорогъ автору столько же, если не больше, чѣмъ и прокурору. И вотъ причина задержки скрывается въ какихъ то личныхъ недоразумѣніяхъ. А что основано, дѣлъ понятъ самъ Пр. Четвертымъ

своемъ къ Августину. Въ немъ высказывъ сомнѣніе о томъ, что Пр. Августина дѣлаетъ представленіе въ силахъ по поводу печатанія исторіи, а Августинъ это не удовлетворилъ самого автора, Пр., скорбѣ душею о всемъ случившемся, восклицаетъ: „вотъ до чего дошли и монахи и попы; да еще прокуроръ предуетъ первого листа. На что ему? Что онъ за цензоръ такой?" Далѣе, авторъ просится Августина не давать прокурору листа, а прежде есть, второй же высылаетъ ему самому, и заключаетъ: „вотъ каковы прокуроры! Сіе то мнѣ высылаетъ изъ конторы и Синода въ духовныя, вѣдомости, но не мои дѣлаетъ, а laici русскіе /26 м./. Очевидно у Пр. съ прокурорами были старые счеты и постоянное неудовольствіе на вмѣшательство прокурора въ дѣла, принадлежащія решенію собственно духовной власти. Преосвященный, какъ видно, не терпѣлъ этого вмѣшательства, хотя полагалъ на его собственныя права, а прокуроръ въ свою очередь старался ихъ нигдѣ повредить ему. Такія отношенія конечно не въ пользу Пр. и мы должны были видѣть въ Сен. конторѣ, случаи отказать, употребленіе выраженіе самого автора, его высылки къ конторѣ. Но это не самый конецъ. Неудовольствіе продолжало существовать, предлоги существовали и интриги со стороны прокурора и, быть, когда подвернулся случай съ исторіей, прокуроръ, хотя

рушительство — это въ томъ, что самъ онъ отъ себя ничего не выдумывалъ, ибо все писанное пишетъ онъ, можно найти въ летописцахъ, кромѣ только собственныхъ въ которыхъ мнѣ стоитъ разсуж-

---

не имѣетъ права личной цензуры, помимо самой конторы, все таки потребовалъ сей 1-й листъ, заходъ этимъ какъ бы для вящаго преосвященнаго. А такъ какъ пр. Августинъ листа сему не давалъ, курсаръ не давалъ печатать и дѣло, поэтому, пошло въ Синодъ и только Синодъ уже разрѣшилъ издать ничѣмъ не повинную книгу.

Безпечательно на этотъ фактъ и дѣйствія Синода. Онъ не поддерживалъ прокурора, но не поддерживалъ и автора. Синодъ тоже потребовалъ цензуры, а собственное свидѣтельство автора, о которомъ пр. Августинъ опять же, какъ видно, донесъ Синоду оставилъ безъ вниманія. Не дознано было о мнѣніи пр. Августина, въ лицѣ котораго восставалъ Син. контора, лицѣ, какъ, безъ сомнѣнія, такъ и представлено было въ Синодъ вмѣстѣ съ представленіемъ объ исторіи. Синодъ придумалъ, что Син. контора цензуры имѣть не можно и цензура предоставлена была Мос. Духовной академіи. А затѣмъ уже издалъ указъ приступить къ печатанію. Что дѣло происходило такъ, видно изъ словъ пр. Августина: „Преосв. Владыка, главный братъ, цензуры какой Син. контора имѣть не можно, то какъ же учинила ей предпочтуется. А говорю о моей исторіи. Дивлюсь, что мое собственное свидѣтельство не дознано". Слово это писано отъ 25 марта, когда представленіе въ Синодъ было уже послано (26 н.) и, слѣдовательно, дѣло имѣется въ

дѣнии. Эти разсужденія авторъ опять же оставляетъ непроверенными и со окраинностью обдаетъ ихъ, на судъ преосвященныхъ и безпристрастныхъ лицъ. Такъ думалъ сей преосвященный, Такъ

виду рѣшенія Синода. Въ недогадливости рѣшенія см. — (27 н.) — вопросъ и слова пр. Августина. Сообщая тяжбу о дѣлѣ дѣла въ Синодѣ, Августинъ пользуется выраженіемъ „altum silentium" (26 н.). Что хотѣлъ этимъ сказать преосвященный? Очевидно, какъ бы онъ непріятную, онъ начинаетъ прямо переходить къ пр. Платону, не зная соблаговѣсть, что свидѣтельствахъ своихъ, Синодъ оставленъ былъ безъ вниманія, что потребовалъ цензуры и отъ кого? отъ ученика, въ то же время не, не зная и сдѣлать постоянно и выражается тонко предоставляя разъясненіе будущему, что поэтъ дѣйствительно, и вынужденъ былъ дѣлать, такъ же пр. Платонъ въ письмѣ своемъ отъ 11 марта (25 н.) прямо потребовалъ обстоятельнаго и точнаго отвѣта. На объясненіе Августина, представленное до тѣмъ, и было отвѣтомъ по письму, въ которомъ отвергъ отвѣтъ распоряженіемъ Синода, письмо, писанное пр. отъ 25 марта.

Указъ Синодъ, какъ можно думать, послѣдовалъ въ марта, такъ какъ онъ отъ 19 числа, въ письмѣ пр. впервые упоминается отъ 26 н. В. Марта начатъ и самое печатаніе и исполнено ранѣе двадцатыхъ чиселъ.

Самое дѣло печатанія шло также медленно. Чтобы получить Мей отсталъ, о пр. получить всего тоже 3 экз. (н. мая 14 н.) Остальныя, сей отдѣлъ и получать и 30 экземпляровъ. Взято время послано пр. посланіе Епифанию Кіевскаго отъ уже отпечатанныхъ и оно было отпечатано и приложено къ исторіи (31 н.).

не менее, въ глазахъ современниковъ, повторялась тѣ, появленіе такого труда, какъ трудъ Пр., было явленіемъ самъ пріятнымъ отъ Вашъ что, напр., читались выписки Императора Александра I не имѣл Пр. Платона, „Преосвященнѣй Митрополитъ Московскій Платонъ“ съ особеннымъ удовольствіемъ получилъ писаніе вашего и приложенное при немъ сочиненіе, въ которомъ столь достойно изображаемо въ произведеніи Церкви Россійской, будучи одинокъ изъ знаменитѣйшихъ пастырей ея, въ почтенномъ

кончилось печатаніе въ Декабрѣ, потому что отъ 4го Декабря Пр. пишетъ объ исторіи такъ, какъ будто бы она была отпечатана вся, объ исторіи вѣсникъ и въ книгахъ переписчиковъ, и въ то же время сообщаетъ, что она уже и читана кѣмъ нибудь, въ числѣ Митрополита Гавріила. 89л.

Окончательный выпускъ исторіи въ свѣтъ послѣдовалъ въ Генварѣ спустя около 1806г. трудъ продолжу оставшихся отъ изданія печатныхъ экземпляровъ. Эти экземпляры покупались у Пр. и раньше, какъ видно изъ того же письма отъ 4го Декабря 1807. Надобно добавить и соотвѣтствующая причина задержки состояла въ томъ, что Пр. въ это время посылалъ свою исторію государю Императору и ждалъ отвѣта. Отвѣтъ послѣдовалъ только 2го Декабря и была авторъ самой исторіи. /44л. кн.лс./. Получивъ его Пр. и рѣшился на окончательный выпускъ своей исторіи въ свѣтъ, чрезъ предложилъ. Кроме сего какому то Сливановскому за 112 экземпляровъ во французскомъ переводѣ, которые Пр. брать отъ окончательныхъ экземпляровъ отдавалъ Сливановскому вносить окончательной суммы за всѣхъ, то выходитъ, въ котораго было послано было 112 экз. Варек 1806г. Слѣд. отнять дѣлъ и должно они отдать Новгородъ въ свѣтъ исторіи Преосвященнаго. /44л. кн. лс./.

предшественниковъ, кроѣ славу раздаваемое Исторіи сохранить подвигъ ревности вашей, между тѣмъ какъ красноречивыя творенія вашего доставятъ потомству тѣмъ утѣшеніе, которыми удостоены они современниковъ. Мнѣ отзывъ Императора и этотъ отзывъ не былъ Дивовиномъ. Въ письмѣ къ тому же Августину владыка, привлекъ тѣмъ, какимъ образомъ исторія его могла попасть въ руки Тверскаго епископа Меѳодія, когда настоящаго выпуска еще не было, прибавляетъ, что трудъ его даже и Новгородскому не показался бы преобразительнѣйшимъ, разумѣя Блаж. Петербургскаго Мит. Амвросія, вступившаго на свою каѳедру въ 1797г. на мѣсто удаленнаго Гавріила Амвросія, который, какъ и его предшественникъ, удаленъ не былъ друзьями изъ Митр. Московскаго, хотя въ разныя времена и былъ обнадеживаемъ имъ. Тамъ же трудъ Пр. и въ глазахъ недруговъ не казался бывшей предосудительнѣйшимъ, то какое же впечатлѣніе должны бы вынести, читая его, слѣды безпристрастнѣйшаго правосудія епископовъ каѳедръ.

---

15. Сингр. 2л. 112 стр. 16, 39 письмо къ Ав. 17, Сингр. 1л. 112 стр.

13, Поводомъ къ разбору между Митр. Амвросіемъ и Платономъ получило первенство послѣднему при коронаціи Имп. Александра чего добивался самъ Амвросій, какъ первоприсутствующій члена Синода какъ Митр. Петербургскій. Этимъ между прочимъ дѣйствительно объяснится и то появленіе, какое оказалось Анатъ по отношенію къ исторіи Преосвященнаго. Когда потребовалось цензуры, а сочиненія Августина и самого автора были отдаваемы безъ вниманія, нужно думать, что въ этомъ случаѣ нисколько дѣйствовали правила книгопечатанія,

а еще болѣе тѣ, кои были всегдашними почитателями Московскаго Іерарха. Не дерзая еще при жизни автора и исторіи его перевести была на нѣмецкій языкъ Гейдеке, пастоpомъ при одной лютеранской церкви въ Москвѣ и издателемъ періодическаго журнала „Russischer Mercur“,[19] а спустя годъ по смерти преосв. въ 1821 г. оно вышло вторымъ изданіемъ, а въ 1826 году — третьимъ. Въ это время воспользовался его нѣмецкій историкъ Штраль въ своей „Geschichte der Russischen Kirche“ (Halle 1836 года), причемъ онъ прямо признаетъ ее весьма важною для Рус. Цер. исторіи по ея прочнымъ основаніямъ.[20]

Знаетъ ее и въ наше время. Правда знаетъ мало и еще менѣе говоритъ о ней. Нѣсколько словъ въ біографіи Пр. составленной Снегиревымъ, да въ обзорѣ С. М. Соловьева, подъ заглавіемъ „писатели Рус. исторіи XVIII-го вѣка“[21] и еще въ „словарѣ Р. Духовной литературы“ Филарета Черниговскаго — вотъ все, что можно найти у насъ объ этой Митр. Петромъ и его исторіи.[22] Этимъ не менѣе исторія Пр. отъ этого ничего не потеряла въ достоинствѣ и не многочисленности, а то все ея достоинства. Снегиревъ напр. называетъ ее „добрымъ выполненіемъ, увлеченіемъ и подражаніемъ“[23] Соловьевъ „трудомъ небезвыгоднымъ, замѣчательнымъ почитателю могущаго-знаго таланта“[24] Пр. Филаретъ „полезною“.[25] Трудъ Пр. является, такимъ образомъ въ нашей исторической литературѣ очень и очень замѣчательнымъ. Замѣчательно становится послѣ этого и личность самого автора, какъ историка.

Но если исторія Пр. такова, то почему же новѣйшее время, которое особенно стремилось къ тому чтобы собрать все лучшее и обратить его достояніемъ всѣхъ, — это время такъ мало знаетъ ее? Обыкновенно случіяхъ происхожденія не только поступаетъ извѣстность, но и изучается. Почему же исторія Пр. составляетъ какъ бы исключеніе? При томъ, ее хвалятъ, ее уважаютъ, между тѣмъ самъ авторъ думаетъ о ней весьма скромно. Отъ ее только не велитъ противуречитъ, не только считаетъ ее чтобы не недостаточностью, но и многими погрѣшностями отъ хронологіи отказываетъ послѣдовательно. Какъ согласить все это? Вопросъ. Очевидно, сомнительно становится послѣ этого и извѣстность самого автора, какъ историка. А такъ какъ наша задача въ томъ и состоитъ, чтобы освѣтить эту личность, какъ историка, охарактеризовать ее, показать ея значеніе и извлечь подобающее ей мѣсто въ ряду другихъ, дѣлавшихъ тѣ же цѣли, и такъ какъ все сказан-

19, 59 и. къ Авдотьину. прилож. 164.
20, Снегир. 2 г. 112 стр.
21, Архиал. и историческія, и гражданскія свѣдѣнія кн. 8-я Соловьева. 1858 г.
23, Говоря это, мы не берем во вниманіе самыя крупныя замѣчанія, разсѣянныя тамъ и сямъ въ различныхъ трудахъ ея.
Снегир. Обзор. Филарета. Ред. 3 стр.
Рус. бесѣда 1859 г. кн. 3-я, критика. Изд. Бесѣдина стат. 2-я.
29, Снег. 2 г. 101 стр. 27, Соб. 21 прим. 26, Обз. Рус. лит. 133 стр.

сколько недружелюбіе Амвросія, которой, пользуясь случаемъ, тѣмъ же какъ и пр. М. С. конторы, помѣшалъ уходу Пр. Петромъ, къ своему лишнему сожалѣнію. За это говорили одно, что исторія Амвросію не нравилась тѣмъ, что будучи Ученымъ /39 и./, слишкомъ интересовалась критикою. Въ какой степени Амвросій имѣлъ Слѣдовательно какой надо считать данную оценку выше. А недружелюбіе Амвросія

ное клонилось именно къ этой цѣли, то, принявъ за исходный пунктъ сомнѣніе во всѣмъ, что говорилось или какъ либо говорилось на этотъ предметъ, онъ постараемся самъ составить себѣ понятіе, которыхъ бы цѣлей нашъ вопросъ достигалось. А если его разсмотрѣнія прежде самаго труда преосвященнаго, показавъ матеріалы тѣ, которыя имѣлись къ достиженію которыхъ должна была направлена наши усилія. Отсюда въ томъ, что трудъ Пр. можетъ быть разсматриваемъ различно. Можно только преслѣдовать его содержаніе, охарактеризовать внѣшнюю сторону, указать внутренній свѣтъ на этомъ построеніи но нашъ взглядъ, какъ объ исторіи, такъ и о личности самаго историка, какъ историка. Возможенъ и иной путь. Авторъ человѣкъ прошлаго и чуть болѣе, чѣмъ полстолѣтія прошло съ тѣхъ поръ, какъ его не стало. А разработка нашей Ц. исторіи за все это время не прекращалась: открытія новыхъ памятниковъ, добываніе новыхъ фактовъ, явленіе новыхъ идей. Исторія получила новое построеніе, новый видъ, явилась въ новомъ свѣтѣ. Отсюда трудъ Пр. можетъ быть разсматриваемъ еще по отношенію къ настоящему времени, въ отношеніи тѣхъ, ревусъ задачъ, которыя ставятся современной церковно-исторической наукой. Но если трудъ Пр. можетъ быть разсматриваемъ по отношенію къ настоящему, то съ какимъ же правомъ онъ можетъ быть разсматриваемъ въ отношеніи къ тому, что было бы ему современнѣйшимъ прошлымъ, къ тому, что было было до него или во время его. И такъ

трудъ Пр. можетъ быть разсматриваемъ трояко, самъ въ себѣ, въ отношеніи къ настоящему и, наконецъ, въ отношеніи ко до него или во время его бывшему. Впрочемъ выборъ долженъ не возможенъ. Изреченная рецензія ещё можетъ ограничиться какой либо стороной, показуя, какъ кому вышелъ остальныхъ. Но такъ какъ слѣдуетъ представить оцѣнку полную, основательную и вполнѣ точную, такъ предметъ должно быть разсматриваемъ совсѣмъ, отсюда. Тѣмъ болѣе, что трудъ Пр. есть фактъ и, какъ фактъ, онъ находится въ тѣсной связи съ предыдущимъ и послѣдующимъ и, какъ всякій фактъ, имѣетъ для насъ доколѣ не понятнымъ, если бы мы не связали его съ тѣмъ и другимъ и не разсмотрѣли въ ихъ взаимности. И такъ настоящею нашей задачей будетъ, во 1-хъ, изслѣдовать трудъ Пр. въ немъ самомъ, во 2-хъ, сопоставить его съ тѣмъ, что представляетъ изъ себя современная наша исторія и, въ 3-хъ, отмѣтить, что было сдѣлано было до него на томъ же поприщѣ. Выгода этого очевидна. Такое изслѣдованіе, сопровождаемое сравненіемъ, съ одной стороны, рельефнѣе выяснитъ тѣ достоинства и недостатки, какіе наблюдаются въ сочиненіи Пр., съ другой стороны, уяснитъ дух, въ какомъ должно быть произнесено нашъ приговоръ. А это послѣднее приведетъ насъ къ правильной постановкѣ самаго изслѣдованія о личности автора, какъ историка-изслѣдователя, кроме, такимъ образомъ, получитъ характеръ изслѣдованія вполнѣ справед-

ливаго и достовѣрнаго и будетъ истинными
выраженіемъ положенія „Митрополита
=Петра“, какъ и говорилъ.“

Труда преосвященнаго, если вѣрить его заглавію,
труда скромнаго. Авторъ не просто называ-
ваетъ его „Р. Ц. исторіей,“ но къ этимъ тремъ
понятіямъ присоединяетъ еще понятіе „краткая“
и чрезъ это какъ бы внушаетъ намъ, что много
отъ труда его ждать не можемъ. Тѣмъ
не менѣе, если мы взглянемъ на внѣшнюю сто-
рону сочиненія, на объемъ его, намъ предста-
вится книга довольно внушительныхъ раз-
мѣровъ — въ 669 страницъ. Въ дѣйствительно-
сти сочиненіе пр. еще болѣе и не потому, что
къ нему прибавлено приложеніе въ видѣ слова
Максима Грека, посланія Константина князя
Острожскаго объ уніи и собственнаго завѣща-
нія Преосвященнаго, а потому, что къ нему
приложено еще и предисловіе. Въ этомъ послѣ-
немъ авторъ сначала разсказываетъ намъ
о тѣхъ побужденіяхъ, какія вынудили его взяться
за перо, за тѣмъ о цѣли и средствахъ или, гово-
ря скромнѣе, источникахъ и пособіяхъ, какими
пользовался онъ при составленіи труда своего,
наконецъ выражаетъ свой собственный взглядъ
на достоинство сочиненія и къ этому присоеди-
няетъ еще характеристику духовенства за всѣ
періодъ его существованія на нашей Руси. Въ

чемъ состоитъ эта характеристика, увидимъ вполне сладствіи. Тоже касается взгляда автора на свое сочиненіе, то въ характеристикѣ него было уже сказано нами выше. Остается вопросъ о побужденіяхъ, цѣляхъ и средствахъ, и такъ какъ вопросъ этотъ чрезвычайно важенъ для того, чтобы задача послѣдовательно сочиненіе и изученіе его, потому что цѣли и побужденія равно и средства, которыми располагалъ или могъ располагать авторъ, такъ тѣсно иначе, но съ необходимостію вліяютъ на видъ и достоинство сочиненія самого, поэтому къ нимъ прежде всего и обратимся сейчасъ. Можно бояться, что съ нимъ мы начнемъ трудъ свой и самъ преобразимъ самый. Сказать въ нѣсколько строкахъ, о своей, еще съ младенчества, какой особенной склонности къ чтенію историческихъ книгъ, онъ прямо переходитъ къ побужденіямъ и говоритъ, что главнѣйшимъ изъ нихъ было то, что въ училищахъ Духовныхъ предписывалось было, чтобы обучать церковной исторіи вообще и въ частности Россійской, а Р. Ц. исторіи не было. Правда, свѣдѣнія о церковныхъ событіяхъ можно было добыть изъ Россійскихъ летописцевъ, но въ пользованіи тѣми авторъ находилъ неудобства потому что въ нихъ дѣлалъ церковныхъ съ гражданскими смѣшаны и одни отъ другихъ не отдѣляются. А это, по словамъ его, смѣшеніе общаетъ съ другими и теченіемъ своимъ прерывное не можетъ обстоятельное и порядочное дать о церковныхъ дѣлахъ вразумленіе.

Нѣтъ неудобства въ пользованіи древними летописями Пр. отстраняетъ и тѣ сочиненія по исторіи, какія были написаны подъ ними, потому что въ нихъ онъ видитъ повѣствованіе, главнѣйше обращающееся о дѣлахъ гражданскихъ. А тѣмъ, что повѣствованіе касается событій церкви, авторъ находилъ много невѣрнаго и съ древними подмѣнивается непосредственнаго. Во всѣмъ этомъ онъ и видитъ для себя побужденіе къ написанію исторіи. Итакъ полное отсутствіе достаточныхъ пособій для изученія церковной исторіи въ тѣхъ училищахъ Духовныхъ, школахъ и крайняя нужда въ этихъ пособіяхъ - вотъ то, что побудило автора взяться за перо и создать предлежащій нашъ трудъ.

Отсюда сама собой выясняется и цѣль, какая представлялась автору, когда онъ задумалъ свое сочиненіе. Не въ его мысляхъ, занятыя исторіей родной исторіи и создать трудъ, о которомъ можно было бы сказать, что это ученый трудъ. Нѣтъ. Задача его довольно иная и носитъ на себѣ характеръ практическій. Онъ учебникъ - вотъ эта задача, для книги которая хотя бы сколько нибудь облегчила изучающуюся духовному юношеству изученіе былъ, судьбы нашей отечественной церкви.

Побужденіями и цѣлями, можно сказать, соотвѣтствуютъ и средства. Авторъ сами перечисляетъ ихъ въ своемъ предисловіи и вотъ ихъ очень не много: Несторовъ летописецъ съ продолженіемъ, Никоновская летопись, Лѣтописецъ Русскій, краткій летописецъ, лѣто-

писецъ Новгородскій, Лѣтописецъ, содержащій всѣ Россійскую исторію и нечатанный въ Сим типографіи въ 1784 г., Русскій времянникъ, книги степенныя, повѣсть о троицкой осадѣ - полная исторія Татищева, исторія князя Щербатова, Лоренцо Россійской исторіи - князя Хилкова, Новая Лоренцо Россійской исторіи - Нехитина, писменныя каталоги Рос. епархій, Древняя Р. вивліоѳика - и только. Правда, это не всѣ, потому что изъ содержанія исторіи видимъ и другія. Такъ, говоря о соборѣ святителей, бывшемъ при великомъ князѣ Ростиславѣ и митрополитѣ Константинѣ въ 1157 г. авторъ ссылается на книгу, подъ заглавіемъ „духовная грамота" и хотѣлъ мы упомянуть еще о списѣ дѣяній сего собора, найденномъ въ Кіевскомъ Пустынно-Николаевскомъ монастырѣ и отпечатанномъ въ 1716 г.[2] Говоря объ извѣстномъ изгнаникѣ православію Митрополитѣ Иларіонѣ, не указываетъ на иностранныя сказанія,[1] и не поясняетъ, кто это лѣтописецъ, а по поводу Флорентійскаго собора ссылается на греческаго историка Сидоруцла и нѣмецкаго Ѳедорана Прокоповича.[4] Тутъ же ссылается онъ и на исторію Фемра.[5] Подъ руками автора, какъ видно, были и Стоглавъ[6] и сочиненія М. Грека,[7] Зиновія Антонія Поссевина и Горсмановъ лексиконъ[8] и въ стиль ему и кормчая и требникъ, изданный

1, Лучше сказать Манкіева; какъ это видно изъ описанія Рук. Гр. Толстаго изъ опис. Р. Музея - Востокова Арм. и Грузин. дик. сказ. М. 1859.
2, Ст. 84-90; 3, Ст. 296; 4, Ст. 300; 5, Ст. 300; 6, Ст. 31; 7, Ст. 32; 8, Ст. 24-25 и 179 стр.

въ 1639 г. и сочиненія Болтина,[9] а также православное исповѣданіе Петра Могилы и соборное опредѣленіе 1665 г.[10] Онъ читалъ и цитаты духовныя и ровныя и цвѣтущіе, наконецъ, соборное опредѣленіе 1686 г. и опять повѣствованія о Россіи Болтина.[11] Вотъ средства эти, особенно, если сравнить ихъ съ тѣми, что представляетъ изъ себя новѣйшая литература, очень и очень малы. Недостаточность ихъ сознавалъ и самъ преосвященный. Въ своей исторіи онъ часто жалуется на такое обстоятельство,[12] но пополнить было не чѣмъ. И что главное. При своей недостаточности они, мало того, представляютъ изъ себя, какъ увидимъ впослѣдствіи, не болѣе, какъ только справочныя, трудолюбивая рука къ которому почти вовсе не прикасалась. Среди ихъ мы не находимъ не только чего либо похожаго на церковную исторію, но даже ни одного критическаго изслѣдованія ни по одному какому либо отдѣльному вопросу, касающемуся прошлой жизни церкви. Автору, очевидно, приходилось мѣсить до всѣмъ либо и съ чѣмъ либо, по своему прокладывать свѣтъ дорогу и тамъ, гдѣ требовалась весьма сильно труда и усидчивости. Во всякомъ случаѣ ему приходилось и собирать матеріалъ и анализировать его и вслѣдъ съ тѣмъ критиковать его. И до тѣмъ уже онъ могъ только пользоваться, чтобы, отбросивъ все лишнее и несоотвѣтствующее, изъ добытаго частнаго составить живую картину жизни и переложить ее

9, Ст. 93, 153, 191-192.
10, Ст. 230, 240.
11, Ст. 238, 261, 296 и Ст. 9 и 21 стр.
12, Ст. Ст. 81, 86, 117, 147, 154, 194, осб. 181, 244, 257, Ст. 59.

на бумагу. Работа двойная и задача, очевидно, не легкая. А пособными средства, неизвѣстные, было не очень, потому что тогдашняя немногочисленная и вмѣстѣ церковно-историческая литература представляла лишь сей именно то, что и насколько указал преосвященный. Если же она и пропустила что-нибудь, такъ развѣ только Синопсис и исторію Елинскую, но лишь, что слишком. И такъ средства были ничтожны. Какова же должна быть послѣ сей исторіи Преосвященнаго? Не предрекая наперед, мы и перейдем теперь к разбору ея, начавъ съ вопроса, что представляет в какомъ видѣ?

Чтобъ отвѣтить на этотъ вопросъ, мы прислушаемся сначала къ голосу самого автора. Правда, пр. нигдѣ не опредѣлялъ прямо, что такое его исторія по ея виду и по содержанію, но таки въ исторіи его есть намѣки, которыя хотя и косвенно, но достаточно обрисовываютъ мысль его. Особенно, что нужно сказать о тѣхъ словахъ, кои авторъ заключаетъ рѣчь свою о побужденіяхъ. Онъ пишетъ: „сіе то и побудило меня, ради прославленіе, собрать въ одну книжицу изъ вѣтхагайшихъ древнихъ, а нѣкоторыя и новыя статьи о церковной Р. Церкви дѣяніяхъ, не оставляя надъ упоминать и дѣлахъ гражданскихъ, гдѣ они съ церковными дѣлами вѣсь связаны и одни другимъ служили объясненіемъ, и назвать оную подъ именемъ Россійской Россійской церковной исторіи". Въ этихъ словахъ, какъ не надо болѣе, обрисовывается тотъ видъ, какой, какой намѣренъ авторъ придать своему произведенію. „Собрать въ одну книжицу... Ясно, что исторіи его нѣтъ представить не болѣе, какъ только сборникъ извѣстій. Какихъ? Касающихся дѣяній церкви и сопряженныхъ съ ними нѣкоторыхъ дѣяній гражданскихъ. Такъ отвѣчаетъ указанное мѣсто. Но сам прибавилъ къ нему нѣкоторыя подробныя справки, которыя можно найти въ самой исторіи, именно, въ началѣ 43 гл. и во 2ой ч. на 52 и 53 стр., то къ вышеуказанному понятію присоединился еще новая черта. Въ нихъ авторъ не отстраняетъ той мысли, что исторія его будетъ обнимать собою всѣ обстоятельства дѣяній церкви, но вмѣстѣ же время даетъ понять, что если она и будетъ обнимать, то далеко не въ одинаковой степени, что главнѣйшимъ предметомъ съ изложенія будутъ лишь Іерархія и церковное управленіе. Вмѣстѣ съ понятіемъ о видѣ, такимъ образомъ, опредѣлилось и самое содержаніе исторіи.

Въ первомъ изъ указанныхъ мѣстъ авторъ прямо называетъ свою исторію новостію о правленіи церковномъ. Во вторыхъ, мелькнулъ, что со стечениемъ книгами оканчивается тотъ источникъ, изъ котораго онъ безъ перерыва могъ черпать матеріалъ для своей исторіи, въ число этого матеріала, съ одной стороны, постановленія о монастыряхъ, знаменитыхъ церквахъ и о другихъ дѣлахъ, съ другой - вопросъ о митр. Киев. ровно и о дѣлахъ гр. но если послѣднее вопросъ [illegible] у него на первомъ планѣ и исторія его, 7. стр. сперва

Но это выяснить автора что же даетъ нашъ историкъ въ дѣйствительности? Какъ бы не рискнулся, но прямо сознаться, что ничего болѣе.

Авторъ обѣщаетъ нашъ сборникъ и, дѣйствительно, исторія его, съ внѣшней своей стороны, какъ не надо болѣе подходитъ подъ это понятіе. Она состоитъ изъ восемнадцати двухъ главъ и о большинствѣ изъ нихъ нашъ приходится сказать, что это ни болѣе ни менѣе, какъ простой перечень именъ и фактовъ, расположенныхъ по годамъ, безъ всякой внутренней связи и послѣдовательности, точно такъ, какъ это видимъ въ летописяхъ. О нѣкоторыхъ изъ первыхъ главъ, гдѣ говорится непр. о религіозномъ состояніи Руси до принятія крещенія; о крещеніи ея, о правахъ Митрополитовъ и епископовъ, о вѣнчаніяхъ и отношеніяхъ, о ихъ содержаніи и содержаніи причтовъ, о монастыряхъ, ихъ происхожденіи, причинахъ возникновенія и назначеніи, о содержаніи и пользѣ ихъ, еще можно сказать, какъ о чемъ то мало мало связанномъ. Но съ девятой главы и въ послѣдующихъ за ней изложеніе буквально принимаетъ тотъ видъ, который и можно назвать только перечнемъ именъ и фактовъ. Вотъ что читаемъ непр. въ главѣ двѣнадцатой: При семъ т. е. великомъ князѣ Всеволодѣ Мономахѣ начатъ преподобнаго Несторову лѣтописъ Сильвестръ игуменъ Св. Михаила въ 1116 г. а въ 1117 или въ 1118 г. Св. Антоніемъ основанъ Антоніевъ монастырь въ Новгородѣ. Въ 1119 г. выстроенъ Новгородомъ заложенный Юрьевъ монастырь игуменомъ Киріакомъ при князѣ Всеволодѣ Мстиславичѣ; а иные относятъ его основаніе къ Ярославу или Георгію Владиміровичу.

Въ 1121 г. скончался Митр. Кіевскій и всея Россіи Никифоръ, пасъ Церковь 15 лѣтъ, и въ томъ же году пришелъ Митрополитъ изъ Царьграда, посвященъ Царьградскимъ патріархомъ, Грекъ Никита на Кіевъ и всея Россіи.

И посвятилъ Никита Митрополитъ епископомъ Симеона во Владиміръ, не на Клязьмѣ, а во Владиміръ Волынскій. Пишется, что М. Никита затворилъ въ темницѣ злаго еретика Дмитра, ниспровергающаго уставы церковные: но кто сей былъ Дмитръ и въ чемъ его ересь состояла не объясняется; но видно, что изъ сего кѣрста послѣдствій не вышло.

Въ Кіевѣ 1122 г. бысть великій пожаръ и сгорѣша Божьи церкви, Несторъ пишетъ, до шести сотъ, а списокъ Никоновскій — до семи сотъ; но Татищевъ летописецъ полагаетъ только 80 церквей.

А въ 1126 г. скончался великій князь Владиміръ, въ крещеніи Ѳеодоръ Мономахъ Всеволодовичъ... А по смерти его на великое княженіе въ Кіевѣ вступилъ сынъ его Мстиславъ Владиміровичъ въ крещеніи Петръ.

Митрополитъ Никита скончался въ 1126 г., проживъ церковію пять лѣтъ; а на его мѣсто вступилъ Митр. Михаилъ изъ Грековъ, посвященъ отъ Царьградскаго Патріарха.

по содержанію своему остановился, главнымъ образомъ, какъ повѣсть о правленіи церковномъ.

Сей Митрополитъ Михаилъ посвятилъ во епископа въ Смоленскъ Мирешка, а по инымъ Мануила скупца въ 1137 г. А по инымъ первый епископъ Смоленскій былъ Игнатій въ 1128 г.; а по Игнатіи Лазарь, по Лазаре же Мануилъ скупецъ. Сей Мануилъ изъ Грековъ привелъ съ собою лучшихъ иконописцовъ и обучили людей нашихъ, конечно Греческому, на росписовъ Греческій.
И тако вновь открылась епархія Смоленская при Митр. Мирешкѣ и при великомъ князѣ Мстиславѣ Владиміровичѣ.
При томъ сей же Митрополитъ посвятилъ Федора скупца во Владиміръ Волынскій. А гдѣ посвященъ былъ епископъ во Владиміръ на Волынѣ, сего въ летописцахъ не видно.
Далѣе, авторъ разсказываетъ о томъ, какъ Мстиславъ помогалъ помочь Черниговскому князю Ярославу противъ Всеволода, сочинившаго послѣдняго съ Черниговскаго престола помочь въ сему дѣлу Ярославу князю — никому не давъ его въ обиду и какъ эту клятву разрѣшилъ ему священный соборъ, взявъ грѣхъ на себя, лишь бы князь не подписалъ грамотъ, и заключаетъ главу разсужденіемъ, справедливъ ли такой поступокъ со стороны духовенства. Преосвященный не высказываетъ своего личнаго мнѣнія, но предоставляетъ дѣло всевѣдущему Богу, замѣчая только, что бывали случаи, когда клятва смѣнена была и нарушена, какова клятва Ярославу. Въ самомъ концѣ главы мы находимъ новую приписку, что тотъ же Митр. Михаилъ посвятилъ

еще епископа и Новугороду — Нифонта, мужа святаго, на мѣсто прежде бывшаго Іоанна, который сошелъ прежде тѣмъ въ монастырь на безмолвіе. Какъ вмѣстѣ такая приписка съ предыдущимъ сказанъ трудно. Да и вообще вся глава, что это такое? По своей пространственности, если можно такъ сказать, она не велика. А между тѣмъ сколько предметовъ и самыхъ разнообразныхъ совмѣщено въ ней. Авторъ говоритъ какъ и о продолжателѣ дѣла Нестора и объ основаніи новгородскихъ монастырей и о смерти митрополита и о замѣнѣ его новымъ лицомъ, о томъ кого и куда поставили новаго Митр. во епископа, о еретикахъ, заключенныхъ въ темницу, и тутъ же о пожарѣ Кіевскомъ и смерти великаго князя и о вступленіи на престолъ сына его, о смерти новопріявшаго митрополита и новой замѣнѣ его и о новыхъ ставленникахъ на еписк. каѳедры, о ссорѣ князей и умиротвореніи ихъ. Ко всему этому авторъ прибавляетъ еще разсужденіе и заканчиваетъ новымъ фактомъ, поставленіемъ новаго епископа Новугороду. И все это вмѣстѣ — въ одной главѣ и одно съ другимъ перемѣшано. Но мѣшаются годы, за то развивается внутреннее единство совмѣщаемыхъ фактовъ и ихъ внутренняя послѣдовательность. Какимъ же, послѣ этого, болѣе подходящимъ словомъ можно охарактеризовать такое изложеніе, какъ только не простотою набросанныхъ именъ и фактовъ въ ихъ временной случайности. И эта глава не один—

отвечал. Тринадцатая, четырнадцатая и всѣ
семнадцатыя главы до самаго конца, какъ не надо
болѣе, порядкомъ на нас по своему изложенію. Также
слѣдъ, чисто внѣшнимъ и случайнымъ, такое разно-
образіе предметовъ и при большомъ образіи такое
множество ихъ. Если и есть исключенія, такъ или
можно назвать развѣ только главу 20-ю и главы
начиная съ 61-й и кончая 74-й включительно. Въ
первой авторъ повѣствуетъ насъ о нашествіи
на Русь несчастливѣйшаго безвременія - погро-
ма татарскаго и междоусобременнаго. Вмѣсте
съ этимъ онъ раскрываетъ еще и тѣ причины,
благодаря которымъ не устояла Русь
въ борьбѣ со врагами. Фактъ, т. обр., берется
одинъ и глава получаетъ характеръ цѣло-
стности. Но зато единство главы зависитъ
отъ единства факта. Величина другія главы,
потому что онѣ не только сами по себѣ отдѣль-
но представляютъ изъ себя нѣчто цѣлое,
но взятыя въ совокупности составляютъ
одну цѣлую повѣсть, изображая страну
и стремящуюся, какъ выражается пресвя-
щенной трагедію, открывшуюся въ 1604 г.
появленіемъ самозванца подъ именемъ царе-
вича Димитрія, чудесно спасшагося отъ
убійцъ, грозившаго ему въ Угличѣ отъ людей

подосланныхъ Годуновымъ. Но что значитъ это
количество главъ, если если присоединить
къ нему и главу 20-ю и нѣкоторыя изъ пер-
выхъ главъ, въ сравненіи съ тѣмъ большинствомъ,
какое представляетъ изъ себя исторія пре-
освященнаго. Итакъ понятіе „сборника" всего
скорѣе должно быть приложимо къ ней, чѣмъ
какое либо иное понятіе, тѣмъ болѣе, что
если изложеніе ея и переходитъ иногда въ
связный разсказъ, то самый разсказъ строго
дѣлово, не будучи связанъ ни съ предшествую-
щимъ ни съ послѣдующимъ, какъ главы и о мно-
гомъ царствіи. Это такое отдѣльный фактъ,
подведенный подъ годовую рубрику, которая
выставлена въ началѣ 61-й главы, въ видѣ
1604 г. Авторъ на этомъ разъ только не раз-
влекается и все вниманіе свое сосредоточиваетъ
на одномъ дѣлѣ, слѣдя за его теченіемъ.
И такъ какъ дѣло довольно сложное и самое
изложеніе принимаетъ тѣмъ не простой
оттѣнокъ случившагося, съ нѣкоторой
стороны повѣсти. Въ общемъ, характеръ изложе-
нія исторіи, т. обр., остается неизмѣненнымъ
Стало быть исторія - сборникъ, сборникомъ
и должна быть мѣстами; нѣтъ же, чтобы
Авелечев и сборник мѣстами нашъ съ тою только

разницею, что исторія пр. есть летописец церковная.

Въ это говоритъ и самое дѣленіе, по которому исторія представляется на себя двѣ части съ восемнадцатью двумя главами, но ни одного періода, ни одного отдѣла, ничего такого, что привычъ видѣть нашъ глазъ въ новѣйшихъ исторіяхъ-дѣленіе, которое сразу мы чувствуемъ себѣ дѣленіемъ болѣе по форме, чѣмъ по существу дѣла. Впрочемъ, таковымъ оно и должно было быть, потому что дѣленіе по существу можетъ быть только слѣдствіемъ системы, а какая система въ хроникѣ преосвященнаго? Отсюда и дѣленіе его не можетъ быть правильнымъ, а должно чувствовать свою случайность и при своей случайности чисто субъективнымъ, основаніе котораго лежитъ не въ разсказываемомъ, а въ личности разсказывающаго. Поэтому и отсутствуетъ какой нибудь опредѣленный признакъ для дѣленія въ исторіи преосвященнаго, невозможно. Судя по нѣкоторымъ главамъ, по примѣру, можно было бы сказать, что отличительнымъ признакомъ служитъ система великихъ князей и за тѣмъ царей. Такъ, начало 10-го г. соотвѣтствуетъ началу княженія Мстислава Ярославича, 12-е — началу княженія Владиміра Мономаха, 13-е — Мстислава Владиміровича, 17 — Всеволода Юрьевича, 27-е — Семена Ивановича Гордаго, 39-е — Василія Василіевича Темнаго, 40-е — Василія III-го, 48-е — Іоанна IV-го, 58-е — царя Ѳеодора Іоанновича, 60-е — смерти Ѳеодора и вступленію Годунова, начало 63-е — началу царствованія Ѳеодора Борисовича и т. д. Но этотъ признакъ оказывается вѣрнымъ только для нѣкоторыхъ главъ и совсѣмъ не проходитъ чрезъ всю исторію. Для другихъ основаніе исчезаетъ. Есть случаи, когда не система князей и царей, а система митрополитовъ и такія главы есть болѣе или менѣе можно указать на 11, 14, 16, 18, 19, 22, 24, 25, 26, 34, 37 и т. д. Начиная вѣкъ этотъ, главы служатъ образомъ замѣщенія каѳедры новымъ митрополитомъ на смѣну умершаго. А есть и такія главы, для которыхъ и этого признака не существуетъ, напр. 44-я глава начинается возведеніемъ на митрополію въ 1495 г. Геронтія, а 45-я вступленіемъ на царство Димитрія внука Іоанна III-го; 49-я — взятіемъ Троицкаго, 50-я — взятіемъ Казани, 51-я — уничтоженіемъ Казанской епархіи, 52-я — смертію Максима Грека, 53-я — извѣстіемъ, что царь Иванъ

Васильевичъ помѣстилъ главу въ монастырѣ Троицы Сергіевской на церкви Св. Троицы. Ясно, что онаго какого либо опредѣленнаго признака, на основаніи котораго Преосвященный проводилъ бы дѣленіе въ своей исторіи, указать не приходится. Дѣленіе, слѣдовательно, случайно, и при случайности своей чисто субъективное, предуказанное авторомъ только для того, чтобы читатель могъ остановиться на чемъ нибудь и перевести духъ.

Остается вѣрною словамъ автора съ внѣшней своей стороны, со стороны своего изложенія, и исторія Преосвященнаго вѣрною остается словамъ его и со стороны своего содержанія. Авторъ обѣщалъ только сорвать, сорвать только и дѣлаетъ она. Что касается личныхъ взглядовъ, личныхъ сужденій, которыя, пр. все таки не забылъ упомянуть въ своемъ предисловіи, то они, по его собственнымъ словамъ, находятся только въ „нѣкоторыхъ мѣстахъ". Преосвященный лишь изрѣдка позволяетъ себѣ останавливаться, лишь изрѣдка задумается надъ чѣмъ либо и постарается объяснить это что либо, объяснить его, показать

причины его и его слѣдствія. Лишь въ первой главѣ мы находимъ только два письма, гдѣ авторъ входитъ въ роли простого разсказчика былого и хочетъ сказать нѣчто отъ себя. Сущность обсуждаемого составляетъ вопросъ: имѣли ли наша дѣвическая Русская кто нибудь письменность и высшую у ней грамотность-мерецы? Въ томъ и другомъ случаѣ пр. въ противорѣчіи Татищеву, Щербатову и Елагину, утверждавшимъ существованіе того и другого, приходится къ весьма совершенно инымъ. Онъ доказываетъ, что если и можетъ быть рѣчь о письменности въ средѣ Русовъ, то не прежде, какъ со времени Владиміра Святого. А о существованіи грамотъ и мерецовъ, по мнѣнію автора, и говорить нечего, какъ о чистой выдумкѣ. Въ заключеніе пр. задается новымъ вопросомъ: чему или какому свойству Русскаго народа нужно приписать это отсутствіе грамотъ и мерецовъ, но вопросъ, какъ видно, оказался не по силамъ,

и онъ, намѣтивъ только стороны, съ которыхъ можетъ быть разсматриваемо дѣло, оставилъ его открытымъ.

Не много таковыхъ статьекъ находимъ и въ главахъ послѣдующихъ. Есть гдѣ и оказываются они какія либо замѣтки или сужденія, такъ только во 2ой главѣ, по вопросу о посѣщеніи Ф. Замки Апостоломъ Андреемъ, каковое посѣщеніе, авторъ, нужно замѣтить, отрицаетъ совершенно; въ 4ой г., по поводу обращенія Владиміра въ христіанство и похода его подъ Корсунь, сказавъ очень авторъ старается показать и самыя причины приведшія князя къ тому и другому; въ 6ой главѣ, 7ой и 8ой. Въ первой пр. сдѣлаетъ замѣтку касательно перваго нашего Ф. митрополита Михаила, во второй — онъ решаетъ вопросъ: почему митрополиты кіевскіе, на первыхъ порахъ, избираемы были и поставляемы отъ Константинопольскаго патріарха и избираемы по предложенію изъ Грековъ, вмѣстѣ пр. находитъ въ томъ, что греки были тогда просвѣщеннѣе, церковныя должности и управленія вообще знающіе и при томъ и удобнѣе и отдаленнѣе вообще Азіи, дуализ пр., по тогдашнему времени для Руси Русской нужно было почитать не малое преимущество. Въ послѣдней главѣ т.е. 2ой рѣчь заходитъ о монастыряхъ. Поэтому авторъ разсуждаетъ въ ней, съ одной стороны, о причинахъ умноженія монастырей и ихъ значеніи, съ другой, о ихъ нравственномъ состояніи и обстоятельствахъ такъ или иначе вліявшихъ на него. Далѣе, как какія замѣтки находимъ: въ 7ой главѣ — по поводу избранія Митрополита Иларіона помимо Константинопольскаго патріарха, въ 10ой, 12ой, гдѣ, какъ извѣстно, пр. старается установить выгоды поступокъ духовенства, вызвавшаго на себя клятву великаго князя Мстислава Владиміровича, данную имъ Ярославу Черниговскому въ томъ, чтобъ защищать его отъ его недруговъ, клятву, которую Мстиславъ потомъ нарушилъ, отказавъ Ярославу въ помощи противъ Всеволода, внука самаго Ярослава изъ Черниговъ; въ 13ой, 14ой, 16ой, 19ой. Въ этой послѣдней авторъ подвергаетъ обсужденію

два проекта — сношения волхвов в Новгороде
в 1227 г. и постриженіе в монашество кончи-
ни князя Константина еще при жизни послѣд-
него и вмѣстѣ съ нею-нѣкоторыхъ князей.
Къ тому и другому Пр. относится вовсе недо-
брожелательно. Говоря о сношеніи волхвовъ, онъ
какъ бы не довѣряетъ проекту ихъ волхвованія
и мѣшаетъ большихъ доказательствъ, чѣмъ
даетъ ихъ въ летописи. „Ибо нерѣдко, говоритъ
онъ, отъ одного непросвѣщенія и невѣжества
о чиноѣдѣ конь глаголи и неповинные страда-
ютъ или болѣе бываютъ наказаны, нежели
вина ихъ, ѣсодеи вмѣсто". Второй же Иоаннъ онъ
прямо считаетъ неосновательнымъ и справ-
ги въ зависимости отъ измѣнчивости и
неустойчивости о сношеніяхъ воображенія
и отъ сомнительныхъ монаховъ, которые
могли слышать, что великій князь постригается и чрезъ то ихъ состояніе болѣе уве-
личится, слѣдовательно ставитъ въ зави-
симость отъ такихъ причинъ, которыя
уже сами по себѣ бросаютъ на свое произве-
деніе неблагожелательный свѣтъ. Теперь слѣдуетъ
глава двадцатая. Въ ней, какъ извѣстно, авторъ

старается между прочимъ рѣшить тотъ вопросъ:
почему Русь не могла устоять противу Татаръ
и была завоевана или Ими принята она завоевателя
прежде всего въ междоусобіяхъ князей, а эти
послѣдніе въ смѣсью христіанскаго про-
свѣщенія и при томъ болѣе нарушенной,
чѣмъ внутренней, которое въ свою оче-
редь, ставитъ въ зависимость отъ поведе-
нія духовенства. Итакъ новый вопросъ
и новое сужденіе. Такое сужденіе нахо-
димъ и въ двадцать второй главѣ Житія,
но мы слѣдуемъ прямо перейти къ главѣ
двадцать пятой, гдѣ рѣчь идетъ о пере-
несеніи митрополіи изъ Владиміра въ
Москву и въ концѣ о значеніи этого пере-
несенія, какъ для самой Москвы, такъ и
для церкви. Дальнѣйшія замѣтки вопро-
сахъ. Не этотъ разъ большинство замѣтокъ
касается или Константинопольскихъ Патріарховъ при постановленіи послѣднихъ Митрополитовъ на Русь, или Вселенскій нашей святительной Церкви. Авторъ

или осуждаетъ ихъ, чем нарушаетъ справедливости, оправдываетъ и благословляетъ. Тоже дѣлаетъ онъ и въ 41 главѣ — по поводу изгнанія Митрополита Іоны, помимо вѣдѣнія патріарха Константинопольскаго, и собственнаго поступка Іоны съ дѣлами Василія Темнаго, которыя, Іона, будучи еще епископомъ Рязанскимъ, выдалъ смертельному врагу Василія — Шемякѣ — имѣлъ отнять будто-бы достоинство митрополита Россійскаго. Что касается предыдущихъ главъ, то въ нихъ можно указать разныя суждения о раздѣленіи Митрополіи и Греко-Россійской Православной на соборѣ Флорентійскомъ въ 1439 г. (32 г. и 40-я). Послѣдующее суждение находимъ уже въ 45-й главѣ. Здѣсь авторъ говоритъ о вступленіи на царство Іоанномъ III-мъ внука его Димитрія, говоритъ и о тѣхъ мотивахъ, которые побудили князя ввести этотъ новый для Россіи обычай. По словамъ его, нельзя думать, чтобы тутъ ранѣе сколько нибудь участвовали греческіе мотивы преемственности, а причина пороза заключалась въ томъ, что Іоанномъ, усилившей

свою державу и чрезъ то присвоивъ себѣ больше духа и воображенія, просить того, чтобы, что самого его нѣкоторые привѣтствуютъ царемъ, а цари, какъ напр. Греческіе, вѣнчаются и сами вѣдомыми устраивать обрядъ сей, было предоставлялся случай, со вѣдомъ своимъ, которого назначать себѣ въ преемники, назвавъ обрядъ сей и епископомъ для себя и полезнымъ и нужнымъ для Россіи. Такъ думаетъ Преосвященный. Въ этой же главѣ, говоря о ересяхъ, имѣвшихъ существующихъ, онъ осуждаетъ ихъ строгость наказаній, наложенныхъ на нихъ свѣтскою властію съ согласія духовной, находя эту строгость вовсе несоотвѣтственною и духу христіанской кротости несогласною. Самые суждения автора можно найти только во 2-й части, главнѣйшихъ образомъ, въ главахъ 51-й, 52-й, 57-й и нѣкоторыхъ послѣдующихъ. Въ первыхъ двухъ главахъ Преосвященный разсуждаетъ, съ одной стороны, о отношеніи соборовъ и Вѣлнія, Константинопольскаго Греко, съ другой — о причинахъ ереси

послѣдняго въ Тверской отроч монастырѣ и о совѣтѣ протопопу, учиненномъ будто епископомъ Васіаномъ Тверскимъ, бывшимъ тогда на обращеніи въ Никоновскомъ монастырѣ, гдѣ этотъ старецъ посовѣтовалъ царю, поступившему его, не принимать чужихъ совѣтовъ, а слушаться единственно своего собственнаго разсудка, почитая себя всѣхъ умнѣе. Этотъ совѣтъ авторъ лукаво скачетъ, считаетъ чистымъ вымысломъ и потому отвергаетъ, какъ невѣдомую. Что касается 51-й главы и послѣдующихъ, то въ нихъ слѣдуетъ указать мнѣнія Преосвященнаго объ учрежденіи у насъ Патріаршества, объ убіеніи Димитрія, о Стоглавомъ соборѣ, на которомъ провозглашено было унія, о попыткѣ папы Климента VIII склонить Ѳедора къ войнѣ съ Турками, объ участіи духовенства въ воцареніи на престолъ Годунова и, что всего важнѣе, мнѣній его о Самозванцѣ и причинахъ, выдвинувшихъ послѣдняго, а также

о причинахъ слабости царствованія Василія Іоанновича Шуйскаго и мнѣніе его о Самозванцѣ второмъ. Наконецъ, въ послѣднихъ главахъ можно указать развѣ только на оцѣнку Преосвященнымъ дѣяній Никона по исправленію богослужебныхъ книгъ и на мнѣніе его о причинахъ, повлекшихъ за собою низложеніе послѣдняго съ патріаршей каѳедры, каковое мнѣніе есть вѣнецъ съ тѣмъ "послѣднее мнѣніе"

Итакъ, не будетъ ошибки, если скажемъ, что главъ въ исторіи Преосвященнаго, мало вовсѣ фактовъ, тѣмъ не менѣе замѣчаетъ сужденій очень и очень много.

Небогата исторія его и какими то нервно обрѣзанными. Вотъ что и есть, такъ это только нѣсколько характеристикъ, кои гдѣ разбросаны въ его исторіи среди мѣрно текущаго летописнаго повѣствованія, - характеристикъ, которыя касаются или отдѣльныхъ лицъ или какой ка-

кой либо группы ихъ. Изъ этихъ послѣднихъ особенно
много. Даже если присоединить къ нимъ и ту,
которая, какъ мы видѣли, находится въ самомъ
предисловіи и касается духовенства Вѣчей
Преосвященной въ противность нѣкоторыхъ
современныхъ ему писателей лѣтописи,
старавшихся выставить это сословіе
въ самомъ черномъ свѣтѣ, наборатъ
характеризуетъ его совершенно иначе. При-
водя сбѣ на наличіе всю мѣстное духовен-
ство за все время отъ начала у насъ христі-
анства до времени упраздненія Анна-
Ода, онъ приходитъ къ тому убѣжденію, что
при тогдашнемъ повсюдно невосстѣ-
нимъ просвѣщеніи духовенство, оно
все таки въ вѣрахъ было усердно и по бо-
гочестію ревностно, просто, но и въ
простотѣ своей давало назидательный
примѣръ своимъ бѣднымъ мирянамъ. Въ
доказательство пр. ссылается на тотъ
общеизвѣстный фактъ, что духовенство
само никогда не участвовало ни въ

мятежахъ народа, ни въ междоусобіяхъ
князей. Напротивъ оно, по словамъ его, ста-
ралось даже прекращать ихъ, и примирять
враждующихъ. А если нѣкоторые, предве-
мъ просвѣщенной, и были мятежни-
ками небогословными, или, вмѣшиваясь въ гу-
мнія дѣла, подавали поводъ къ несогласі-
ямъ, то таковыя было весьма мало
и было бы явною несправедливостію,
чтобъ нѣкоторыхъ, и то рѣдкихъ непотвѣ-
ныхъ поступковъ могли послужить къ опо-
рочиванію всего, впрочемъ богословнаго
и честнаго, состоянія. Сказавъ это, авторъ
переходитъ далѣе собственно къ монаше-
ству или черному духовенству и сни-
маетъ съ него упрекъ въ сребролюбіи. Онъ
находитъ, что если нѣкоторые изъ монаше-
ствующихъ и пріобрѣтали имѣнія,
за то они употребляли ихъ не на что иное,
а на созданіе храмовъ и ихъ украшенія,
устроенія огромныхъ обителей и зданій, что

кельяхъ, выкрадъ на тѣхъ обитаемъ, принадлежитъ
бывшъ мошенно. А если и были монастыри,
которые, подъ видомъ святости, которые
вводили въ сердца простодушныхъ и испраши-
вали не мешая подаяній на свое пользованіе,
то опорочитъ всего общества они, по словамъ
его, опять ли не мощно и это общество въ
концѣ концовъ является у него, если не учи-
лись своемъ, то прямо Евангельскою Добродѣ-
тель приближающимся къ временамъ пер-
венствующія церкви

Есть у преосвященнаго и другая характе-
ристика монашествующихъ именно въ
восемой главѣ, гдѣ, какъ извѣстно, рѣчь
идетъ о монастыряхъ, о причинахъ ихъ воз-
никновенія и умноженія, о равно и ихъ значеніи
и пользѣ, къ чему авторъ присоединяетъ
еще и взглядъ на нравственное ихъ состояніе
по нему, это состояніе, на первыхъ порахъ
жизни нашей церкви, было выше и чище,
чѣмъ во времена послѣдующія „Монахи,
говоритъ онъ, сначала содержали свое натура-

ли работою рукъ своихъ, занимаясь или ка-
ковымъ художествомъ, а при томъ и отъ
добровольнаго міряна подаянія и все было
обще. И тогда, конечно, лишніе изъ было лучше,
когда молитва и трудъ были соединены, а
чрезъ то и Духъ освящался, и тѣло не раз-
слабѣвало, и праздность слугою къ порокамъ
не подавала. Но послѣ по наклонности госу-
дарей и князей и другихъ знаменитыхъ лицъ,
вотчины, села и деревни монастырямъ
даны были на содержаніе, чрезъ то хотя
наружность стала видная и благолѣпная,
но внутренняя красота умалилась.
Ибо таковыя готовыя во всемъ достаткѣ,
а лѣнь и изобиліе уменьшили трудъ и
вмѣстѣ праздность, а отъ того раздѣленіе
душевное и мысленное, которое вмѣсто къ
міру, нужно къ небу монашествующихъ
привлекало. Итакъ новая черта къ харак-
теристикѣ нравственнаго состоянія
нашего Русскаго монашества. Авторъ
указываетъ на измѣненіе этого состоянія

и вмѣстѣ дастъ понять, каково это измѣненіе и чему обязано оно.

Теперь недостаетъ только характеристики смерти. Все, нужно сказать, въ исторіи Преосвященнаго не отрицается. Вы читаете и можете восхищаться чѣмъ либо, такъ рельефно содержаніемъ главы двадцатой, гдѣ, какъ уже извѣстно, авторъ говоритъ о нашествіи Татаръ и причинахъ порабощенія ими Руси. Настоящей и полной характеристики, очевидно, быть тутъ не можетъ, все таки хотя какое понятіе, при извѣстныхъ усиліяхъ съ нашей стороны, выработать можно. Дѣло въ томъ, что Преосвященный, задавшись вопросомъ о причинахъ тогдашней слабости Руси, отыскиваетъ ихъ сначала въ политическомъ строѣ общества, а за тѣмъ въ его религіозно-нравственномъ состояніи, при чемъ, какъ и слѣдовало, онъ очерчиваетъ соотвѣтствующими красками какъ то, такъ и другое. Послѣ словъ того опустошенія и того разоренія, какое претерпѣла Русь отъ нахлынувшихъ тогда полчищъ татарскихъ, и можно было ожидать. Почему? потому что отъ самыхъ кончины Святого Владиміра, слишкомъ трехъ столѣтій, почти никогда не переставали между собою воевать, ибо не было единодержавія, чтобы всѣ князья Россійскіе единому государю были подвластны. Правда, былъ великій князь, но не такова была власть его, чтобы другіе князья считали себя его подвластными и повелѣніямъ его безпрекословно повиновались и потому всѣхъ почитали себя въ своемъ княженіи постоянными и ни отъ кого независимыми. Поэтому и на великаго князя Кіевскаго и Владимірскаго, видя ихъ бѣдствіе, нападали и ихъ съ великаго княженія нерѣдко сгоняли и сами на тотъ княженіи сѣдалися, дѣлали кто сильнѣйшій не свергалъ ихъ сосѣдъ. И сіе происходило не между иноплеменными и чужеземными, но между своими великими и средними. Братья на братьевъ,

дѣлъ на племянниковъ и племянники на дѣдей, ставъ стяженники на свойственниковъ, а люди и отцы на дѣтей и дѣти на отцовъ восставаемъ и ратовалися не яко человѣки, колѣ паче не яко христіане, но яко звѣри. А причиною тому было честолюбіе и корыстолюбіе. Всякъ хотѣлъ себѣ возставить и всякъ стремился чрезъ инихъ, а свои ублажить, а грѣбы, сами деревни падали и вмѣсто мира вездѣ поставали были злобы и вражды подѣленные, т. обр., Россіи было смиряваемъ предержащей власти не только исчаніемъ своимъ, но и самою смѣлою. Отсюда начало, заключаетъ авторъ, увеличилася малонаселенности Россіи и тому, что дѣлъ побудили татаръ и наложили на нас тяжкое иго. Напротивъ, нужно еще благодарить Провидѣнія, что она, при такой порядкѣ, не погибла окончательно.

Указавъ величайшую причину постигшего Россію несчастія и вмѣстѣ самое обрисовавъ общество съ видимой стороны его, покрайней мѣрѣ властителей его, обѣщаясь и корыстолюбцами и властолюбцами, Преосвященный хотѣлъ заглянуть въ душу ея еще глубже, разсмотрѣть самое религіозно-нравственное состояніе ея и опять съ мало ли цѣлію, объяснить недѣлей тайнѣйшей Руси. Онъ обращается къ религіи и какъ бы спрашиваетъ себя: чтобы она была такое, почему она не ограничивала грубо направляемую волю князей, такъ мало воздѣйствовала на нее? Ибо всѣ князьки были христіане; а вѣры христіанской свойство миръ, любовь, смиреніе и безкорыстіе. Сопоставляя это свойство религіи съ тогдашнею дѣйствительностію, Преосвященный приходитъ къ тому мнѣнію, что наши Русскіе князьки, хотя и были христіане, но о прямыхъ основаніяхъ христіанства не свѣдущи и дуракъ

Евангелія просвѣщенія не вѣдомъ, что вторая состояла въ Вѣрѣ такою нарушенности въ вѣдомъ внѣшнихъ обрядахъ; перемѣненъ вѣдомъ нарушенный видъ, но не перемѣненная душа внутрь. Многіе изъ строгихъ вѣдомъ церкви монастыри, богатые дарами вѣдомъ вкладами и въ отношеніи постриженцы, но въ самое тоже время они семидоусовой изъ кровь невинная лилася потоками. И какъ при властолюбіи и честолюбіи и при корыстолюбіи Русскіе князья того времени, въ числѣ Просвѣщенныхъ, обнаружили еще и въ религіозно-нравственномъ отношеніи недостатки. Состояніе очевидно, далеко не завидное. Впрочемъ авторъ находитъ его вполнѣ естественнымъ. По словамъ его, поступокъ Владиміра при крещеніи народа, исключавшій собою достаточное наставленіе послѣдняго въ вѣрѣ со стороны крестившаго его духовенства, малопросвѣщенность собственно русскаго духовенства и невнимательность къ проповѣди со стороны, приглашаемаго къ нимъ духовенства греческаго, все это ясно даетъ понять, можно ли было ожидать плода его слово большаго отъ среды мірской.

Новую, хотя и малую частицу характеристику мы встрѣчаемъ еще въ 22 главѣ. По содержанію своему она касается всѣхъ нашихъ десяти патріарховъ въ совокупности и представляетъ ихъ постыдными бесчестными, о пользѣ церкви попечительными и отечества и его Богосозданія любителями ревностными. Изъ нихъ, первыхъ трехъ Іоанна и Филарета Никитовъ Высокопреосвященные даны вѣчнаго прославленія. Но и прочіе, оставляетъ авторъ, ничего, кромѣ бѣда для церкви и общества, противнаго не явили. Одинъ патріархъ, Никонъ выставляется, какъ противникъ государской власти и возмутитель, но и объ немъ нѣтъ дѣйствительнаго, пото-

лу что самъ царь Алексѣй Михаиловичъ, по волѣ коего Никонъ низверженъ, умирая, просилъ отъ него прощенія и разрѣшенія, именуя его отцомъ своимъ духовнымъ, вашимъ господиномъ, святѣйшимъ Никономъ, Патріархомъ и Вселенскимъ пастырем, а затѣмъ сынъ Алексѣя, государь царь Ѳедоръ Алексѣевичъ, возвратилъ ему всю патріаршую честь и достоинство, потребовалъ его къ Патріарху и у вселенскихъ патріарховъ испрашивалъ ему разрѣшеніе и возвращеніе всѣхъ его патріаршихъ преимуществъ. Этою характеристикою и оканчиваются тѣ, которыя имѣютъ въ виду цѣлую совокупность лицъ.

Что же касается характеристикъ того или другого отдѣльнаго лица, то онѣ въ исторіи преосвященнаго будутъ нѣсколько болѣе и для примѣра можно указать здѣсь на характеристики Св. Ольги, великаго князя Всеволода, Ярослава

Всеволода, также на характеристики Святителя Алексія /17. 178 стр./, Преп. Сергія, Митрополита Макарія /27. 51 стр./, Грознаго /27. 86 стр./, Годунова /27. 136 стр./, Никона /27. 242-243 стр./ и царя Ѳедора Алексѣевича /27. 269 стр./

Итакъ, нѣсколько практическихъ отдѣлокъ, практическихъ указаній и еще менѣе характеристикъ - вотъ все, что разнообразитъ исторію преосвященнаго и нарушаетъ простой ея перечень событій изъ жизни Церкви. И что главное - всѣ эти оцѣнки, объясненія, характеристики опять же вращаются только около единичныхъ фактовъ и отдѣльныхъ лицъ по преимуществу. Авторъ, если можно такъ сказать, не разъ не хочетъ отвлечься отъ нихъ, обобщить способное къ обобщенію, возвысить достоинства эпохи и оцѣнить уже не отдѣльный фактъ, а цѣлую эпоху, совокупность лицъ и событій, показать обстоятельства, благодаря которымъ данныя лица и событія

ли вовсе не то, что было прежде или могъ-
-показать причины измѣненій въ самомъ
ходѣ событій. Авторъ, очевидно, и въ сужде-
ніяхъ своихъ найдетъ довольно фактовъ не хо-
рошихъ выше его. Сказать, что въ данномъ
году случилось тогда, а въ слѣдующемъ
-вомъ это, -этого и вносить для него до-
статочно. Слѣдовательно и на этомъ
разѣ исторія преосвященнаго не удовлетво-
ряетъ словамъ его и въ дѣйствительности
они даютъ то, что обѣщано было заранѣе.

Наконецъ, нами обѣщано было, что исто-
рія, имѣя въ виду дѣйствія церкви, главнымъ
образомъ представитъ ихъ въ актахъ
церковнаго управленія, и это
послѣднее отчасти и вносится осуществле-
ніе его. Ни о чемъ такъ много и такъ подробно
не говоритъ она, какъ о лицахъ митропо-
литовъ и патріарховъ. Кто они, когда и
кѣмъ поставлены, когда прибывши на каѳедру
сколько времени занимали ее, когда оста-
вили ее, вопросы эти прежде всего. Затѣмъ

хотя и кратко, но не безъ подробностей
передаются и самыя дѣла ихъ. Кого, когда и
куда поставили они епископовъ, когда какой
собирали соборъ и по поводу чего, когда и куда
предпринимали походы и съ какою цѣ-
лію, кого судили или кого наказывали, каки-
вы были отношенія ихъ къ сѣверной власти
и какъ эта послѣдняя въ свою очередь
относилась къ нимъ - не всѣ эти вопросы,
какъ и не многіе другіе, отвѣтъ найдемъ
несомнѣнно. говоря съ возможною точно-
стью о лицахъ и дѣятельности митропо-
литовъ и патріарховъ, исторія не забы-
ваетъ и другихъ нашихъ Русскихъ іерарховъ
-епископовъ, особенно почему ещё вда-
вшихся. Не забываетъ она и о представи-
телѣ низшихъ іерархическихъ степеней
- священникахъ, діаконахъ, изъ коихъ между
прочими выбирались они, архимандри-
тахъ и игуменахъ и объ отношеніи всѣхъ
ихъ къ начальнику ихъ епископу (чит.), говоритъ
и о содержаніи духовенства и какъ что

о церковныхъ реформахъ, напр. объ учрежденіи монастырскаго приказа[1] въ царствованіе Алексія Михайловича, о ранѣе - о реформѣ касательно церковныхъ и монастырскихъ вотчинъ. Въ первый разъ объ этой реформѣ упоминается подъ 1499 г., гдѣ повѣствуетъ, что великій князь Иванъ Васильевичъ III-й помаетъ за себя земли владычнія и монастырскія и раздаетъ ихъ дѣтямъ боярскимъ въ помѣстья, учинивъ сіе, какъ пишутъ летописцы, съ благословенія самаго Митрополита Геронтія[2]. Во второй разъ упоминается о ней подъ 1578 или лѣтъ 1579 г. въ управленіи Митрополита Антонія, при которомъ будто бы былъ соборъ, гдѣ, по требованію Грознаго, постановлено было, чтобы монастыри при архіерейскихъ домахъ и монастырскихъ вотчинъ не отнимать и никому ихъ не выкупать; а съ сего года никому вотчинъ въ монастыри не давать, а давать вмѣсто того деньгами, такъ же монастырскихъ земель не покупать и заклад-

1, 77 гл. 2, 45 гл.

ной не держать; а имѣющіяся нынѣ закладныя взять на государя и доставшіяся изъ рукъ послѣ князей вотчины отдать въ волю государеву; а впредь вотчинъ княжескихъ въ монастыри не брать, другими словами, положено было полное запрещеніе пріобрѣтать монастырямъ какую нибудь земельную собственность, при чемъ монастыри должны были еще и помѣщаться кой чѣмъ изъ своего наличнаго достоянія.[1]

Не много ранѣе въ исторіи Преосвященнаго упоминается еще о введеніи у насъ монашескаго общежитія Архіепископомъ Новгородскимъ Макаріемъ и тутъ же о постановленіи его - брать игуменовъ отъ завѣдыванія Минскими монастырями, а на мѣсто ихъ поставить игуменей.[2]

Область церковнаго управленія, такимъ образомъ раскрывается авторомъ удовлетворительно. Онъ много говоритъ о лицахъ, по крайней мѣрѣ, высшихъ лицахъ іерархіи и не

1, 55 л. 2, 47 л.

мало сообщается о дѣлахъ ихъ.
За то все, что не входитъ въ эту область церковного управленія, затрогивается имъ столь, какъ бы только мимоходомъ. Вначалѣ нѣсколько статей о монастыряхъ, о томъ, когда впервые стали появляться они, какъ устраивались и какъ, какова была внутренняя жизнь ихъ, каковы уставы и т.д. На всѣ эти вопросы, конечно, исчерпательно получить отвѣтъ и при этомъ отвѣтъ поспѣшный. И авторъ, дѣйствительно, даетъ его, но такой онъ даетъ понять, что монастыри были еще и при Владимірѣ Святомъ и послѣ него не переставали появляться далѣе въ Россіи. Сравнительно капитально, чѣмъ во времена раньше, онъ объясняетъ далѣе и причины такого явленія, говоритъ и о послѣдствіяхъ. Онъ сообщаетъ между прочимъ, что уставомъ дѣлъ нашихъ монастырей служилъ уставъ Студійскій, появившійся сначала въ Кіевѣ Печерской Лаврѣ, а за тѣмъ принятый

и всѣми другими Русскими монастырями, что монастыри, по большей части, поставлены были нѣкоторыми набожными и слабыми, нашедшими удовлетвореніе преимущественно, а нерѣдко получали свое основаніе и отъ набожныхъ князей, отъ бояръ и отъ другихъ знаменитыхъ людей, также и отъ епископовъ, что въ состояніи монашества могъ вступать каждый и при этомъ переходы изъ одного монастыря въ другой воспрещаемы не были. Говоритъ авторъ и о содержаніи монастырей и о правомѣ вмѣшиваться въ ихъ состояніи. Но то самое, что авторъ подробно перечисляетъ Митрополитовъ, Патріарховъ, приводитъ множество именъ епископовъ и вообще съ достаточною полнотою передаетъ дѣла ихъ, тогда какъ рѣдко приводитъ на памятъ, когда и гдѣ построенъ какой монастырь, это самое ясно даетъ

понять, что не вопросъ о монастыряхъ есть главный вопросъ, рѣшеніемъ котораго занятъ преосвященный. Такъ, изъ всего множества монастырей, покрывавшихъ и покрывавшихъ нашу Русь, изъ которыхъ многіе какъ были, такъ и теперь еще остаются знаменитыми, авторъ прямо говоритъ объ основаніи не болѣе, какъ только сорока изъ нихъ. Нельзя думать, чтобъ онъ руководился въ этомъ случаѣ знаменитостію монастырей и въ силу этого упоминалъ только о тѣхъ, которыя имѣютъ на нее право. Если такъ, то онъ упомянулъ бы объ основаніи и Кирилло-Бѣлозерскаго монастыря и Соловецкаго, о тѣхъ, которые и до сихъ поръ остаются еще знаменитыми. Но о нихъ, какъ и многихъ другихъ, если и узнаемъ изъ содержанія исторіи, такъ только потому, что или основатели ихъ упоминаются по какому нибудь поводу или

(Достать по)

архимандритъ, или игуменъ, или, наконецъ, иноки, жившіе въ нихъ и выдавшіеся чѣмъ либо, или узнаемъ потому, что нѣкоторые изъ нихъ служили мѣстомъ погребенія какихъ либо бояръ, князей и другихъ замѣчательныхъ людей, или мѣстомъ ссылки для какого либо осужденнаго епископа, Митрополита, или потому, что посѣщаемы были какимъ либо княземъ. Такъ, о существованіи Прилуцкаго монастыря, что на Вологдѣ, мы узнаемъ, напр., потому, что упоминается Димитрій Прилуцкій, который былъ его основателемъ[1] о Соловецкомъ - потому, что упоминается игуменъ его Пименъ[2], о Покровскій Суздальской женской обители - потому что игуменья его переведена была въ свое время въ Московскій новоустроенный Новодѣвичій монастырь[3], о Павловой пустыни - ради постановленія игумена съ Никона

или по другимъ какимъ либо обстоятельствамъ

1 Іч. 297 стр. 2, Іч. 372 стр. 3, Іч. 374 стр.

во епископа Коломенскаго,[1] о Богоявленскомъ — ради погребенія въ немъ Митрополита Филиппа 1го, умершаго въ 1472 г.[2], объ Отроч. вскомъ въ Твери, — ради ссылки туда Максима Грека и Митрополита Филиппа II го[3], Ферапонтовомъ, Кирилловомъ, Павловомъ, — ради посѣщенія ихъ царемъ Іоанномъ въ 1543 г.[4], о Никитскомъ Переяславскомъ, — ради того же посѣщенія Іоанномъ и устройство въ немъ общежитія[5], о Кирилло-Бѣлоезерскомъ, — по поводу ссоры изъ за него между Митрополитомъ Иоанномъ и Вассіаномъ Архіепископомъ Ростовскимъ за обладаніе имъ[6], о Калязинскомъ, — ради открытія мощей, основателя его, Макарія Калязинскаго, о чемъ повѣствуетъ авторъ подъ 1521 мъ годомъ[7]

При всемъ этомъ нужно сказать и то, что авторъ, упоминая объ основаніи какихъ нибудь

1, Гр. 360 стр. 3, Гр. 37 и 66 стр. 5, Гр. 46 стр. 7, Гр. 378 стр.
2, Гр. 328 стр. 4, Гр. 387 стр. 6, Гр. 331 стр.

монастырей, имѣлъ имѣлъ въ виду одну только знаменитость ихъ, то онъ не слова не сказалъ бы о такихъ, напр., какъ Кирилловскій, Строгинскій, которые основаны были преподобнымъ Сергіемъ, тѣмъ не менѣе какъ незначительные, впослѣдствіи упразднены были, — О Саввинскомъ въ Звенигородѣ и нѣкоторыхъ другихъ. Ясно, что не потому не говоритъ онъ подробно, когда, Одинъ и тѣмъ построенъ какой монастырь, потому что не во всѣхъ имъ можно приложить признакъ знаменитости, а потому, что онъ вовсе не считалъ для себя нужнымъ обращать на нихъ какое либо особенное вниманіе, что вопросъ о монастыряхъ, въ главахъ его, былъ вопросомъ второстепеннымъ.

И все это тѣмъ болѣе справедливо, что авторъ, самъ онъ готовъ написать

и исторію монашества, онъ никогда не ограничился бы такими общими указаніями на самыя послѣднаго, какія находимъ въ его исторіи. Онъ говоритъ напр. объ Аносѣ только видѣ любви — общежитіи, тогда какъ были и другія формы ея, каковы затворничество и любовь на столпѣ. Авторъ, если бы только имѣлъ онъ къ этому предмету болѣе вниманія, несомнѣнно упомянулъ бы и о нихъ и вмѣстѣ съ этимъ указалъ бы и самыя примѣры. А безъ примѣровъ думаю можно найти развѣ только сказаніе объ Исаакіѣ столпникѣ, иноки Троицы Сергіева монастыря и ученикъ самого преподобнаго.[1] Нельзя думать, чтобы авторъ не зналъ о нихъ, или не имѣлъ болѣе примѣровъ. Антоній Печерскій, Никита Переяславскій должны были быть извѣстны ему также, какъ извѣстны они

1, 223 стр. 1.3.

теперь всякому изучающему церковную исторію, а тѣмъ болѣе пишущему ее.

Можетъ быть авторъ болѣе интересовался такими предметами, которые относятся къ области богослуженія, какъ то, храмами, архитектурой ихъ, ихъ украшеніемъ, иконописью, богослуженіемъ, богослужебными книгами и т. д. Но и на этомъ разъ мы должны признать, что преосвященный, если и дѣлалъ что, то опять далеко не въ той мѣрѣ, какъ по вопросу объ іерархіи и ея дѣйствіяхъ.

Онъ, дѣйствительно, говоритъ о храмахъ, объ ихъ устройствѣ и даже самъ перечисляетъ нѣсколько такихъ случаевъ, дѣлаетъ понятно и то, что еще при Владимірѣ Святомъ было ихъ множество, такъ какъ князь этотъ, по крещеніи своемъ, тотчасъ же приказалъ ставить и на самомъ Кіевѣ центрѣ церкви одна, какому примѣру,

по словамъ автора, слѣдовали и современникъ его Митрополитъ Михаилъ[1] — Вновь обстроенной преосвященной указываетъ еще на Ярослава и Ростовскаго епископа Леонтія[2], какъ на людей, смѣло умножившихъ каменныя красоты, указываетъ и на пожаръ Кіевскій, въ 1124 г., при которомъ, по Нестору, будто сгорѣло до шести сотъ церквей, а по Никоновскому списку до 700 тыс., хотя по Татищеву только до 30 тыс.[3]

Говоря объ устройствѣ красотъ и приводя сказательныя сказанія, хотя сколько нибудь опредѣляющія количество изъ вкрасныя времена, преосвященный не забываетъ и о перестройкахъ, и возобновленіи и освященіи, напр. подъ 1160 годомъ о закладкѣ новой каменной церкви въ Ростовѣ, на мѣстѣ сгорѣвшей деревянной[4], подъ 1278 тыс. — о возобновленіи Тверской соборной церкви Преображенія Господня при

1, Іч. 34, 40; 2, Іч. 38, 65, 95; 3, Ѣстр. Іч. 4, Іч. 97 стр.

подвижникѣ Тверскомъ епископѣ Арсеніѣ[1], подъ 1450 тыс. — о перестройкѣ большаго Успенскаго Московскаго собора[2], подъ 1473 тыс. — уширеніе и новое возобновленіе[3], подъ 1484 г. постановленіе Вселенскаго, нынѣ Московскаго собора, на мѣстѣ старой тѣмъ же именемъ церкви[4], подъ 1501 тыс. — перестройка церкви Архангела Михаила въ Чудовомъ монастырѣ[5], подъ 1505 — перестройка нынѣшняго Архангельскаго собора[6], подъ 1557 тыс. возобновленіе и освященіе церкви Николая Гостунскаго[7].

Не пропускаетъ авторъ случая упомянуть и о томъ, что въ 1534 году великій князь Василій Іоанновичъ приказалъ отлить большой колоколъ въ 1000 пудовъ[8], а царь Борисъ Годуновъ — въ 10000 тыс. для Московскаго Успенскаго собора и въ Троицкую

1, Іч. 247 стр. 3, Іч. 330 стр. 5, Іч. 350 стр. 7, Іч. 48 стр.
2, Іч. 322 стр. 4, Іч. 328 стр. 6, Іч. 362 стр. 8, Іч. 377 стр.

лавру два колокола, одинъ въ 500 пудъ, называемый „Лебедь", а другой въ 2000 пудовъ, называемый „Годуновъ"[1]. Далѣе за симъ онъ говоритъ и о постройкѣ колокольни Ивана Великаго на Москвѣ, сдѣланной по желанію того же Бориса въ 1600 году[2].

Но какъ все это не подробно, такъ и имѣетъ недостатокъ полнаго отсутствія. Дѣло въ томъ, что, встрѣчая указанія на постройку строеній, мы видимъ спросить еще о строителяхъ ихъ, объ архитектурѣ ихъ и ихъ украшеніи, какъ внѣшнемъ, такъ и внутреннемъ. Но тутъ-то передаваемыя извѣстія весьма скудны и ограничены. Не говоря уже о какихъ либо общихъ суждеціяхъ по даннымъ вопросамъ, даже простыя фактическія указанія народились очень не много. О мастерахъ, строителяхъ упоминается напр. всего четыре раза, по поводу устройства

1, 119 стр. 2г. 2, 2г. 120 стр.

достойной церкви Владиміровъ святыхъ, для чего, какъ извѣстно, вызваны были мастера Греческіе, да по поводу двукратно повторявшейся перестройки начальнаго Московскаго Успенскаго собора, при чемъ упоминаются Иванъ Кривцовъ да Мышкинъ[1] и извѣстный Аристотель Фіораванти[2]. Одинъ разъ упоминается еще мастеръ Псковскій по случаю закладки Троицкой церкви въ Троицко-Сергіевой лаврѣ[3].

Что касается архитектуры храмовъ и прежде всего внѣшняго вида ихъ, то подробныхъ указаній и вовсе нѣтъ, если только не считать указаніемъ замѣтку о церкви Василія Блаженнаго въ Москвѣ, что „сія церковь построена о девяти верхахъ, или куполахъ, и своего мѣстнаго и искусного архитекту-

1, 1г. 25 стр.; 2, 1г. 348 стр. 3, 1г. 330 стр. 4, 330 стр. 1г.

рою и до нынѣ продолжаетъ славу великихъ
князей, въ памятникъ чего и построена онѣ.[1]
Относительно внутренняго устройства фре-
сокъ находимъ извѣстіе только о хорахъ, бы-
вшихъ во Владимірской соборной церкви,
разрушенной отъ татаръ въ 1237 году,[2] да
о лѣстницѣ, бывшей въ сѣверной сто-
ронѣ Московскаго Успенскаго собора; отличе,
по словамъ автора, самаго собора, отстро-
ненъ при Митрополитѣ Фотіи I, и рух-
нулъ въ 1473 г., такъ какъ пустой проме-
жутокъ, въ которомъ видна была стѣна
ца, не могъ держать тяжести сводовъ.[3]
Еще о Патріархѣ Адріанѣ читаемъ, что
онъ въ Перервинскомъ монастырѣ устроилъ
не малую и довольно красивую церковь и
трапезную подъ нею церковь со служебни-
ками и иконостасомъ благолѣпнымъ.[4]

1, 2 г. 48 стр. 2, 1 г. 121 стр. 3, 1 г. 33 стр. 4, 2 г. 277 стр.

Изъ украшеній фресокъ упоминается
только золоченье главъ, что сдѣлалъ между
прочимъ великій князь Василій Іоанно-
вичъ, вновь выстроивъ Благовѣщенскій соборъ покрылъ
и позолотилъ въ 1507 г., а въ 1551 царь Иванъ
Васильевичъ, позолотилъ главы Успенскій
соборной церкви въ Москвѣ,[1] а прежде онѣ
были позолочены главы въ монастырѣ
Троицы-Сергіевскомъ на церкви св. Троицы.[2]
При золоченіи упоминается еще стѣнное
писаніе по поводу обновленія въ тверди
соборной церкви Преображенія[3] и по по-
воду пятаго Благовѣщенскаго Московскаго
собора, о которомъ замѣчается, что
онъ и стѣнными писаніями на золотѣ
украшенъ былъ.[4] Эти два извѣстія о
стѣнныхъ писаніи, свидѣтельствуютъ
объ украшеніи церквей, вмѣстѣ съ тѣмъ

1, 266 стр. 1 г. 2, 2 г. 7 стр. 3, 2 г. 45 стр. 4, 1 г. 237 стр. 5, 1 г. 366 стр.

заключаютъ въ себѣ и все, что говоритъ авторъ о иконописи, или, лучше сказать, показываетъ, что авторъ ничего не говоритъ о ней. Не много говоритъ авторъ и о богослуженіи, богослужебныхъ книгахъ, церковныхъ одеждахъ и праздникахъ. Такъ въ новыхъ чинопослѣдованіяхъ, введенныхъ, въ отличіе упоминается только одно, составленное Нахаемъ Сербиномъ въ честь перенесенія мощей Святителя Петра[1], изъ исторіи таинствъ — одно перекрещиваніе приходящихъ отъ православія въ вѣру и дѣлы уніатовъ, введенное въ практику современемъ собора, бывшаго при патріархѣ Филаретѣ въ 1620 г.[1] При всемъ этомъ два-три церковныхъ одеждахъ[3], восемь земныхъ рѣчь о нововведенныхъ праздникахъ[1] и нѣсколько словъ обрисованія богослужебныхъ книгъ[5] — вотъ и все, что можно найти въ исторіи преосвященнаго по вопросу о богослуженіи.

1, Гл. 323 стр. 2, 229 стр. 2 г. 3, 273 стр. 2 г. 1 г. 345, 1 г. 328. 4, 20, 67, 73, 74 — 97, 242, 323, 333 стр. 1 г. 5, № 52 и 1, № 1. 77 гл.

Не болѣе находимъ мы и по вопросу объ ученіи Церкви и ея преосвященіи, равно о сектахъ и расколахъ, нѣкоторыя волновавшихъ ея паству, говоритъ непр. объ одномъ только учителѣ, устроенномъ Владиміромъ Святымъ и кратко замѣчаетъ объ основаніи Греко-Латинской Академіи при царѣ Ѳеодорѣ Алексѣевичѣ. Затѣмъ всѣ рѣчи его на этотъ разъ должны были сведены только къ тѣмъ не многимъ отзывамъ, какіе находимъ въ его исторіи, о той или другой отдѣльной личности, какъ бывшаго учителѣ, съ указаніемъ, пользы, трудовъ ея, если таковы были.[1]

Изъ еретиковъ преосвященный упоминаетъ объ Андреянѣ,[2] Дмитріѣ,[1] Маринкѣ, ученіе котораго поставляетъ въ связь съ ученіемъ раскольниковъ,[4] о стригольникахъ,[5] лидовствующихъ,[6] о башкинѣ и его единомышленникахъ.[1] Не разъ говоритъ онъ

1, Стр. 11 стр. 98, 175, 217, 256, 280, 331 стр. 1 г. 52 стр. 2 г.
2, 1 г. 4 стр. 3, 75 стр. 1 г. 4, 81 стр. 1 г. 5, 114. 1 г. 6, 347. 1 г. 7, 2 г. 25 стр.

и о раскольникахъ[1] упоминаетъ и спорахъ этихъ, заходящихъ ли частъ скоропомные въ христіанскіе праздники, если они случатся въ среду и пятницу, споръ, который, какъ извѣстно, возникъ въ нашей церкви еще за первый періодъ ея существованія[2]. Этотъ, повидимому, оказывается, хотя на этотъ разъ, достаточно пикантно. Но, къ несчастію, полемика съ относится только къ именамъ, а не къ тому, что давно было отмѣчено подъ ними, напр. о стригольникахъ, только и узнаемъ, что были такіе еретики были.

Не случае раскрытъ авторомъ и вопросъ о распространеніи у насъ христіанства и объ отношеніи нашей церкви къ инымъ церквамъ и религіознымъ обществамъ. Первый вопросъ весь почти отвѣчается въ тѣхъ фрагментахъ, которые относятся до начала исторіи, - въ фрагментахъ принятія христіанства Ольгою и выкрестъ ея Вла-

1, 51, 52 гл. 77 гл. 2, 1 г. 94, 99 стр.

диміромъ вмѣстѣ съ подвластнымъ ему народомъ. Второстепен. сам и говорится что, такъ только о крещеніи Ярославъ и Монарей[1], до о кой такой, Димитрія, обращенія, напр. о крещеніи казанскихъ царей Чтенныхъ Гирея и Гедигера Махмета въ 1553 г.[2], астраханскій царевичъ Бекмишъ съ новообращенными вмѣстѣ съ Ярославомъ въ 1557 г. и вмѣстѣ ли году черкасскихъ князей Кудидска и Тюрюбека[3]. Что касается второго вопроса, то содержаніе его ограничивается только отношеніями нашей церкви къ папству и обратно. А объ отношеніяхъ напр. къ протестантству мы положительно не находимъ ни одного слова. Правда приводится завѣщаніе Патріарха Іоакима, гдѣ упомянутъ Іоакимъ, царствовавшій тогда, государей Іоанна и Петра не вводить въ сношенія съ еретиками и вмѣстѣ чтобъ съ протестан-

1, 1 г. 243 и 243 стр. 2, 2 г. 28 стр. 3, 2 г. 42 и 44 стр.

тами; а если и пускать их в государство, то недозволять им совращать православных, строить для себя храмы и давать им какія бы то ни было начальническія должности. Но что можем сказать нам это давнее изгнаніе?[1]

Итак и этим двум вопросам, как и вопросам о вторжеціи церкви на богослуженіе и, наконец, как вопросу о монастырях, мы должны уделить в той последней, какую, сравнительно, находим по вопросу о церковном управленіи. Нужно ли повторять теперь, какой же главной их цели и второною эпохою, исторія тому, что напередъ было сказано о них самим ея автором.

Далее, в таком же понятіи говорится, что исторія, начав представлять события из жизни церкви, не забудет и событий гражданских, если только они с церковными связаны и служат для них некоторого рода объясненіем. Что послѣдние, по отношенію к ней, имѣли вносить справедливо. В ея содержаніи наряду с именами митрополитов и патріарховъ приходятся и имена великих князей и царей наших, а вместе со именами и годы их рожденія и смерти, а не редко и даже Греко-Кесарей того и другого, прославленных не забывает и событий их обычаи постройки, равно как знаменитых побѣдъ и завоеваній. Отсюда сказаніе о Куликовской битвѣ[1], сверженіе ига татарского,[2] взятіе Казани,[3] епоха самозванцев,[4] подданство Малороссіи,[5] - все это одинаково занимает исторію, накажи-бай из фактов церковных. Автор не этот раз идет даже далѣе, обычая упоминать только тех из событий гражданских, которыя связаны с церковными и повлияли на, или, сквозь тяжко-

1, 32 гл. 2, 43 гл. 3, 50 гл. 4, 59-79 гл. 5, 244 стр. 2 ч.

дитъ и такихъ, которыя не только прямой
связи, но и какой бы то ни было сообразности
съ учением церкви не представляютъ вовсе,
напр. на 119-й странице онъ пишетъ, что
въ 1233 году преставился въ Новгородѣ князь
Ѳедоръ Ярославичъ, сынъ Ярослава, мученика князя Владимирскаго Юрьевича,
внукъ Всеволодовъ, и положенъ въ Юрьевомъ
монастырѣ: а Ѳедоръ уже былъ изгоняемъ
и невѣста приведена, и князи и вятре отъ
хаше, и вся красная и сладкая уготована,
но все обратилось въ плачъ и рыдание. Примѣръ превратности человѣческой жизни заключается просвещенной. Заключение вѣрное
вѣрно и фактъ. Но что въ немъ, несговорчивъ
церковнаго, а такого, что по крайней мѣрѣ,
нельзя бы хотя какъ нибудь отнести
къ учению церкви и такъ или иначе
пояснить? Ничего подобнаго мы не видимъ.
Фактъ, какъ много и дали гражданской
историкъ вредъ вредъ ни можетъ

найти въ немъ что либо для себя подходящее.
Тоже должно сказать это и церковномъ историкѣ къ несчастію фактъ обр.
въ исторіи просвещенного не единственный. И что подобные находимъ и въ 49 главѣ
Здѣсь, подъ 1546 годомъ, авторъ летописи сообщаетъ намъ, что въ этомъ году
въ Москвѣ былъ страшный пожаръ, а на
немъ смятеніе народное и убійство; а въ
слѣдующемъ году женилъ царь государь (вел.)
брата своего великаго князя Юрія на дщери
князя Пронскаго Евстаѳіи и велѣлъ ему
жить у себя на дворѣ. Факты эти конечно
не вполнѣ справедливы, но къ делу, очевидно не идутъ и вносятъ ихъ, несомненно, сверхъ
уже превышение основной задачи церковной
исторіи, — превышеніе, которое вновь
обнаруживается въ авторѣ нѣкоторраго
рода непочтительности и непостоянства.

Но мы пока забудем о нем и представим себе, что история Преосвященного вполне отвечает тому понятию, какое высказано, как со стороны формы, так и со стороны своего содержания, что значит именно сборник исторических извлечений, касающихся дальних церкви, а иногда и гражданских, с церковными сношениями, и только дальних, по принципу, сразу же дальних из области церковного управления. Итак вот то, что дает нам, рассматриваемая нами история.

Теперь, когда извлечено то, что дает она, речь наша естественно должна перейти к вопросу о том, каково же то, что дала она? Ко нему, стало быть, и обратимся теперь, начав с того, на чем остановился отчасти, с самой постановки дела, какую представляет из себя история и прежде всего с вопроса, как понимает то,

что автор, окидывая взглядом лицо Церкви, главным образом останавливает свое внимание на одной только стороне ея — церковном управлении и на ней, по преимуществу сосредоточивает интересы свои. Къ чему это и по какой причине и, наконец, правильно ли это?

Что касается причины и цели, автор вовсе не выясняет их. Въ таком виде они забудем историю, так и поступим с ее. Впрочем, было ли бы объяснение оснований, во всяком случае утвердительный ответъ невозможен.

Автор пишет историю Церкви вообще. Так гласит самое заглавие труда его. А сам пишет историю Церкви вообще, так пишет историю лишь всего стороны ея и на все обращает одинаковое внимание. Въ противном случае, это значило бы, взяв, который должен охватить все здание, сосредоточить на одной стороне его и тем,

гдѣ требуется всесторонность, вносит цѣкую
односторонность. Может ли поэтому,
получивая полную и цѣлостную картину,
не сломать которой отражается бы каждая
черта предмета и тем, какова она въ дѣй-
ствительности, ни менѣе, ни проче и при
томъ не отушевывая другихъ чертъ и не выдви-
гая ихъ. Ясно, что нѣтъ. Тем и въ данномъ
случаѣ. Исторія, какъ исторія, должна быть
вѣрнымъ изображеніемъ всего его пред-
мета. А Церкви не какъ не можетъ
быть уложена въ границы церковнаго управ-
ленія. Есть у нея и другія стороны и нѣтъ
такую же имѣютъ цѣну и значеніе въ ней
, какъ и церковное управленіе. Слѣдо-
вательно, чтобы быть вѣрной картиной лишь
ни церкви, церковная исторія также не мо-
жетъ ограничиваться одной какой-то
стороной ея, едва касаясь другихъ, но въ выя-
сненіи и выроботкѣ одинаково полно и одн-

наково сильно, пользуясь, какъ масштабомъ
оцѣнки ими дѣйствительности. А это
въ исторіи Преосвященнаго и не оказывается.
Выдвинувъ церковное управленіе, авторъ тѣмъ
самымъ отушевалъ остальное и трудъ его получил
чрезъ это неровность, шероховатость и фра-
вмитость. Ясно, что онъ не можетъ порадовать
на картину полную и цѣлостную. Это
модель Бытія, но такая, которая отчет-
ливо представляетъ только одинъ его уголъ.
И какъ такой, трудъ Преосвящ., сколь, очевид-
но, должен быть читаемъ, какъ нѣчто
узкое и односторонне.

Узкимъ и односторонним является онъ и
потому, что, дѣлая, имѣетъ въ виду одни
только факты. Пусть будутъ факты, пусть
они войдутъ въ исторію, какъ факты, знанія
которого существенно важно для историка.
Но факты сами по себѣ еще мало значатъ.
Каждый фактъ, каждое событіе, каждое дѣя-

ніе человѣческое непремѣнно выражается что
либо, выражаетъ идею, которая, поэтому,
составляетъ внутреннюю его сторону будучи
выраженіемъ идеи, дѣлай человѣческая есть,
вытекаетъ отъ нѣтъ, и съ слѣдствіе, потому
что все въ идеи и всему предшествуетъ идея,
какъ дѣйствительное его основаніе и начало.
Итакъ фракты и идеи суть два понятія
нераздѣльныя. Моментъ ея послѣ этого
кто либо раздѣлить ихъ и тѣмъ болѣе изо-
ритъ. Задача исторіи - изобразить линіи,
линіи есть сочетаніе идеи и фракты, как-
ая обнаруженія. Слѣдовательно, чтобъ
изобразить линіи, исторія должна обнять
не только фракты, но вытекаетъ отъ нихъ
и ихъ идеи, то, выраженіемъ и слѣдствіемъ
чего служитъ они. Но для въ исторіи просвѣ-
щенной отыщешь ли эти идеи или эти
начала, которыя, съ одной стороны, придаютъ
смыслъ фрактамъ, - с другой, такъ сказать,

освѣщаютъ ихъ, и чрезъ это, и что главное, дѣлаютъ
ихъ явленіемъ дѣлай великой цѣпи, все болѣе
и болѣе развертывающейся предъ нами
явленіями жизни, которая, такимъ обра-
зомъ, не смотря на смѣну, все таки во-
стовляется линіею единой, вытекающей
изъ какой либо единой идеи, и которой, по-
этому мы не вправѣ будемъ отказать
ни въ единствѣ, ни цѣлостности, ни въ
строгой прагматичности. Ясно, что
и здѣсь тоже цѣлость и всесторонность.
Вотъ то въ исторіи просвѣщенной нѣтъ,
и прагматизма, все сточено, но все раз-
вертывается, все въ дѣйствительности
причинно и послѣдовательно, не будемъ
ни все случайно. Нѣтъ общихъ началъ, суще-
ствуютъ общія идеи, нѣтъ и основаній
для общей причинности, нѣтъ общей
причинности, нѣтъ и всемірности
изложить фракты такъ, какъ требовала
бы того сама дѣйствительность, пред-

ставляющая въ себѣ сочетаніе причинъ и дѣйствій, начала и слѣдствія.

Отнюдь автору и никоего довольствоваться только изъяснениемъ фактовъ, по сравненію съ требованіями чести и справедливости, и лишь изредка задавается вопросомъ объяснить тотъ или другой изъ нихъ, со стороны причины его и его значенія, въ силу чего и самыя объясненія должны были получить характеръ чего-то отрывочнаго, непостоянного и непослѣдовательнаго, въ какомъ видѣ она дѣйствительно и представляется насъ.

Приписывая узкость и односторонность, въ тоже время мы вправѣ отказать исторіи прошедшаго и въ достаточной полнотѣ ея содержанія. Ошибка автора состоитъ въ томъ же, что главная цѣль его-только фактъ взятый самъ по себѣ, безъ отношенія къ другимъ фактамъ и вытекъ безъ отношенія

къ его внутреннему смыслу и значенію. Поставивъ задачею собрать въ одну книгу дѣянія Русской Церкви, авторъ тѣмъ самымъ обязалъ себя собрать ихъ какъ можно болѣе и дать понять, что только тогда исторія его можетъ быть названа полною, когда она, безъ всякаго ограниченія, перечислитъ всѣ событія, какія только происходили въ лонѣ церкви за весь періодъ ея существованія, не только событія почему либо замѣчательныя, вообще выдающіяся, но и всѣ мелкія и незначительныя. Но какъ ни много фактовъ въ исторіи прошедшаго, все таки это капля въ морѣ сравнительно, сколько было ихъ въ дѣйствительности. Да и какъ ли есть возможность перечислить всѣ ихъ? Какъ напр. перебрать всѣ судебныя дѣла, бывшія когда либо на рукахъ нашей высшей іерархіи, не-

ровать и всѣ другіе факты церковной практики и, перечислить всѣ индивидуальные случаи построеній церквей, монастырей, или случаи возобновленій ихъ, украшеній, упраздненій и т.д. Слѣдовательно исторія съ этою цѣлью, какую имѣется въ виду авторъ, всегда есть и будетъ неполною. А такъ какъ цѣлью его не иной, то и мы не иначе можемъ относиться къ его исторіи, какъ къ исторіи недостаточно полной. Это - со стороны ея содержанія. Остается форма ея, ея изложеніе, которое, какъ мы видѣли, не представляетъ ни ея связи, ни послѣдовательности, той самой связи и послѣдовательности, которыя основывались на сходствѣ событій и внутренней ихъ зависимости между собою, - наконецъ дѣленіе гумбы на главы и періоды что сказать на это?

Замѣтимъ, что большаго и ожидать нельзя было. Принявъ во вниманіе одни только дѣянія церкви и ничего болѣе, авторъ и должен былъ поступать такъ а не иначе. Цѣлаго - описать дѣянія. Но какъ описать ихъ? очевидно, собрать извѣстія о нихъ, сложить въ одно мѣсто и распредѣлить по годамъ - самое лучшее. Въ такомъ сборникѣ, да большаго и ввести не можетъ. Автору слѣдовало имѣть въ виду дѣянія, но придѣлы ихъ не упускать изъ виду и внутреннюю связь, пронизывающую дѣянія и открывающуюся въ нихъ. Но на нет то, какъ мы уже видѣли, авторъ и не обратилъ никакого вниманія. Поэтому фактъ, съ которыми пришлось столкнуться ему, и явились предъ нимъ чѣмъ то разрозненнымъ, даже неспособнымъ къ какому нибудь объединенію, къ какой нибудь связи. Оставалось только собирать ихъ, и связывать чисто внѣшнимъ образомъ. Отсюда явленіе сборника необходимо; сборникъ и явился. Увлекшись

лекій церкви и ничего болѣе, авторъ и должен былъ поступать такъ а не иначе. Цѣлаго - описать дѣянія. Но какъ описать ихъ? очевидно, собрать извѣстія о нихъ, сложить въ одно мѣсто и распредѣлить по годамъ - самое лучшее. Въ такомъ сборникѣ, да большаго и ввести не можетъ. Автору слѣдовало имѣть въ виду дѣянія, но придѣлы ихъ не упускать изъ виду и внутреннюю связь, пронизывающую дѣянія и открывающуюся въ нихъ. Но на нет то, какъ мы уже видѣли, авторъ и не обратилъ никакого вниманія. Поэтому фактъ, съ которыми пришлось столкнуться ему, и явились предъ нимъ чѣмъ то разрозненнымъ, даже неспособнымъ къ какому нибудь объединенію, къ какой нибудь связи. Оставалось только собирать ихъ, и связывать чисто внѣшнимъ образомъ. Отсюда явленіе сборника необходимо; сборникъ и явился. Увлекшись

дѣяніями и опустивъ изъ виду общее понятіе
религіи, идею религіи, авторъ опустился изъ
виду внутреннюю сторону дѣла и остался
при одной внѣшности. А внѣшность,
въ свою очередь, тоже дана внѣшности. Не
двухтворящая, она и является сборникомъ,
какъ со стороны мышленія, такъ и со стороны самаго дѣянія.

Но какую такую идею онъ имѣлъ въ виду
преосвященный, которая бы двухтворящая
фактъ, придала имъ смыслъ, связала бы во
одно и дала ему возможность представить
уже не сборникъ, а исторію въ полномъ
смыслѣ слова, какъ нѣчто одно, цѣлое
и цѣлостное, и которая вслѣдъ съ этимъ
указала бы ему истинныя основанія и цѣль
самаго дѣянія?

Идея, которая проникаетъ собою нашу христіанскую религію, конечно, одна — это нравственное христіанское преданіе или, лучше сказать, стремленіе такъ или иначе

осуществить на себѣ евангельскій образъ
Христа и чрезъ то достигнуть отъ вѣка
обѣтованнаго, цѣль. Эта идея первая и единственная и никто, конечно, не скажетъ,
чтобы она не проникала собою вещью и
не открывалась въ дѣятельности нашей церкви, чтобы было со стороны послѣдней и такія факты, которыя не обусловливались этой идеей. Все, что отъ церкви,
все, конечно, изъ этой идеи: она самая общая
и вмѣстѣ самая высшая, — идея, которая всѣмъ дѣяніямъ церкви придаетъ смыслъ
и все объединяетъ. Такова она въ религіи, такова и въ исторіи, примѣръ чего видимъ въ
исторіи преосвященнаго Филарета Черниговскаго, которая вышла въ свѣтъ въ сороковыхъ годахъ нашего столѣтія, и въ основу
которой положена эта идея. „Церковь земная, мнитъ онъ въ началѣ труда своего,
есть обитество людей, освященныхъ благо-

дѣтію, но еще не достигшій полнаго совершенства, возможнаго только за гробомъ членъ его общества, только постепенно уясняетъ себѣ новую христіанскаго откровенія на пути совершенія, только постепенно уготовляетъ сердцем своим свѣтлостѣ христову путемъ практическаго упражненія; истина и свѣтъ въ сознаніи людей ясны и тверди становятся только подвигами. Вотъ въ этомъ то постепенномъ религіозно умственномъ и религіозно нравственномъ развитіи нашего общества, въ постоянномъ къ нему стремленіи, и видитъ Преосвященный возможность начертать исторію нашей церкви и, приступая къ ней, твердо держаться этого развитія, изобразить которое и есть главная цѣль его. Какъ выполнена задача — вопросъ другой. Но важно то, что поставивъ себѣ такую цѣль, Преосвященный отнюдь не интересуется дѣяніями церкви уже не какъ фактами, засвидетельствованными

изслѣдованія ради, сами, а какъ обнаруженіями или свидѣтельствами того религіозно нравственнаго состоянія нашего общества, которого достигало оно въ данной стороне своего существованія. Такимъ образомъ всѣ отдѣльныя факты приводятся къ одной мѣрѣ, путемъ изложенія этихъ фактовъ и чрезъ нихъ показать, какъ достигалась послѣдняя цѣль нашей церкви — осуществить на землѣ евангельскій идеалъ и чрезъ то достигнуть спасенія, какъ достигалась и добивалась она. Приводя факты къ одной мѣрѣ, тѣмъ самымъ Преосвященный придалъ своей исторіи характеръ единства предмета и связи частей. Связь частей предполагаетъ объясненіе и доказательства Преосвященный опять не отыскивает основаніи принадлежительно къ главной цѣли. Для этого онъ беретъ такъ

событій, которыя служили поучительнымъ выраженіемъ извѣстнаго направленія въ религіозно-нравственномъ развитіи общества, а сами не служили чѣмъ, за то оказывали большое вліяніе на самое развитіе, задерживая его или способствуя дальнѣйшему ходу его. Вторжеміе Монголовъ, раздѣленіе митрополіи, учрежденіе патріаршества, зависѣніе его Синодомъ, событія, несомнѣнно имѣвшія вліяніе на положеніе церкви, преосвященныя и пагагамъ грамоты, кроѣ раздѣляютъ его исторію на пять періодовъ. А такъ какъ эти періоды все таки проходятъ доминиталъ, мѣсто и религіозно умственномъ и нравственномъ пресмѣтьчіи людей, постоянно всякаго, будучи чѣмъ то отличаются другъ отъ друга, въ тоже время представляютъ изъ себя нѣчто цѣлое отличенное, подобіе единаго цѣлаго. Правда, раздѣленіе пр. Филарета

нельзя назвать совершенно правильнымъ, но для насъ важно не то, какъ онъ дѣлитъ, а важна мысль, что исторія должна имѣть періоды и дѣленіе ея никакъ не должно быть случайно. Отсюда преосвященнаго состоитъ въ томъ, что безъ основаніе дѣленія будутъ отдѣльныя событія, а не самый ходъ развитія въ его цѣлости. Но событія дѣлятъ исторію развитія, а должно дѣлить направленіе его развитія, характеръ его. И на нашей церковной исторіи можно видѣть это внесенъ. Только дѣлить не приходится умы не такъ, какъ дѣлитъ е преосв. Филаретъ.

Наши предки, въ силу самаго хваленъ, имѣли, объявившись христіанами и поставивъ для себя цѣлью нравственное христіанское существіе въ духѣ Евангелія, естественно должны были подумать о томъ, какъ достигнуть этого существія, тѣмъ болѣе, что достиженіе его въ самомъ Евангеліи обусловливалось

не только знаніемъ вѣры, но и богослуженіемъ, постничествомъ и подвигами новопреставленныхъ христіанъ, такимъ образомъ, приходилось подумать и подумать много. Зная о томъ, что требуется, они естественно должны были заняться удовлетворенія этихъ требованій. Отсюда мысль, какъ завести у себя и то и другое, какъ устроить богослуженіе, установить іерархію и какіе подвиги принять населя? Вопросъ былъ важенъ. Имъ предстояло имъ обратиться къ Христу и на основаніи его самимъ создать у себя потребное, или за разрѣшеніемъ вопроса обратиться къ тѣмъ, отъ кого примѣнили самую вѣру и крестъ на нѣкоторое время, все таки Богомаловчуникаши пр. До творчества нашимъ предкамъ, конечно, было далеко; оставалось послѣднее, къ нему и обратилась Русь. Принявъ христіанство отъ Византіи, она перенесла, что и умѣла домашнимъ все и въ такомъ видѣ, какъ и въ Византіи, иначе захотѣла Богомаловъ второго Василія Ве-

Направленіе мысли, такимъ образомъ, было ограничено. Оставалось только переносить изъ Византіи то, что можно было перенести и завести у себя дома. Отсюда, учеміи книги, іерархія и законы, богослуженіе и храмы, иконы и подвиги — все начинаетъ имѣть Христосъ въ духѣ Византійскомъ. Для ученія выписываются греческія книги и переводятся, для іерархіи греческое духовенство и греческіе законы, для постройки церквей греческіе мастера, для иконъ про богослуженіе — греческіе мотивы. Изъ подвиговъ принимается монашество по уставу Студійскому, является столпничество, отшельничество и т.д. Все это постепенно проникаетъ къ нашимъ на Руси, осѣдаетъ, входитъ въ почву и даетъ плодъ. Одного долго нельзя было пріобрѣсти именно церковной самостоятельности, такъ какъ митрополиты Русскіе все еще продолжали получать власть свою отъ патріарха константинопольскаго, грѣхъ поставленій, право на суд подвѣдомственности еще удерживаетъ за собою. Наконецъ и объ

достигается. Русская Митрополія получаетъ
право самостоятельнаго избранія и поставленія
своихъ высшихъ іерарховъ. Титулъ патри-
арха еще не дается имъ, но они вносятся небе-
висмы и по правамъ своимъ равняются патри-
архамъ. Главное было достигнуто. Русь вооб-
ще отношеній Вселенской впоследствіи Ви-
зантіей и стала на свои ноги. Это совершилось
при жительстве Василія Васильевича Тем-
ного. Съ этимъ поръ наступилъ конецъ зави-
симости. Русская церковь выросла и окреп-
ла. Византія больше была не нужна. Теперь
не вправе ли мы назвать всего время отдель-
нымъ періодомъ? Основаніе есть. Данное время
имеетъ и свое рода направленіе, начи-
нается и конецъ его. Это періодъ возрастанія,
возрастанія, замужествованія, - періодъ Визан-
тійскій. Пріобретеніе церковно самостоятель-
ности - конецъ его. Конецъ одного, безъ сомне-
нія, начало другого. Есть это періодъ третій.
До него, какъ думается, наша церковь не дошла
еще и наше время какъ и время послѣ утвер-

жденія самостоятельности нашей митропо-
ліи составляютъ изъ себя одно, одинъ періодъ,
который, если принять во вниманіе будущее, ко-
нечно не послѣдній. Почему нельзя раздѣлить
его, такъ это понятно: что будетъ свободнѣе и проще,
что послѣ пріобретенія самостоятельности,
то и теперь - это періодъ борьбы за существо-
ваніе, за то положеніе, въ которомъ сложилась
наша церковная жизнь и которое наше пре-
ставляется, какъ необходимое условіе для на-
шего спасенія. Обращаясь къ исторіи мы
найдемъ, что борьба въ начале, борьба въ сре-
дине, борьба и теперь, сначала съ поганами,
затѣмъ съ светскою властію, наконецъ
с раскольниками и многими вновь появивши-
мися сектантами. Борьба известная и путемъ
слова и путемъ меча и путемъ пера вплоть
между прочимъ сильно развитой полеми-
ческой литературы, какая особенность
рѣзко бросается въ глаза, если сравнить

этотъ періодъ съ предшествующимъ. Итакъ, наша исторія, если принять во вниманіе самый ходъ церковной жизни, можетъ быть раздѣлена только на два періода. Въ то же время оба эти періода тесно связаны одною идеею или, лучше сказать, стремленіемъ христіанъ ко спасенію, выдѣвавшимся между собою самымъ тѣснымъ образомъ. Второй періодъ есть именно то, что и должно было быть послѣ того, чѣмъ была и чѣмъ стала наша Русская церковь. Бытіе его подготовлялось еще въ первомъ періодѣ. Стремлясь ко спасенію подъ скромными византійскими и отъ церковью византійской наша Русская церковь тѣмъ самымъ подготовила себѣ, по крайней мѣрѣ на время, тяжелые удары, какую испытывала тогда церковь греческая. Прежде всего она должна была развѣяться съ нею тѣмъ, которыя постоянно причинялись ей сосѣдями вредительнаго папизма.

Папство, конечно, не могло упустить изъ виду такого обстоятельства, какъ расширеніе восточнаго православія. Оно не могло снести его, какъ обстоятельства, усиливавшаго противника. Чтобъ побѣдить его, надо было обезсилить его, а тутъ возникаетъ новая православная церковь, нисколько не думающая о подчиненіи себя церкви западной. Отсюда цѣлый рядъ попытокъ такъ или иначе привлечь къ себѣ церковь Русскую. И замѣчательно, сколь настойчивости отъ попытокъ идутъ вносить параллельно развитію нашей церкви. Слѣдовательно, небначительная въ началѣ, наша церковь встрѣчаетъ только посольства съ настойчивыми предложеніями принять папизмъ, какъ какъ посольства проводятъ обратно, конечно, ей ничего не стоило. Но вотъ она вносит дружелюбіе Византіи и ненависть папства тѣмъ обнаруживается вносить. Отсюда гнѣвъ и гоненія въ западной Руси, у насъ лишь доводы, посвящ., и наконецъ смешанныя, какъ вносит проявленіе тѣхъ отношеній, какія питаетъ къ нашей папство, выславъ на нашу арены —

нашего

ну цѣлый періодъ безуспѣшно, участіе папы въ дѣлахъ нашего самозванства несомнѣнно-было тамъ, что она послѣдняя попытка со стороны папы подчинить себѣ нашу церковь совпадаетъ въ хронологіи у насъ патріаршества, рада нашей церкви и наименьшаго сравнительно съ Византійской. Вотъ первая особенность второго періода. Основаніе ея, очевидно скрывается еще въ первомъ періодѣ и заключается въ самомъ характерѣ рада его мнѣнія.

Въ томъ же періодѣ подготовляется и второй особенность, характеризующая собою второй періодъ, - борьба съ святскою властію, бывшая для своего времени ставшее необходимостію. Наша церковь, рада пойдя въ данномъ направленіи, все болѣе и болѣе развивается и усиливается, усиливается и наша іерархія. Но въ то же время она не преставала помнить о своей основной цѣли, цѣли спасенія. Вслѣдствіе, смотрѣ о вѣчномъ смерть и спасеніи, она работаетъ и о земномъ смерть или гражданскомъ спокойствіи и задачу свою проявляетъ въ

дѣйствительности. Хорошо понимая тогдашнее политическое устройство Руси, ея раздробленность и находя эту раздробленность главною причиной волненій и народной слабости, она старается принять средство, которое могло послужить противовѣсіемъ. Такимъ средствомъ оказался единодержавіе. Къ нему и берется церковь и всюду старается отсрочить его. Къ самому ходу событій она прилагаетъ и свою проповѣдь и свое содѣйствіе. Но какое единодержавіе она должна была проповѣдовать и какому способствовать своимъ значеніемъ? Вѣрная своему направленію, она, конечно, хотѣла бы должна была справиться со своей мечтою - родной Византіей. И вотъ слабая въ началѣ она довольствуется только присмотреніемъ князей, затѣмъ усилившись сама, усиливаетъ и святскую власть, плачъ многонаходіе, проповѣдуетъ единодержавіе и не въ иной формѣ, но въ формѣ самодержавія, въ той самой формѣ, какую находила она въ Византіи. Теперь,

титулъ великаго князя уже не удовлетворялъ обособленнаго церковно, представителя Русской власти, и ему придается титулъ царя = Вавилона, далее складывается легенда о его происхождении отъ рода Августа, Римскаго императора. Легенды, какъ извѣстно, вытекали изъ духовенства. Это время падаетъ на время Соборнаго III^го, не задолго до котораго наша церковь, въ свою очередь, достигла наивысшаго развитія, именно, въ лицѣ Іерархіи. Такимъ образомъ, ходъ событій привелъ къ тому, что она дала имѣть царя и митрополита — два органа управленія и почти равные. Послѣднему недоставало только наименованія равенства. Но благодаря гражданскому самодержавію и это доставлено ему. Митрополитъ дѣлается патріархомъ и получаетъ титулъ государя. Вместо два царя — церковный и гражданскій — Русь предоставляетъ государство въ государствѣ — очевидно, что борьба была неизбѣжна и она явилась. Конечно, на чьей сторонѣ должна была остаться побѣда Патріархъ Филаретъ, которому первому пришлось носить титулъ „государя", благодаря родству своему съ гражданскимъ государемъ, и слѣдующіе за нимъ Іоасафъ и Іосифъ еще спокойно сидѣли на своемъ патріаршемъ престолѣ, но Никону пришлось пошатнуться. Другъ царя Никонъ сдѣлалъ только попытку поднять голосъ противъ монастырскаго приказа, учрежденнаго лично царскаго, но по усиленію долженствовавшаго завѣдывать постройкою церковною и тѣмъ возрастающаго могущества на власть патріаршую, какъ дерзкая кончилась и Никонъ съ патріаршаго престола отправился въ Кирилло-Бѣлозерскій монастырь. Что оставалось преемникамъ его? Питириму, Іоасафу, Іоакиму и Адріану. Оставалось одно, если не отказаться отъ правъ своихъ, то молчать и голосъ патріарховъ дѣйствительно смѣнился, и скоро и на всегда умолкнулъ. Сильная власть пришлась древнее правило, раздѣли и властвуй и осуществила его. Явился

синодъ и борьба кончилась. Такъ церковь, заборовъ о смиръ и спасеніи и будучи вѣрною первоначальному своему направленію, пятьсотъ и не замѣтно для себя самой и подготовила вторую особенность, которая отличаетъ собою второй періодъ ея существованія, именно, борьбу съ свѣтскою властію.

Въ первомъ же періодѣ должно искать основанія и третьей особенности второго періода — явленія раскола и борьбы съ нимъ со стороны церкви. Первый періодъ - періодъ возрожденія. А это такой періодъ, въ которомъ возрастающему обыкновенно не приходится опасаться за тѣмъ, что накопливается въ немъ ненормальнаго. Такъ случилось и съ нашею церковію. Задавшись цѣлію, ради спасенія, завести у себя все и такъ, какъ было оно въ Византіи, и стремясь усиленно къ этому обзаведенію, постоянно, въ продолженіе цѣлыхъ четырех столѣтій, она не замѣчала, что въ то время, какъ она дѣлалась дѣлу свое, привнесенное ранѣе, благодаря новой почвѣ, начало нѣсколько пор-

ниться, обрядъ измѣнялся, богослуженіе книги извращаться; занятая постройкою церквей, монастырей, устройствомъ ихъ, Палестинія, дѣлами Палестинія, управленіемъ церковнымъ и дѣлами гражданскими она не успѣвала осмотрѣться. Кончилось это время, наступилъ второй періодъ, періодъ возмужалости, вѣковыя задачи кончены; оставалось сосредоточиться. Такъ и поступила церковь. Она отличается (Мик. гр. и Ком. собор.) и немалое имѣла дѣло, что требовало немедленнаго пересмотра, и если не коренного измѣненія, то большихъ поправокъ. Но было поздно: многіе моменты пропущены. Усиленное четырех вѣковое стремленіе къ устройству своей внѣшней стороны, къ устройству формы ея, превратилось въ сильную привязанность къ ней, которая, въ свою очередь, повлекла за собою слѣпое къ уставамъ, опредѣлившимъ существующія формы. Вспомнить буквальнымъ Моисеевы тексты, когда тяжелая рука исправителя должна была лечить не отъ ошибки и заблужденія, которыя обнаружились

въ церкви, чувствуя, что эта рука неломена на дорогое и священное для нея, не обинулась могла взглянуть на дело исправленія не какъ на дѣло нужное, необходимое и спасительное, но какъ на извращеніе преданнаго издревле, какъ на ересь и богохульство. А оправданіе, при общемъ невѣжествѣ, было подъ рукою: зачѣмъ исправлять: развѣ нечтили древніе отцы и не спаслись, пользуясь тѣмъ, что тогда исправленій теперь? развѣ не ими установлено то, что было теперь и чѣмъ пользовалась церковь? развѣ выдумано оно? нѣтъ — оно взято изъ Греціи, когда въ ней еще имѣло древнее Величіе. Народъ не могъ знать, что отцы цѣлыхъ четыреста лѣтъ усиленно стремились къ постановкѣ извѣстныхъ формъ церковной жизни. Не могъ ли вовсемъ мощности провѣрить то, что было прежде, и чѣмъ прежде стало теперь, онъ могъ питать одну только любовь и привязанность къ существующему. Теперь, когда на сторонѣ его сбѣгано было большинство, расколъ былъ неизбѣженъ. Онъ явился, явился и борьба, какую природу

ся испытываетъ насъ и до нынѣ. И когда она кончится, богъ вѣсть.

Доказывать неправость раскольниковъ порядками, сохранившимися на востокѣ — раскольникъ не повѣритъ. Поэтому прошлое онъ можетъ отвѣчать, что востокъ не на востокѣ, и со временъ Іоанновъ у насъ на Руси, въ средѣ сохранившихъ истинное древнее Величіе, именно, въ средѣ раскольниковъ, которыя, въ его мысли, и до нынѣ суть истинныя представители того времени, когда нашъ церковь, въ силу самого хода жизни, вчалась вносить Византійскій. Зачѣмъ обращаться къ Византіи, когда церковь временъ Іоанновъ есть тамъ церковь Византійская? Зачѣмъ обращаться къ нашей раскольнику, когда онъ мысленно себѣ представляетъ тотъ же Византій, только древній и потому, въ началѣ его, болѣе заслуживающій вѣры и почитанія? А когда — вѣдь, восторгъ для раскольника не

сеть доказательство. Доказывать изъ древней нашей Русской церковной практики, но это не легко. Историческихъ имѣется въ семъ примѣръ, сам не изъ древней, но это изъ практики того времени, когда церковь наша достигла высокаго развитія. Доказывать отнюдь и нечемъ, но въ дѣлѣ вѣры это безмолвно. Остается одно - время, которое изглаживаетъ всѣ ненормальности. На этомъ пути, какъ видно, и стоитъ настоящій родъ событій. И нужно думать, что результаты окажутся неизмѣнные. Таковы черты особенности второго періода нашей Русской церковной исторіи и основаніе ея отличія отъ перваго періода.

И такъ два періода, но исторія одна. Направленія рода нашего различны, но общая идея нашей - стремленіе къ религіозно-нравственному христіанскому преуспѣянію свѣтъ всѣхъ представляетъ произведеніемъ единымъ, органически развивающимся, но цѣльнымъ. Такое дѣленіе, очевидно, не будетъ внѣшнимъ, какъ то, какое предложилъ нашъ Пр. Филаретъ.

Здѣсь не отдѣльныя событія дѣлятъ исторію, а всѣ они съ обнаруживающимся въ нихъ направленіемъ. Но пусть исторія Пр. Филарета со стороны своего дѣленія представляетъ ошибку, для насъ важно то, что въ ней Преосвященный указалъ нашу общую идею, которая придаетъ нашей церковной исторіи характеръ единства и показалъ это въ достоверности. Теперь, когда эта идея извѣстна, наше сужденіе о внѣшнемъ изложеніи исторіи Преосв. Платона получаетъ еще большую силу. Поэтому исторія его и сборникъ, что идея, указанная Пр. Филаретомъ была еще чужда ему. Отсюда изложеніе событій по годамъ, отсюда и дѣленіе, которое мы могли назвать далѣе внѣшнимъ - въ смыслѣ дѣленія, предложеннаго Пр. Филаретомъ, потому что внѣшнее дѣленіе не такъ основывается на какой чтобъ ни было отъ внѣшней видимой стороны жизни церкви, а не отъ внутренняго рода въ ея развитіи. Тѣмъ болѣе мы могли назвать его дѣленіемъ

внутреннимъ, въ основѣ котораго лежитъ самое лишь, развивающагося въ своихъ внутреннихъ данныхъ и въ своемъ развитіи, смотря по направленію, представляющая стадіи, грани которыхъ и суть истинныя точки движенія для всякой исторіи. Остается одно-назвать его движеніе чисто случайнымъ, придуманнымъ, какъ сказано еще прежде, для того, чтобъ читатель могъ остановиться на самыхъ чудесъ и перевороты душъ, - движеніемъ, которое, кстати, вносить невозможность намъ летописи, которая производила на мѣстѣ и самыхъ изложеніемъ событій, въ сущаго то и другое превращаетъ исторію Преосвященнаго въ ту же чистую лѣтопись?

Итакъ исторія Преосвященнаго со стороны своей постановки есть не болѣе, какъ только лѣтопись о характерномъ церковности, но лѣтопись не полная, кстати сказать и одностороннія. Провинности все это - доказывать, кажется, нечего. Какъ въ настоящее время понимается наша исторія? Она есть полное

и частное воспроизведение жизни нашей церкви вмѣстѣ съ ея началами и ея слѣдствіями, воспроизведение и тѣхъ измѣненій, какимъ подвергаются эти начала, водворяемыя снаружи и извнутри, подъ напорами различныхъ обстоятельствъ и внутренняго хода развитія, а равно и тѣхъ перемѣнъ, которыя, въ свою очередь испытывала внѣшняя сторона церкви, въ видѣ измѣнившихся ея внутренняго, начала, при при всемъ этомъ воспроизведение такое, изъ котораго ясно было бы не только то, что дѣйствуетъ и что происходитъ, но и самое соотношеніе между дѣйствующимъ и производимымъ, причиной и дѣйствіемъ, началомъ и слѣдствіемъ, и не въ частныхъ только случаяхъ, а и вообще, такъ, чтобъ видно было и то, какъ частная причинность переходитъ въ причинность общую, а равно и то, что называется общей

причинностію, иначе, соотношеніе между всѣмъ происходящимъ и тѣмъ, гдѣ оно происходитъ оно, соотношеніе между мирозданіемъ вообще и общей его цѣлію, которая, по отношенію къ мирозданію, не только является конецъ, но и главное движущее начало, не прекращающее дѣйствовать во все его продолженіе. Понимаемая такъ, исторія, конечно, должна была мыслима не только, какъ нѣчто прагматическое, но и какъ нѣчто систематическое. Такимъ образомъ не дѣлѣнія церкви и тѣмъ болѣе одного факта церковнаго управленія единственно водворяются здѣсь, но прежде всего само мирозданіе, во всей его цѣлости. Въ этой мысли отвергаются его дѣятельныя начала, принимаются во вниманіе и ихъ проявленія. Мирозданіе течетъ; одно остается, другое исчезаетъ, третье вновь возникаетъ и усиливается; историкъ въ своемъ понятіи не забываетъ и этого. Не забываетъ онъ обращать свое вниманіе и на внѣшнія перемѣны въ строѣ церковной жизни, зная, что измѣненіе начало тотчасъ же отражается и на видимой сторонѣ церкви. Такъ какъ жизнь есть систематическое развитіе начала, отсюда въ понятіи исторіи вносится еще понятіе о системѣ и требуется, чтобы исторія въ своемъ содержаніи была также связна и послѣдовательна, какъ связна и послѣдовательна сама жизнь, и такъ же раздѣлена на книги, периоды, измѣненіями начала дѣлимая на періоды, и, наконецъ, такъ же цѣлостна, какъ цѣлостна сама жизнь.

Прирравнивая теперь это понятіе о церковной исторіи къ постановкѣ его со стороны преосвященнаго Платона, очевидно, мы не найдемъ между ними ничего общаго. Тамъ суммированіе мгновенныхъ явленій, здѣсь сама жизнь; тамъ перечень, здѣсь осмысленное повѣствованіе; тамъ мас-

ріалъ для исторіи, вѣдь самая исторія. Что выше и чище, говорить нечего. Итак самое, что между ними нѣтъ ничего общаго, есть лучшее доказательство, что постановка дѣла, со стороны Преосвящ. Платона далеко неправильна, по крайней мѣрѣ по отношенію къ современному намъ, сравниваемому съ ней, понятію объ исторіи.

Теперь мы обратимся къ дальнѣйшимъ требованіямъ, выполненіе которыхъ, несомнительно со стороны каждаго историка. Дѣло въ томъ, что въ наше понятіе объ исторіи мы не внесли еще признаковъ живости, понимаемой, какъ живость мысли и чувства, выразительности, - какъ живость языка, и вмѣстѣ съ тѣмъ вѣрности, каковые признаки также составляютъ необходимую принадлежность великой исторіи, которая разсчитывалъ на полное соотвѣтствіе своему наименованію. Можетъ быть эти признаки, хотя Преосвященный и не перечисляетъ ихъ въ своемъ предисловіи, тѣмъ не менѣе присущи его исторіи и чрезъ то, хотя нѣсколько, подвергаютъ раздѣ, современное намъ понятіе объ этой наукѣ.

Что касается перваго признака, то мы не можемъ сказать, чтобы онъ не былъ присущъ исторіи Преосвященнаго. Но въ тоже время нельзя сказать и того, чтобы онъ отличалъ собою всѣ страницы ея. Не только не всѣ, но и самое меньшее изъ того, что даетъ Преосвященный. Дѣло въ томъ, что если можетъ быть рѣчь о живости, такъ только по отношенію къ тѣмъ немногимъ мѣстамъ, гдѣ проглядываетъ собственное сужденіе автора, его собственная мысль. Въ этихъ мѣстахъ автора, дѣйствительно, становится живые, живѣе становится и перо его, при чемъ нерѣдко проглядываетъ и самое чувство, каковы всѣ тѣ мѣста, гдѣ Преосвященный говоритъ напр. о нашихъ приключеніяхъ на родную нашу церковь.

Во всѣхъ ихъ дышитъ духъ крайней вражды къ папству и ко всему, что носитъ на себѣ печать его. Нерѣдко авторъ впадаетъ даже въ полемику, какъ напр., въ 5 гл., по поводу извѣстныхъ посланій, высказанныхъ въ началѣ короткой и касающихся папства. Онъ возстаетъ напр. противъ той мысли, что Римскій епископъ принялъ престолъ первоверховныхъ Апостоловъ Петра и Павла и до отпаденія своего былъ первымъ епископомъ или Патріархомъ по праву. Свой взглядъ высказываетъ Преосвященный и на причины отсѣченія западной церкви отъ восточной. Короткая видимъ изъ, главныхъ образомъ, въ одномъ Jambo „Filioque" Преосвященный не отвергаетъ, но въ своемъ родѣ удаваетъ: „а нас за то, что папа помутил церковь и дерзал ей гонителем и за что? что не всѣ признавали его главою церкви и вмѣстѣ монархомъ ея, что не всѣ установленія его почитались,

ко изреченіямъ болѣй и не всѣ вѣрили въ непогрѣшимость его-его, которой вмѣстѣ въ грехѣ всѣхъ ересей покрываетъ, въ властолюбіе и богатолюбіе. Тутъ же авторъ возстаетъ еще и противъ грамоты, будто-бы данной какъ бы Римскому епископу Императоромъ Константиномъ Великимъ и предоставляющей папѣ особенныя права и преимущества. Грамота эта напечатана въ Конца короткой, но Преосвященный положительно не вѣритъ въ нее, признавая ее за сущую ложь и называя грамотою чудовищной, ни въ чемъ не совмѣстимою. Это одно мѣсто и не такъ еще рѣзко. Гораздо болѣе прямоты находимъ въ главѣ 6-й. Высказываетъ уже не по поводу короткой, а прочитая фрагмента, направленная противъ папы, которая, прежде всего, обличаетъ его въ желаніи возбуждать христіанскіе народы къ войнѣ и кровопролитію, что, по словамъ ея, совершенно противно духу христіанскаго епископа, далѣе, - въ подробномъ отрицаніи къ властолюбію

въ дѣлѣ сватовства, въ умѣньи пользоваться трудными обстоятельствами народовъ не къ чьей-либо пользѣ, а только къ своей собственной выгодѣ, наконецъ, въ прямой лживости, интригѣ, грабительствѣ и сплетняхъ. Чистота ли такая фиктивка — вопросъ другой. Дѣло насъ важно то, что общій тонъ исторіи не выдерживается и не вѣсь послѣдъ для автора. Въ общемъ его исторія и суха и монотонна, точно такъ, какъ и слабая летопись и потому самому, что въ ней общемъ она сама летопись. Свойства летописи: спокойствіе, отсюда удивительная ровность въ повѣствованіи и, въ силу этого полнѣйшая монотонность. Это съ одной стороны. Съ другой — необыкновенная краткость, отсюда общность въ изложеніи событій и нерѣдко одно напоминаніе о нихъ и, какъ слѣдствіе всего, сухость. Эти же свойства, слѣдовательно, какъ преимущественныя признаки, должны быть приписаны и нашей исторіи и гораздо еще, что только какъ признакъ преимущественный.

Въ такомъ же отношеніи къ исторіи Преображенскаго стоитъ и второй ея признакъ — выразительность языка, понимаемая, какъ живость его. Обусловливаемый страстію и монотонностію и самый языкъ, въ общемъ, не отличается ни богатствомъ словъ, ни разнообразіемъ формъ, чуждъ ему и витіеватости и важныхъ словесныхъ украшеній — метафоръ, гиперболъ и т. п. Вообще онъ бѣденъ и неразвитъ. Но это тамъ, гдѣ мысль автора оживляется и спокойствіе летописца покидаетъ его, гдѣ вмѣстѣ съ мыслію пробуждается и чувство, тамъ и самый языкъ неожиданно получаетъ какую то особенную выразительность; явственъ восклицаній[1], сравненій[2], выраженій получаетъ удивительную гибкость и выразительность. Особенно, это ярко замѣтишь, когда рѣчь заходитъ о тѣхъ же личныхъ притязаніяхъ. Авторъ, на этотъ разъ, нисколько не стѣснялся подборомъ словъ, лишь бы они прямо выражали мысль его. Такъ въ 40й главѣ, гдѣ рѣчь идетъ о Флорентійскомъ соборѣ, онъ, ска—

1, 1т. 120, 140 и т. д. 2, 2т. 109 стр. и т. д.

зывъ о тѣхъ рѣшеніяхъ, къ какимъ пришелъ соборъ и которыя, какъ извѣстно, окончательно были въ пользу папства, самого папу представителя и скачущимъ и исполняющимъ „Соборъ, говоритъ онъ, кончился и папа скакалъ и плясалъ, радуясь, что удалось ему преклонить Грековъ и Церковь православную Греческую своему игу порабощить". Эти два выраженія „скакалъ и „плясалъ", въ образной формѣ, представляютъ сознаніе папы послѣ собора, ясно свидѣтельствуютъ, какъ удачно и сильно цѣлыя эпохи выражалась Преосвященнѣй, и въ тоже время, съ необходимостію, придавалъ разнообразіе и сознаніе ѣдку исторіи, которой, какъ мы сказали, вообще то не отличается медлительнѣйшею богатствомъ формъ и выраженій. Но что особенно примѣчательно, такъ это то, что эпитетъ, которые не разъ прилагаетъ Преосвященный какъ къ лицу папы, такъ и къ его крестоносцамъ. Такъ, въ рѣчи своей объ Антоніѣ Поссевинѣ, котораго какъ-то присылалъ папа къ Ивану съ цѣлію подвинуть вопросъ о соединеніи церквей, Преосвященный

самого папу называетъ „лукавымъ", а папа его „злокозненнымъ"[1], называя послѣдняго „безстыдствомъ" и „безсовѣстнымъ", а безсовѣстство о порабощеніи ими нашей церкви „вѣнцемъ", восторгнутымъ, яко нѣкіимъ „дуромъ". Конечно, „нечестивымъ" добавляетъ преосвященный[2]. Вообще Іезуитовъ онъ называетъ не иначе, какъ только „проклятыми", „самыми хитрыми и злопромышленными орудіями папы"[3], „злыми дурами"[4], „дурами хитрейшими"[5]. А папу онъ называетъ далѣе „злой Антихристовой", употребляя на этотъ разъ выраженіе сатирическое, „змѣемъ", „человѣкомъ, который спитъ и видитъ", а слѣдовательно, никогда не смѣетъ и не спитъ, чтобъ всѣхъ царствъ своей власти, подъ лицемѣрнымъ видомъ вѣры, покорить"[6].

Сильно выражается Преосвященный о Александрѣ, которой, какъ извѣстно, тогда былъ орудіемъ папы, желавшаго провести грѣхъ мего свои виды на нашу церковь, — о Александрѣ, которой, поэтому, называлъ ли —

1, Ст. 22-23. 2, Ст. 122 стр. 3, Ст. 120 стр. 4, Ст. 155. 5, Ст. 110, 6, Ст. 120 и 128 стр.

тригамъ безумствъ и, конечно, своей собственной отвагой и изобилемъ нашей магіи, дѣйствительно, удачею возсѣлъ на престолъ нашихъ царей, хотя и ненадолго. Преосвященный называетъ его „мерзостнаго безумствія, ставшего на мѣстѣ сынъ", [1] а супругу его Марину — „Маринкой", [2] до замужества „Вовкой литвой, дерзкой и ко всякимъ начальнымъ предпріятіямъ — природою вспыльчивой и отважной", [3] а по смерти мужа „оставшейся сукой съ своимъ щенятемъ". [4]

И такъ, сказано, нужно сказать, выраженій въ исторіи Преосвященнаго находится немало, чрезъ что и самая выразительность языка получаетъ, какъ бы особую силу.

Но оставимъ рѣчь объ языкѣ и перейдемъ къ вѣрности самаго содержанія исторіи, къ правдивости. Этой правдивости мы выражаемъ требованіе, потому что, каково бы ни была исторія, авторъ прежде всего долженъ позаботиться о правильной передачѣ фактовъ и вѣрности высказываемаго сужденія. Тамъ

1, 148 стр. 2 г. 2, 2 г. 159 стр. 3, 2 г. 125 стр. 4, 2 г. 208 стр.

были, что такой постановки дѣла требуетъ и самъ преосвященный, въ своемъ предисловіи, обвиняетъ нѣкоторыхъ, бывшихъ до него, историковъ въ легкомъ и поверхностномъ отношеніи къ дѣламъ Церкви, а нѣкоторыхъ, въ пристрастномъ искаженіи фактовъ и въ явномъ нанесеніи порицанія (Предисл. 16). Требуя правды въ передачѣ фактовъ, онъ требуетъ ее и въ сужденіи, полагая, что изображаемая бывшая исторія сегодняшнимъ такъ, какъ оно было и случилось не съ нашей точки зрѣнія, а съ той, какая тогда была, когда совершалось самое событіе. „Ибо, говоритъ Преосв., было-бы безразсудно и не совѣстно представлять, что оно бы за 300, 600, 700, 800 лѣтъ такъ должно разсуждать и поступать, какъ нынѣ мудрствуютъ и поступаютъ, и будто-бы все то, что было, было или по основательно, или сдѣлано, или безпристрастно, что нынѣ съ нововводникомъ обратясь мысли народственно". Такъ думаетъ преосвященный. Но сколько мы сами онъ осуществляетъ свои думы? Самъ авторъ, какъ уже извѣстно, о природѣ своемъ не великомудрствуетъ и не поступаетъ

со совершенствомъ, а нѣтъ ли мнѣнія и погрѣшительнымъ. Онъ не рутинеръ въ хронологіи и свои собственныя, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ исторіи, затрагивающіяся разсужденія тоже отдаетъ на судъ просвѣщенныхъ и безпристрастныхъ мужей. Не отстраняя отъ себя упрековъ въ погрѣшностяхъ, авторъ въ томъ только объявляетъ себя чистымъ — касательно вымысловъ отъ себя, пишетъ онъ, я ничего не выдумывалъ, кто помѣшаетъ потрудиться и историческія прочесть, въ оныхъ все, писанное мною, найдетъ, кромѣ моихъ собственныхъ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, разсужденій. Дѣйствительно, я заподозриваю автора въ чемъ либо подобномъ основаній, посему и отвергаю въ нашемъ этомъ, хотя и отрицательнаго, достоинствахъ не вѣрю.

Осталося погрѣшности, замѣченныя въ исторіи помимо воли и сознанія автора. Что сказать о таковыхъ? Есть ли оныя и многіе? Къ счастію нѣтъ и къ несчастію, во всякомъ случаѣ отказать въ нихъ исторіи Просвѣщеннаго невозможно. Разсматривая ее, мы не только

находимъ ихъ, но и, можетъ быть, гораздо болѣе чѣмъ думалъ или предполагалъ самъ Просвѣщенный, особенно, если взять во вниманіе новѣйшія изслѣдованія со стороны, современной намъ, исторической науки. По сравненію съ ними оказывается, что на исторію Просв. дѣйствительно, не во всемъ и не во всемъ положиться можно. Достаточно просмотрѣть первыя главы, гдѣ авторъ говоритъ намъ о началѣ у насъ христіанства и первыхъ судьбахъ его. Въ этомъ случаѣ Просвѣщенный почти вполнѣ довѣряетъ лѣтописямъ. Онъ вѣритъ въ христіанство Ольгиной, съ полнымъ увѣреніемъ въ справедливости лѣтописи Нестора разсказываетъ, какъ задумала благовѣрная Ольга принять христіанскую вѣру и какъ для этого ѣздила она въ Константинополь, гдѣ и крещена была самимъ Патріархомъ, а воспріемникомъ ея былъ самъ Императоръ Греческій и какъ она, привѣтствованная по крещеніи Патріархомъ и благословленная имъ, возвратилась

Конечно

на Русь, оставивъ дни своей жизни положивъ въ
Богочестіи и чистотѣ. Годъ крещенія полагаетъ
съ 988 г. Но отступаетъ Преосвященный отъ
лѣтописей и въ разсказѣ о крещеніи Влади-
мира. Согласно съ ними онъ упоминаетъ о
посольствахъ, какъ ко Владиміру, такъ и отъ
него самого, передаетъ и самыя рѣчи, замѣчая
только, что „отвѣты, данные Владиміромъ
послами Магометанскими, Іудовскими и Ла-
тинскими, безъ сомнѣнія, въ дѣйствительности
были слышаны русскими, нежели какъ пере-
носимы нашимъ Владиміру во уши вложены".
Согласно передается и о рѣшеніи Владиміра
приступить ко крещенію и о походѣ его на
Корсунь, взятіи и завоеваніи города, свѣтовѣ
и самомъ крещеніи и, наконецъ, о бракосоче-
таніи князя съ Греческой царевной Анной
и его возвращеніи. Годъ полагается какъ и
въ Николаевскомъ спискѣ 988 г.[1] Притомъ
авторъ опускаетъ только сказаніе о спосо-
бѣ взятія Корсуня и чаянной болѣзни кня-
зя и чудесныхъ исцѣленій отъ нея во время

1, 27 стр. Ник. лѣт. 1 ч.

самаго крещенія. Еще церковь, въ которой
крестился Владиміръ, въ противность
лѣтописямъ, называется церковью Пре-
святыя Богородицы.
Лѣтописный разсказъ, такимъ образомъ, при-
нимается авторомъ почти во всей его цѣ-
лости. Но если объ этомъ же самомъ пред-
метѣ мы послушаемъ новѣйшихъ изслѣ-
дователей, притомъ вполнѣ аргументированных,
то услышимъ совершенно иное и пой-
демъ, что въ разсказѣ Преосвященнаго
можетъ быть принята разве только
которая часть его. Такъ первый же фактъ,
принятія Христіанства всякорѣдомъ и да-
ромъ новѣйшая критика отрицаетъ
вполнѣ. Она видитъ въ существованіи двухъ
личностей, но не допускаетъ мнѣнія, что
это были тѣ самыя, которыя лѣтопись, во вре-
мена Греческаго Императора Романа III
и Патріарха Фотія нападали на Константи-
нополь, потерпѣли пораженіе, крестились

и причинъ этихъ критикой признанъ самый фактъ нашествія на Константинополь въ данное время, но въ наслѣдникахъ видятъ какихъ то другихъ Руссовъ, жившихъ въ тогдашней Тавро-Скиѳіи, или Руссовъ Азовскихъ, или Азовско-Крымскихъ. Доказательствомъ служитъ хронологическое исчисленіе, по которому нападеніе, если оно и было, такъ было или въ 860 году, или въ самомъ началѣ 861го, когда Аскольдъ и Диръ не только не могли нападать на Константинополь, но еще не прибыли и въ сосѣднюю Россію. Ошибка Греческихъ лѣтописцевъ, вспомнившихъ объ этомъ фактѣ въ греческихъ хронографахъ и пріурочившихъ его къ Аскольду и Диру, подъ какими именами и внесли они въ наши лѣтописи съ конца 866го года.[1]

Такой же участи подвергается и лѣтописный разсказъ о крещеніи Ольги въ Константинополѣ. Но въ Константинополѣ полагаютъ оно, а въ Кіевѣ подъ 954 г. или подъ 955мъ, подъ какимъ годомъ поставлены фактъ и въ са-

1, Журн. Мин. народ. Пр. 1876. Сентябрь.

мой лѣтописи. Послѣдняя настаиваетъ потому, что если годъ крещенія 955го, въ такомъ случаѣ Ольга крещена не въ Константинополѣ, а въ Кіевѣ въ иномъ мѣстѣ, такъ какъ поѣздка падаетъ на 957 г., какой годъ находимъ у Константина Порфирородного, Константинопольскаго Императора, оставившаго намъ описаніе того пріема, который оказанъ былъ имъ Половгорской Ольгѣ. Можетъ быть и ошибка лѣтописи только въ годѣ и Ольга дѣйствительно крещена въ Константинополѣ, но не въ 955 г., а въ 957 г. Противъ этого приводятъ сказаніе самого Константина, который даетъ понять, что Ольга прежде его крещена. Итакъ Ольга несомнѣнно крещена была раньше. Отсюда, если согласиться съ лѣтописью, значитъ признать двѣ поѣздки, что далѣе и предположить невозможно. Если вторая поѣздка была, она должна падать на 954 г., потому что, по свидѣтельству Якова Мниха, Ольга пожила въ христіан-

ствѣ Великомъ, а померла въ 969 г., слѣдовательно крещена была въ 954 г. Итакъ на четырехъ годахъ двѣ поѣздки. А это то и не вѣроятно при тогдашнихъ трудностяхъ путешествій и опасностяхъ и дороговизнѣ, тѣмъ болѣе, что сама Ольга была уже пожилыхъ лѣтъ и богато экономила. Но и то еще нужно принять во вниманіе, что если бы первая поѣздка состоялась, такъ вторая не могла бы имѣть никакой цѣли. Итакъ, когда? въ 954 или въ 955 г. Гдѣ? У себя дома т. е. въ Кіевѣ.[1]

Вслѣдствіе предыдущаго и сомнительный разсказъ о крещеніи Владиміра. Какъ крещеніе не отрицается, но заподозрѣвается самый родъ событія въ томъ видѣ, въ какомъ рисуетъ его летописецъ, а вслѣдъ за нимъ и Пр. Несторъ. Прежде всего критика отвергаетъ посольства, а затѣмъ самый походъ подъ Корсунь, какъ средство завоевать христіанство. Ей думается, что и Владиміръ, какъ и бабка его, крестился у себя дома, тайно, въ

Констант. VIII

1. Журн. мин. н. прос. 1876 г. Сент. и окт.

Вышгородѣ и не въ 988 г., а въ 987 г.; походъ былъ, но въ 989 г. и не съ иною цѣлью, какъ только выговорить руку Греческой царевны.[1]

Итакъ, первые мы историческіе факты, разсказанные Преосвященнымъ и составляющіе, можно сказать, первые шаги его въ дѣлѣ исторіи, въ новѣйшихъ изслѣдованіяхъ, если только вѣрить этимъ послѣднимъ, а не вѣрить ихъ не возможно, принимаютъ совершенно иной видъ. Оказывается не былъ христіаниномъ, Ольга крестилась въ Кіевѣ, Владиміръ въ Вышгородѣ, походъ подъ Корсунь былъ, но послѣ крещенія и въ Корсуни Владиміръ только вѣнчался.

Церковь, въ которой происходило это торжество, Пресвятая называетъ церковью Пресвятой Богородицы — это опять ошибка и даже неслыханная, потому что во всѣхъ указаніяхъ и отношеніяхъ, какими пользовалась, на этотъ разъ, Пресвятая, храмъ такимъ не называется, онъ именуется или церковью Св. Захаріи или

Мерзкая подлость

1. Журн. Мин. н. пр. 1877 г. Мартъ и Апрѣль.

или Св. Василія, мол, наконецъ, церковью Св. Софіи [1]. Откуда ли авторъ почерпнулъ такое извѣстіе, въ томъ этого сказать трудно. Во всякомъ случаѣ можно думать, чтобъ авторъ нарочно выдумалъ его. Вѣсть или апокрифъ или сомнительный источникъ, но для насъ невѣдомый. Но въ томъ и въ другомъ случаѣ это полная ошибка. Ошибочно представляется дѣло и тогда, когда говоритъ Преосвященный, что первымъ митрополитомъ [2] нашимъ [1] былъ Михаилъ, родомъ Сиринъ, присланный Константинопольскимъ Патріархомъ и крестившій на Руси вмѣстѣ съ Владиміромъ изъ подъ Корсуня.

Мѣсто это можетъ быть и справедливо, но высказанная въ такой формѣ, она предоставляетъ изъ себя гораздо болѣе, чѣмъ далъ намъ наши историческіе памятники. И доказать не трудно. Самъ авторъ, въ началѣ рѣчи, хотѣлъ помѣстить, что Несторъ — этотъ древній нашъ летописецъ о такой отчизнѣ вовсе не знаетъ, а самъ онъ слѣдуетъ, по образу, инымъ источникамъ и, какъ видно, Ме-

1, Ник. лет. 17. 1. 87 стр. 2 обр. 47. Ист. Рос. Матвѣев. 2 т. 73. Щер. = 1 т. 262 стр. Времен. 1 т. 44. и 1820 г.

нологій книгъ [1], Никоновской летописи [2], Уставу Владиміра, напечатанному въ Древней Вивліоѳикѣ, и Русскому временнику [3]. Всѣ они въ своемъ мѣстѣ, дѣйствительно, замѣчаютъ, что Владиміръ, отправляясь изъ Корсуня, вмѣстѣ съ попами всѣми и епископомъ, именемъ Михаила. А Уставъ Владиміра добавляетъ еще, что „съ нимъ Владиміръ и крести всю землю Русскую [4]. Вѣрить этимъ памятникамъ, конечно, можно. Но какъ примирить съ этой вѣрой молчаніе Нестора? Авторъ не хотѣлъ согласить, отсюда самое сказаніе его вызвало гипотезу. Это во первыхъ. Во вторыхъ, разсматривая первые три источника Преосвящ. нельзя не замѣтить, что всѣ они, говоря о Михаилѣ, считаютъ его ставленникомъ Патріарха Фотія, лишаго почти за сто лѣтъ до времени Владиміра. Такая несообразность — новое обстоятельство, чтобы извѣстіе это помѣщено въ такой формѣ, въ которой авторъ высказываетъ свои убѣжденія въ этомъ Михаилѣ, какъ исторической личности. Она свя-

1, 1, 135. 2, 1, 92. 3, 1. 25. 4. Мат. археограф. комм. вып. 2. 1862 г. = изъ бум. Григорович. Ист. Мон. 1 т. 282 стр.

дательствуется, что если молчаніе Нестора не заслуживаетъ довѣрія, то въ такой же мѣрѣ должно относиться и къ данными показаніямъ, по крайней мѣрѣ, подвергнуться тщательной критикѣ, которая необходима и потому, что другой списокъ устава Владиміра, напечатанный въ „продолженіи Россійской Библіоѳики", первымъ Митрополитомъ считаетъ Леонтія и ни слова о Михаилѣ, каковое обстоятельство автору отчасти, какъ видно, было не безызвѣстно. Итакъ новое основаніе, чтобы заподозрить достовѣрность и остановиться предъ рѣшительнымъ сужденіемъ. Но этого пр. и не достаточно. Онъ не задумывается надъ молчаніемъ Нестора, проходитъ мимо предъ противорѣчіемъ въ самомъ Уставѣ и не останавливается предъ сомнѣніемъ, прямо, безъ всякаго основанія, отдаетъ свое довѣріе показаніямъ въ пользу Михаила

1. Присягу. Не насъ говоритъ, и „вѣрѣ Владиміровѣ", какой мы отмѣтили въ подлинной времена, и „послушаніи" написанного Митрополитомъ законовъ. Во всѣхъ говорится какъ о крещеніи Владиміра, такъ и подвергающихъ его, но ни слова о Михаилѣ. Не упоминается о немъ даже и тогда, когда перечисляется что было въ Вышгородѣ (нѣтъ слов. 8 т. прим.) — карсунь.

А это и могъ или и должно было назвать погрѣшностію. Правда Кресов., сказавъ о смерти Мирамиле, на нѣкоторое время остановившегося и задумывается, но не надъ тѣмъ, чтобы доказать дѣйствительное существованіе такой личности, а уже надъ тѣмъ, какъ примирить показаніе Устава Владиміра, напечатанного въ „продолженіи Б. Библіоѳики" и первымъ Митрополитомъ называющаго Леона, тогда какъ по убѣжденію Кресов. имъ долженъ былъ быть Михаилъ. Авторъ приходитъ на стоитъ рѣшить, какъ остроумной гипотезѣ. Предлагая, что Михаилъ прислалъ или самъ, по ревности, со Владиміромъ вѣрными сотоварищами не столько для управленія Церковію, которая только что народилась, сколько для наслѣдія вѣры и пущенія, на первый случай, духовныхъ управленій, Кресов., въ сущности, отказываетъ ему въ санѣ Митрополита, въ точномъ смыслѣ слова, называя его лишь помощникомъ нашей Церкви. А Леонтій, по словамъ его, присланъ уже по просьбѣ всего народа въ точномъ характерѣ Митрополита и въ этомъ смыслѣ онъ, дѣйствительно,

сеть первой Митрополитъ. Основаніе Пр. Нарѣдиу въ томъ, что Мирмикъ, хотя и привелъ съ собою шесть епископовъ, но никого никуда не поставилъ; а Леонъ, какъ только прибылъ, въ тотчасъ году поставилъ епископа Новугороду, Ростову, Черниговъ, Володимеру и Белгороду. Такая мысль, конечно, можетъ имѣть значеніе, но въ какомъ случаѣ? Только тогда, когда будетъ доказано дѣйствительное бытіе Мирмика. А этого нѣтъ, что, между тѣмъ, маловѣрно, такъ какъ при отрицаніи Мирмика, какъ исторической личности времени Владимира, можно думать еще, что Мирмикъ указанныхъ временъ есть не Болгаръ, какъ епископъ, присланный нѣкоторымъ Россомъ, неладившимъ на Константинополѣ въ 860-мъ или въ 861 году. Послѣдній такъ назывался Мирмикомъ и дѣйствительно ставленникъ Фотія[1]. Теперь нашъ Мирмикъ и тотъ не сотвори Вно сиисе, только пріуроченное ко временамъ Владимира, какъ самый порядъ Россовъ пріуроченъ къ временамъ Аскольда и Дира.

Но допустимъ, что митрополитъ Мирмикъ дѣй-

1. Рус. Ист. Мат. Сбор. Р. Ист. II. 239.

ствительно, епископъ времени Владимира, за что стоятъ и новые наши историки Пр. Филаретъ и Пр. Макарій, впрочемъ не тѣхъ же самыхъ основаній, лишь усиливая ихъ новыми свидѣтельствами, хотя тоже непредубѣжденными, — показаніями Ал. Мекиша, Дитмара и Дюгина[1], — новое сомнѣніе. Преосвященный называетъ Мирмика Сирмисомъ, но не лучше ли назвать его Болгарскомъ, какъ называетъ его и епископъ Іоакимъ[2]. И это вѣроятнѣе, если принять во вниманіе, что епископъ, дѣла большаго трудолюбія въ своей дѣятельности, долженъ быть знакомъ не только съ Латыкомъ, но и съ нравами и обычаями просвѣщаемой имъ страны. А по отношенію къ нашей Руси времени Владимира таковыми могли быть только Славяне и именно Болгаръ, съ которыми у насъ существовали тогда непосредственныя сношенія. Итакъ новая посылка, которую такимъ нельзя не назвать нѣкоторою радостью погрѣшности.

1. Ист. Пр. М. Ім. 12. — Вопр. Крайст. II. 19. 2. Тад. Ім. 32 стр.

Теперь, если личность Мирослава, какъ лица историческаго, оказывается сомнительною, подъ сомнѣніемъ должны оставаться и всѣ прочія сказанія, въ которыхъ шла Михеева, какъ нѣкоторо говорится, что Володимиръ крестилъ сыновей своихъ не чрезъ кого иного, а именно чрезъ этого Мирослава, съ чего съ нимъ будто бы держали они совѣтъ и касательно крещенія кіевскихъ, каковое крещеніе опять же совершено тѣми самыми руками, которыми крещены и дѣти Володимира, отъ Мирославы. Все это сомнительно и особенно послѣднее, потому что Несторъ, говоря объ этомъ торжествѣ, относитъ единственно о послахъ корсунскихъ и царевичьихъ, т. е. пришедшихъ съ царевичемъ Анною изъ Царьграда, что подтверждаетъ и краткая летопись Володимира[a], и почитаетъ къ начатію, не бывшій подъ руками Преосвященнаго, какъ открытый гораздо позднѣе.[1]

Сомнительный, стало быть, и совѣтъ Мирослава съ княземъ о заведеніи училища и поѣздка его по Русской землѣ до Ростова съ четырьмя

1. Савв. Сбор. по Древн. списку. Собр. Р. Лет. Т. 1. стр. 90. 2. Ист. = Пр. Мон. Т. 1. стр. 11. Опыт. примѣч.

епископами и со Анастасомъ корсунскимъ и, наконецъ, смерть его, которую авторъ полагаетъ въ 992 г. Современемъ каменная была и самый годъ смерти. Откуда Пр. узналъ о немъ — сказать трудно. Только Временникъ и Никоновская летопись, которая авторъ, поправительству, слѣдуетъ, полагаютъ его 991[ммъ], подъ какимъ годомъ поставленъ онъ и прибытіе къ нимъ епископа Леонтія или Леона.[1] Говоря о дѣятельности этого послѣдняго, Пр. пишетъ, что онъ, по прибытіи своемъ, наряду съ другими епископами поставилъ и епископа Ростову — Ѳеодора. Кто былъ этотъ Ѳеодоръ, авторъ не опредѣляетъ, но о дѣлѣ его, между прочимъ, замѣчаетъ, что онъ будучи въ Ростовѣ, отъ мѣненія и отношенія Ростовцевъ предобѣтъ не могъ и, не стерпѣвъ зла, изгнанъ — отъ туду. Какую же участь принималъ Преосв. и послѣдующіе по Ѳеодорѣ епископы Ростова — Иларіонъ, только свободнѣе изъ — ложенія замѣчаетъ объяснѣнія. Участь же оставленныхъ имъ за Леонтіемъ, которой, по-

1. Врем. Нест. Ник. лет. Т. 1. 104 стр.

вамъ всего, былъ третьимъ Ростовскимъ епископомъ 11, что заключительно, ставленникомъ Патріарха Константинопольскаго.

Мысли здѣсь не много, но и при немногомъ, что дастъ прославленной, возможность возраженія всетаки остается за нами. Вѣрно то, что Феодоръ говорилъ, справедливо сказано и объ Иларіонѣ, такъ какъ за это говорятъ нашъ и Временникъ, и Степенная книга, и Авраамієво житіе, и житіе, точнѣе, сказаніе объ обретеніи мощей Св. Леонтія[1]. Но думаетъ, чтобъ Леонтій былъ ставленникомъ Патріарха константинопольскаго, не приходится. Патріархи вообще ставили Митрополитовъ, но не ставили епископовъ въ митрополіи, ибо не имѣли на это права. А ко времени Леонтія[2] наша Русь сама и не была независимой отъ Конст. Патріарха, всегда была Митрополіей. Авторъ слѣдуетъ Житію Временнику и Степенной книгѣ[2], но онъ, со своей стороны, можетъ указать на посланіе Симона къ Поликарпу, которое, какъ и говоритъ

1, Пр. 32 стр. Ст. кн. 158 стр. 1. Авр. ж. лист. Л. Мак. 1. 6 стр.
2, Леонтій жилъ въ ½ XI в. В. Врем. 53. Ст. кн. 153 стр. 1.

о Леонтіѣ и представляетъ его сначала постриженникомъ Кіевопечерской лавры, затѣмъ Ростовскимъ епископомъ, но ничего не знаетъ о поставленіи его Патріархомъ[1]. Можетъ быть авторъ въ своихъ показаніи полагается на житіе Св. Леонтія. Впрочемъ не повѣрить трудно, потому что сказаніе объ этомъ житіи имѣется въ четырехъ редакціяхъ и въ нихъ только третья именуетъ Леонтія ставленникомъ патріаршимъ. За то Іоаннъ Патріархъ она выставляетъ совершенно ложное, выдавая его за Іоанна[2]. Какъ повѣрить такому извѣстію? „Житіе" сказывательно, скорѣе говоритъ противъ автора, чѣмъ за него; умалчиваетъ, стало быть, и показанія Временника и книги Степенной и тогда какъ за нами остается еще основаніе-мысль о правахъ патріаршихъ, Пр. Пелагонъ такого основанія не имѣетъ вовсе.

Теперь возвратимся нѣсколько назадъ, именно, къ разсказу прославленнаго о построеніи Великомірскомъ Церкви Богородицы и объ уста-

1, Ист. Ред. 1 т. 21 стр. Мак. 3 т. 21 стр. 2, Ист. Мак. 2 т. 27 стр. прим.

новленіи десятины. Авторъ между прочимъ говоритъ здѣсь, что Владиміръ на содержаніе тая церкви Богородицы, а равно митрополита, причта и владыкъ опредѣлилъ со всего десятую часть изъ своего недвижимаго имѣнія и со всѣхъ городовъ. То-же самое опредѣлилъ Владиміръ и по всей Русской землѣ, чтобы во всѣхъ княженіяхъ, гдѣ есть епископы и соборныя церкви, на содержаніе ихъ давать десятину." Вся эта тирада какъ бы невольно обращаетъ на себя вниманіе.

Судя по ея началу, вся десятина, собираемая со всей Руси, не только съ недвижимаго имѣнія княжескаго, но и со всѣхъ городовъ, должна была идти единственно на пользу церкви Богородицы и ея Митрополита; судя же по концу, того не могло быть, ибо какъ каждое княженіе обязывалось отдавать свою десятину въ пользу своей соборной церкви и своего мѣстнаго епископа, если только таковые были. Очевидно, здѣсь

есть что-то, и что-то непонятное, даже чистое противорѣчіе. И въ чемъ же дѣло? Вся сила въ двухъ словахъ, въ одномъ выраженіи „изъ всѣхъ городовъ". Автору слѣдовало бы выразиться точнѣе, опредѣлить, что онъ разумѣетъ подъ этими словами. Дѣйствительно ли всѣ русскіе города безъ изъятія, или же только тѣ, которые входили въ составъ собственнаго княженія Владиміра? Въ первомъ случаѣ противорѣчіе, конечно, останется, а во второмъ его не было бы. Но авторъ не только остается при общемъ выраженіи, не сдѣлалъ даже и попытки разъяснить его. Онъ на-слово довѣрился уставу Владиміра, напечатанному въ древней Вивліоѳикѣ. Въ послѣднемъ дѣйствительно есть нѣчто такое, на основаніи чего онъ могъ построить свою тираду. „И даръ десятину, говоритъ уставъ Владиміра, изъ всего своего княженія въ соборную церковь... и съ тыну десятую недѣлю во всѣхъ градѣхъ, а изъ доловъ ливата, на всякое лѣто, десятое Господу Богу и отдалъ своимъ митро-

пантомъ, сиче и по всей земли русской, во всѣхъ княженіяхъ, въ соборную церковь епископомъ устроилъ и по всѣмъ.[1] Но если авторъ заглянулъ въ другой списокъ устава, такъ называемый харатейный, напечатанный въ продолженіи русской Вивліоѳики, общность выраженій для него пропала бы, пропала бы и вѣроятность противорѣчія, потому что въ немъ просто читаемъ: и даръ десятину отъ всего своего княженія въ соборную церковь и отъ всего князя суда 10-ому вѣку Божьему Власу и Чудной Богородицѣ.[2] Слѣдовательно, указанныя слова, которыя и стушевываютъ все дѣло, въ данномъ спискѣ не находится. Въ силу этого, легко было понять и выразить ту мысль, что если и дана была десятина церкви Богородицы и Митрополиту, то единственно отъ княженія Киевскаго. Тогда и другая половина тарадѣ Преосвященнаго явилась бы въ настоящемъ свѣтѣ. О противорѣчіи, стало быть, не могло быть и рѣчи. А Преосвященный допустилъ именно то, чего допускать не слѣдовало. Ошибка его тѣмъ болѣе, что причиненія на этотъ разъ быть не могло. Когда дѣло въ противорѣчіи, тутъ одно изъ двухъ: или выбрасывать его, или вовсе не говорить о предметѣ.

Далѣе, въ 8-ой главѣ, главѣ о монастыряхъ Преосвященный пишетъ, что они стали устроиваться еще при Владимірѣ. Въ доказательство онъ ссылается на показаніе Нестора, что святой Антоній, пришедъ изъ аѳонскихъ горъ въ Кіевъ, ходилъ по монастырямъ, но не полюбилъ ни одного изъ нихъ; и потомъ избралъ ту гору, гдѣ послѣ устроилъ монастырь Печерскій. Но и въ Ростовѣ, придумываетъ авторъ, Аврааміевъ монастырь основанъ Аврааміемъ еще при Владимірѣ. Равно при Владимірѣ получилъ начало и Валаамовъ монастырь на озерѣ Невѣ, иначе — на Ладожскомъ. Мысль, проводимая здѣсь, вполнѣ справедлива; но доказательства, взятыя самъ по себѣ, болѣе чѣмъ сомнительны. Вѣрно то, что Антоній, пришедши въ Кіевъ, ходилъ по

1-ое и 2-ое Лѣтопись занятій Археографической коммиссіи. Вып. 2. 1862 г. изъ бумагъ профессора Ивана Григорьевича Бѣгичева.

монастыряхъ. Но изъ этого пока еще ничего не видно. Антоний возвратился на Русь въ половинѣ XI столѣтія, а Владиміръ померъ въ 1015 году; промежутокъ тридцать пять лѣтъ, если не болѣе. Можно сказать, что монастыри, основанные Антоніемъ, получили начало не при Владиміръ, а именно въ этотъ промежутокъ времени и тѣмъ болѣе, что было мало количества монастырей въ данное время, во всякомъ случаѣ, предполагать нельзя. Первоначальство, такимъ образомъ, оказывается слабымъ. При слабости первыхъ, два послѣднія уже окончательно лишены. Преподобный Авраамій жилъ во-все не въ концѣ XI вѣка и началъ XII, а гораздо позднѣе, — въ началѣ XIII, въ княженіе Владиміра, но не святаго, а Мономаха, къ какому времени приурочиваетъ его и преосвященный Филаретъ. Ибо санъ Архимандрита, которымъ облеченъ былъ Авраамій и князь Владиміръ Суздальскаго, съ которымъ имѣлъ онъ сношенія, свидѣтельствуютъ, что это было именно въ уже

1 Ист. Фил. т. 1. 21 стр.

данное нами время.(x) А если жизнь Авраамія должна быть отнесена ко временамъ Мономаха, то къ тому-же времени, пожалуй, къ концу XI столѣтія, должна быть относима и жизнь Арсія и Германа, положившихъ начало Варлаамской обители. Если же нельзя отнести её къ концу XI, то не иначе, какъ къ половинѣ его. Думать что либо иное не приходится во-все. Житіе Авраамія, которое, конечно, не могло быть не извѣстно автору, какъ Ростовскому паломнику (путевыя записки о путешествіи въ Переясл., Ростовъ, Яросл., Костр. и Владим. біографія Преосв. Филарета т. 2. 105 стр.), говоритъ, что Авраамій, прежде былъ лавитскимъ инокомъ въ Ростовской землѣ, провелъ много лѣта въ Валаамской обители при игуменѣ Осипостѣ, отъ котораго и постриженъ былъ. Слѣдовательно, Авраамій, въ бытность

(x) Примѣч. Первымъ княземъ Владиміра Суздальскаго могъ быть никто иной, какъ Владиміръ Мономахъ, потому что этимъ княземъ построенъ самый городъ. При-томъ, только со времени Монам. въ лѣтоп. начинаютъ встрѣчаться князья Суздальскіе, а лучше сказать, со времени сына его Юрія Долгорукаго, который посаженъ былъ

свою въ этой обители, уже не застали въ живыхъ ни Ерміи, ни Германа. А если онъ не современникъ имъ, то, будучи современникомъ Владиміра святаго, и самаго Владиміра не былъ современникомъ имъ. Выходитъ, что Ерміи и Германъ уже и основали обитель еще за-долго до времени Владиміра, иначе — до введенія у насъ христіанства. Но это уже совсѣмъ не пригодно. Послѣ этого, что можетъ запретить намъ вѣрить тому преданію, что Варлаамъ былъ посѣщенъ самимъ апостоломъ Андреемъ и что Ерміи былъ однимъ изъ учениковъ его? Мак. 1т. 208 стр. Примѣч. Былъ преосв. Макарій думаетъ также, какъ и преосв. Платонъ, считая Ерміи и Германа, Авраамія и Владиміра современниками. Но то, что сказано сейчасъ, одинаково говоритъ и противъ него. Ред.) Если же мы утверждаемъ на мѣстахъ, что Авраамій былъ современникомъ Владиміра не святаго, а Мономаха, то жизнь Ерміи и прочихъ не будетъ казаться загадкою. Жизнь Авраамія относится къ первой половинѣ XII-го столѣтія; Варлаамовые уродники-его предшественники; отсюда съ вѣроятностію можно заключить, что жизнь ихъ это — половина XI-го вѣка. Итакъ, и оба послѣднія доказательства, выставленныя преосвященнымъ братьями сами по себѣ, оказываются болѣе, чѣмъ сомнительными. Нужно ли говорить, какъ мало могутъ доказывать они мысль Ир-наго, что монастыри были еще и при Владиміръ Святомъ.

отдалъ на судъ вѣчный сталъ въ 1105 г. (Журн. Мин. нарѣдн. просв. 1877 г. Мая 39, 41 и 42 стр. примѣч. 1 и 2.

Можетъ и тотъ фактъ, о которомъ авторъ говоритъ на 6 стр. труда своего, будто бы избраніе Митроп. Иларіона, совершенное Ярославомъ безъ сношенія съ Константинопол. Патріархомъ, было таковымъ ради войны съ Греками, которая будто-бы велась тогда. Война дѣйствительно велась, но гораздо ранѣе, какъ свидѣтельствуетъ о томъ та-же Никон. лѣтопись, въ которой почерпнулъ авторъ передаваемое имъ извѣстіе. Если вѣрить лѣтописи, то временемъ войны были 1043, 1044 и 1045 годы, а

въ 1046 году былъ заключенъ миръ. Избраніе же Иларіона воспослѣдовало въ 1051 году.[1] О войнѣ, стало быть, не можетъ быть и рѣчи.

Ошибочно говоритъ Преосв. и о Митрополитѣ Ефремѣ, когда называетъ его греческимъ, выходцемъ изъ греческаго города Митилены (у автора Маштины). Авторъ слѣдуетъ здѣсь Никон. лѣтописи. Но, принимая во вниманіе сказаніе Нестора о крещеніи Ѳеодосія, сами мы въ правѣ думать иначе и считать Митрополита за природнаго русскаго, жившаго сначала при дворѣ великаго князя Ярослава, за тѣмъ принявшаго постриженіе въ пещерѣ преп. Антонія, путешествовавшаго въ Константинополь и оттуда вызваннаго на Переяславскую каѳедру, занимаемую которую, онъ, въ свое время, и достигъ каѳедры Митрополичей. Такъ свидѣтельствуетъ инокъ преподб. Ѳеодосій.[1]

Согласно съ нимъ говоритъ и извѣстное по-

1 Ник. лѣт. 135 и 137 стр. т. 1. 2. Ист. Мат. 2 т. прим. 1

ланіе къ Пашкарту, написанное рукою Симона, епископа Владимірскаго, жившаго въ XIII столѣтіи.[1] Слѣдовательно, сказаніе Никон. лѣтописи, которому слѣдуетъ авторъ, никакого довѣрія не заслуживаетъ.

Есть у Преосв-го и другія погрѣшности. Такъ въ рѣчи своей о Митроп. Никифорѣ годъ прибытія его на Русь онъ полагаетъ годъ 1106, тогда какъ на самомъ дѣлѣ годъ этотъ падаетъ на 1104, и правилъ Митроп. не 10 или 15 лѣтъ, какъ пишетъ Преосв-ный, а только 16 мѣс., потому что годъ кончины его 1121, Апрѣль, каковый годъ ясно обозначенъ въ древнихъ лѣтописяхъ, равно какъ и въ Никоновской, слѣдуя которой и самъ авторъ годъ кончины полагаетъ согласно съ достовѣрностію.[2]

Не правильно и то сказаніе, что авторъ повѣствуетъ намъ объ установленіи праздника Животворящему Кресту 1 Августа. По словамъ его, этотъ праздникъ установленъ при Митроп. Константинѣ, Не-

1 Ист. Мат. 2 т. 266 стр. 26 прим.; и стр. Филар. 17 12 стр.
2 Полн. собр. рус. лѣт. 1 т. 110 ; Ник. лѣт. 2 т. 28 стр.

сторъ еписк. Ростовскимъ и при великомъ
князѣ Андреѣ Боголюбскимъ. Что дѣло бы-
ло при этомъ князѣ-вполнѣ справедливо,
но выставлять тутъ имена Митроп. Кон-
стантина и Ростов. еписк. Нестора —
уместно не такъ. Праздникъ установленъ
въ честь побѣды Андрея надъ Болгара-
ми-Магометанами, какая побѣда вос-
послѣдовала только въ 1164 году. Митропо-
лита Константина въ живыхъ, стало
быть, не было, такъ какъ смерть пости-
ла его еще въ 1159 г. Какъ не было Константина, такъ не было и Нестора. Послѣдній, правда, былъ еще живъ, но Ростовской каѳедры не имѣлъ за собой, изгнанный ростовцами, по наущенію какого-то Ѳеодора, въ 1157 г., какъ человѣкъ будто-бы неправо учившій о постахъ въ среду и пятокъ; если въ эти дни случатся господскіе праздники, онъ уже не могъ возвратить своей каѳедры. Правда, тогдашнимъ Митрополитомъ Ѳеодоромъ онъ былъ признанъ правымъ,

но этого оказалось недостаточно и изгнанникъ вынужденъ былъ отправиться къ самому Константинопольскому Патріарху Лукѣ Хрисовергу. Послѣдній также нашелъ его справедливымъ и даже опредѣлилъ возвратить ему каѳедру, но чтобъ это послѣднее было осуществлено, ни въ какихъ памятникахъ не видимъ. Напротивъ, съ 1158 г. и до 1164 г. до года побѣды Ростовскимъ еписк. видимъ Леона[1], послѣ же него Іоанна[2], за тѣмъ Ѳеодора[3], послѣ сверженія котораго Митрополит. Киевскимъ скончался скоро и самъ Боголюбскій. Итакъ, при Боголюбскомъ Несторъ каѳедры своей не возвратилъ.[14] А праздникъ несомнѣнно установленъ Боголюбскимъ и необходимо думать послѣ 1164 г. Слѣдоват. имъ установленъ если не при Митрополитѣ Іоаннѣ III, занимав-

1) Ник. лѣт. 2 ч. 164 стр.
2) Ibid. 192 стр.
3) Ibid. 206 стр.
14) Прилит. Татищ. въ своей исторіи утверждаетъ то-же самое. Онъ прямо говоритъ, что Андрей презрѣлъ просьбу и опредѣленіе патріарха и не принялъ Нестора, который и умеръ въ изгнаніи въ Кіевѣ. Откуда узналъ Татищевъ

шемъ каѳедру съ 1163 20 по 1166 11 г., то при Константинѣ II, управлявшемъ ею съ 1163 20 по 1175, а отнюдь не при Константинѣ I, умершемъ въ 1159 21 году, и не при Несторѣ Ростов., а при его преемникахъ.

Сейчасъ мы упомянули о Ростовскомъ еп. Ѳедорѣ, осужденномъ Киевск. Митр-ромъ и, какъ передаютъ лѣтописи, казненномъ. Упоминаетъ о немъ и преосв. Платонъ (стр. 100), но разсказъ его отъ себя уже представляетъ изъ себя нѣкотораго рода извращеніе. Преосвященный называетъ Ѳедора племянникомъ какого знатнаго боярина Петра Бориславича, затѣмъ монахомъ-постриженникомъ Печерскаго монастыря, вмѣстѣ епископомъ и сущимъ татаромъ и разбойникомъ. Въ дѣлѣ этихъ послѣднихъ понятій ведется и самая

скорѣ трудно, но разсказъ его дышетъ вѣрностію и нужно думать, что Татищевъ, хотя и не обнаружаетъ источниковъ, все-таки имѣлъ подъ руками достаточныя основанія.

1 Ист. Рос. Матр. ч. 1.

рѣчь о немъ. Онъ представляется человѣкомъ, который нагально и произвольно ищетъ Митрополіи Киевской, но успѣваетъ сдѣлаться только Ростовскимъ епископомъ. Занявъ каѳедру, онъ не хочетъ подчиняться велѣнію великаго князя Андрея Боголюбскаго идти на благословеніе къ Митрополиту Киевскому и въ досадѣ на князя безвинно подвергаетъ Владимірское духовенство запрещенію. Самъ же всюду грабитъ имѣнія, князей и бояръ мучитъ, а княжаго постельничаго, оградивъ и измучивъ, стремглавъ распинаетъ, инымъ волосы, и головы, и бороды свѣчами сожигаетъ, инымъ и носъ, и уши, и уста, и языкъ отрѣзываетъ, иныхъ на станахъ и на доскахъ распинаетъ, иныхъ по-поламъ разсѣкаетъ, а иныхъ богатыхъ, измучивъ, въ котлахъ варитъ. И дѣлъ замѣчаетъ преосв. всякимъ страшенъ и ужасенъ, рыкалъ, аки левъ, и вскликъ, аки дуръ и дерзокъ и безстыденъ, аки діаволъ. Далѣе авторъ изображаетъ по-

слѣдующую судьбу его, судъ надъ нимъ и кара,
представляя все дѣло такъ, что какъ бы
невольно приходится скорѣе съ нимъ (раск.)
„и такъ рекъ: рекъ погибе." Раскаръ просра-
ненъ, но сразу же представляется плохо
составленнымъ. Правда, автора въ его
составленіи обвинять нельзя, такъ какъ
весь разсказъ почти буквально взятъ изъ
Никон. лѣтописи[1]. Тѣмъ не менѣе, опись
ка всегда будетъ ошибкой. Если бы, такъ
именно дѣлъ слѣдовало автору отнесть
къ лѣтописи хотя съ малою долею
критики, такъ какъ въ разсказѣ если не
все лгуть, то, по крайней мѣрѣ, двѣ трети его. Справедливо то, что Всеволодъ былъ
племянникомъ знатнаго боярина Петра
Ярославича и вмѣстѣ монаромъ-по-
стриженникомъ Кіевопечерскаго монастыря, но чтобы онъ былъ сущимъ татемъ
и разбойникомъ, это крайне невѣроятно.
Такое мнѣніе основывается прежде все-
го на томъ, что Всеволодъ самовольно со

1 24. 206 стр.

многимъ имѣніемъ пошелъ въ Константино-
поль и просилъ Патріарха поставить его
въ митрополита на Кіевъ, говоря лорно, что
Митр-та на Кіевѣ нѣтъ; а такъ какъ патрі-
архъ не соглашался, онъ все-таки упросилъ
его поставить его (Всеволода) хотя въ еписко-
па въ Вѣтовъ опять же безъ всякаго основанія,
пользуясь, единственно, мудростью и силою
его патріаршаго двора. Но самовольно ли
и дѣйствительно ли онъ обманывалъ пат-
ріарха, прося поставить его въ Митрополи-
та на Кіевъ, говоря, что Митр-та на Кіевѣ
нѣтъ? Лѣтопись дѣйствительно говоритъ
за это; на нашъ кажется, что нѣтъ. Какъ
бы ни былъ Всеволодъ, все-таки онъ могъ понять,
что если бы замыслъ его и удался, если бы пат-
ріархъ дѣйствительно поставилъ его въ
митрополита на Кіевъ, это не принесло бы
ему никакой пользы. Онъ хорошо зналъ, что
Митр-тъ живъ и что, слѣдовательно, на Кіевъ
его не приняли бы, куда бы тогда могъ
онъ явиться? Во Владиміръ? Но если онъ

постраль самовольно и при-такъ всюду при-
во, то какъ было разсчитывать ему на приемъ
Владимірскаго князя Андрея Боголюбскаго, ко-
торый, какъ извѣстно, отличался еще благо-
честіемъ? Сталъ быть, сам было самоваліе и
ложь, то мѣста въ Руси Ѳедору не было. Къ че-
му же, послѣ этого, самоваліе и ложь? Далѣе.
Ѳедоръ ѣдетъ въ Константинополь съ богатымъ
имѣніемъ. Откуда у чернорицца взялось оно? Изъ
у дяди своего? Странно! Положимъ дядя ~~[illegible]~~
и былъ знатный боярин, но какъ могъ онъ
дать, понимая, что племянникъ разчитыва-
етъ единственно на подкупъ и ложь и что, въ
всякомъ случаѣ, счастливаго результатовъ дѣ-
не могло. Нѣтъ, сам и было самоваліе, то
было только видимое, сам была ложь, то была
только частію глубоко обдуманнаго плана.
Если кто далъ ему имѣніе, такъ далъ сильный
и богатый человѣкъ, имѣвшій интересъ въ
удачѣ Ѳедора и разчитывавшій, навѣрное,
какъ на самый подкупъ такъ и на то, что
новопоставленному Ѳедору всегда найдется

мѣсто на Руси, даже и тогда, когда онъ будетъ
Митрополитомъ. Кто бы это могъ быть? При-
нимая во вниманіе, что Ѳедоръ, о которомъ
идетъ наша рѣчь есть тотъ самый, который
прежде велъ споръ съ Несторомъ ростовскимъ епи-
скопомъ о постѣ и умѣлъ поставить дѣло такъ,
что Несторъ заподозрѣнъ былъ въ ереси, лишил-
ся каѳедры и вынужденъ былъ защищать себя
предъ судомъ Митрополита и оправдывать
себя предъ патріархомъ, и, вмѣстѣ, тотъ са-
мый, который въ санѣ игумена Суздальскаго
посылаемъ былъ боголюбскимъ на соборъ, бывшій
въ 1168 г. въ Кіевѣ по поводу споровъ о постѣ,
поднятыхъ Кашкарпомъ, — дѣло легко объясне-
ется. Оказывается, что Ѳедоръ, — постриженникъ
Печерскаго монастыря, — есть, вмѣстѣ,
чернецъ ростовскій, занявшій игуменъ какого-то
монастыря суздальскаго земли и, что главное,
лицо, хорошо извѣстное великому князю Андрею,
даже болѣе, лицо, покровительствуемое имъ,
тоже — княжескій любимецъ. Теперь, этотъ
любимецъ идетъ въ Константинополь къ тор-

ріарху, чтобы достигнуть кафедры митрополита и ѣдетъ съ не малою казною. Можно ли думать, чтобъ эта поѣздка не была съ вѣдома князя и что не князь, а кто-то другой далъ на нее средства Ѳеодору? Что это такъ, за насъ говоритъ отчасти и посланіе Констант. патріарха Луки Хрисоверга, писанное, въ свое время, къ великому князю Андрею Боголюбскому.[1] Изъ него, между прочимъ, видно, что Андрей, устроивъ Владиміръ и усиливъ свою власть, пожелалъ усилить и значеніе епископа Суздальскаго, иначе- заботѣ возвести послѣдняго въ званіе митрополита, какимъ былъ святитель Кіевскій. И вотъ, князь хлопочетъ предъ патріархами, чтобы послѣдній далъ ему митрополита и никого иного, какъ какого-то Ѳеодора, который, въ то-же время, по смыслу посланія, представляется врагомъ епископа Ростовскаго Нестора, отверженнаго княземъ и въ 1162 г.; когда происходили эти хлопоты, бывшаго въ Констант. при дворѣ Патріарха. Такъ

1 Мат. Ст. 257 стр. примѣч. 33.

какъ ранѣе мы полагали, что Ѳеодоръ, спорившій съ Несторомъ, есть одно лицо съ тѣмъ, о которомъ идетъ наша рѣчь, стало быть, нашъ Ѳеодоръ есть, вмѣстѣ, и то лицо, о которомъ говорится въ посланіи. Убѣждаетъ, что Ѳеодоръ, который идетъ теперь въ Констант., чтобы достать клобукъ митрополита, еще ранѣе выставлялся, какъ какъ кандидатъ на него, выставлялся самимъ княземъ, который хлопоталъ за него предъ Патр-хомъ, желая ему клобука, а себѣ славы, какъ устроителю Владимірской Митрополіи. Что-же это значитъ? Не то ли, что если Ѳеодоръ идетъ теперь въ Конст., то поѣздка его есть не болѣе, какъ вторичная попытка со стороны князя устроить дѣло, задуманное прежде,- устроить митрополію? Только вмѣсто неизвѣстнаго просвѣты и простаго посла ѣдетъ въ Констант. самъ кандидатъ, выставленный княземъ на митрополичій престолъ. Будь-же, послѣ этого, сомнѣніе и къ чему ложь, къ чему было Ѳеодору обманывать патріарха, говоря, что Митро-

пашта на Кіевъ нѣтъ? Феодоръ, дѣйствительно, желалъ Кіевскаго, но не Кіевскаго, а Владимірскаго, слѣдовъ, обманывать было не къ чему. Этимъ объясняются и богатыя средства, съ которыми Феодоръ отправился въ Констант. далъ ему князь. А если не было самолюбія, не было ли, то не даромъ быть и того, чтобы Феодора называть сущимъ татомъ и разбойникомъ. Все, что можно сказать о немъ, такъ это-то, что онъ былъ человѣкъ ловкій, проницательный, не слишкомъ дорожившій правилами нравственности (дѣло съ Несторомъ) и, что главное, умѣвшій нравиться сильнымъ мира сего.

Не слишкомъ доказательно и второе основаніе, будто Феодоръ, прибывъ въ Вѣтовъ не митрополитомъ, а только епископомъ, не хотѣлъ брать благословенія у митроп. Кіевскаго, даже и когда объ этомъ просилъ его самъ князь и не благословленный, въ досадѣ на князя, къ дерзновенію присоединилъ еще и злодѣянія, подвергнувъ Владиміръ запрещенію, ограбивъ церкви, богатыхъ и знатныхъ людей, князей и бояръ мужа неистовъ.

Первый фактъ можетъ быть и справедливъ. Можетъ быть князь, обманутый въ своихъ надеждахъ, послѣ этого не находилъ полезнымъ отдѣленіи отъ митрополіи Кіевской и дѣйствительно совѣтовалъ Феодору преклониться предъ Ѳитъ. и признать зависимость отъ Кіева, чрезъ принятіе благословенія отъ митрополита, усмотрѣвшаго въ немъ, только Феодоръ, какъ ставленникъ патріаршій, не хотѣлъ исполнить совѣта княжескаго. Но фактъ, хотя и справедливъ, ничего еще не доказываетъ. Въ данномъ случаѣ, онъ свидѣтельствуетъ только о нѣкоторомъ родѣ гордости новаго епископа. А можетъ быть Феодоръ не поѣхалъ потому, что ему, обманутому въ своихъ надеждахъ, о чемъ въ Кіевѣ, конечно, не могли не знать, явиться въ Кіевъ значило отдать себя на посмѣяніе, и это еще меньше. Мало быть и будетъ, что впослѣдствіи дѣйствительно и случилось

съ нимъ. Что отсюда можно вывести? Что онъ не былъ высоконравственнымъ человѣкомъ? Безспорно; но и только.

Что касается остальнаго, то здѣсь уже чистая сказка и правды въ ней столько, сколько и въ любомъ привиденіи. Кто можетъ повѣрить, что всѣ злодѣянія, какія приписываются Ѳеодору, совершены имъ единственно изъ досады на княжескій совѣтъ — идти и принять благословеніе отъ Митроп. Кіевскаго. Никоновская лѣтопись утверждаетъ это вполнѣ.[1] Во всякомъ случаѣ, повѣрить надо въ томъ, кто имѣетъ легковѣріе лѣтописца, дѣйств. заносившаго въ свое сказаніе все, что приходилось слышать ему, и заносившаго съ полнымъ убѣжденіемъ въ истинности записываемаго. Татищевъ же, а вслѣдъ за нимъ и преосвящ. Макарій, слѣдуетъ на дѣло совсѣмъ иначе. Причины они ищутъ не въ досадѣ на князя, а въ посланіи Митрополита Кіевскаго, узнавшаго о дѣйствіяхъ Ѳеодора и писавшаго къ игуменамъ и пресвитерамъ

1 Никон. лѣт. 2 ч. 207 стр.

Ростовской эпархіи, чтобы они, пока Ѳеодоръ не приметъ благословенія у св. Ѳаріи Кіевскій, не признавали его за епископа, не служили съ нимъ и благословенія отъ него не принимали, а равно въ творъ слѣдствіяхъ, какія имѣло это посланіе, возбудивъ, какъ духовенство, такъ и міряне, къ дѣйствительному противодѣйствію власти новаго епископа. Это противодѣйствіе, по словамъ нашихъ историковъ, и привело Ѳеодора въ такого рода неистовство.[1] Но и самаго неистовства, въ томъ видѣ, въ какомъ представляетъ его преосв. Платонъ, также не могло быть. Что Ѳеодоръ подвергнулъ запрещенію Владиміръ и другія по многимъ городамъ и селамъ церкви закрылъ на время, — фактъ, можетъ быть, и достовѣренъ и, притомъ, вполнѣ понятенъ. Разбраненный неудачей въ Константинополѣ, какъ долженъ былъ поступить Ѳеодоръ съ тѣми, кто, повинуясь посланію Митрополита, не считалъ своего епископа законнымъ и не хотѣлъ принимать отъ него благословенія? Подвергнуть эпархію за-

1, Тит. Ст. 167 стр. Ист. Мак. 87. 19 стр.

прещенію — мѣра эта сама собой вытекала изъ дѣйствительности и вполнѣ объясняла ся. Но что бы Ѳедоръ мучилъ князей и бояръ, — кто повѣритъ этому? Да и какіе-такіе были князья, которые бы безпрекословно позволяли мучить себя? Не забудемъ, что если и были тогда князья, то это были особы владѣтельныя и не епископу Ростовскому было затрогивать ихъ. „Мучилъ бояръ"... Да кто бы дозволилъ ему? Какимъ бы онъ ни былъ любимцемъ Богомоловскаго, все-таки послѣдній вряд-ли бы могъ отдать епископу на растерзаніе своихъ вѣрныхъ людей. „А ѥсть богатыръ, измучивъ, въ котлѣ варилъ. Хотъ бы колдунъ"... Къ счастію, древняя Русь ничего такого не знала. А тутъ — безвинныя, кстати богатыръ и знатныхъ. Удивительна довѣрчивость лѣтописца, а еще болѣе удивительна вѣра ему со стороны человѣка, которому, все-таки, свойственъ нѣсколько критическій тактъ, какъ увидимъ это впослѣдствіи. „Вѣдро или вѣнія грабилъ"... Опять преувеличеніе. Татищевъ говоритъ иначе и, какъ слѣдуетъ думать, гораздо справедливѣе. По словамъ его, если Ѳедоръ и грабилъ, то не ведро, а только области церковныя и монастырскія. Грабительство епископа будетъ еще объяснено. Да и было ли грабительство? Не было ли это денежными пенями или штрафами, налагаемыми епископомъ на церковныхъ людей за неповиновеніе, штрафами, которые для лицъ, враждебныхъ Ѳедору, казались грабительствомъ. Принимая во вниманіе то, что Никон. лѣтописецъ, а вслѣдъ за нею и нашъ авторъ, говорятъ объ этомъ тотчасъ же, послѣ разсказа о запрещеніи, мы невольно приходимъ къ мысли, что какъ послѣднее, такъ и первое было только одной и дальнѣйшей изъ тѣхъ мѣръ, какія предпринимались Ѳедоромъ для обузданія паствы. Итакъ, выходитъ ли, что Рост. епископъ „былъ вельми страшенъ и устрасенъ, рвеканъ, аки левъ, былъ великъ, аки дубъ, и дерзокъ и крестьвденъ, аки діаволъ"? Слова Никон. лѣтопи-

ся и нашего автора). Но если не такъ, почему же Богоявлевский выдалъ его? Не вѣря сказанію въ двухъ третяхъ, въ одной мѣ, все-таки, вѣримъ и не отвергаемъ того факта, что Ѳедоръ, своимъ неподчиненіемъ власти Митр. Киевскаго, произвелъ церковное раздѣленіе въ Суздальской землѣ. Могло ли это нравиться князю? Ѳедоръ былъ любимецъ его. Былъ, а теперь могъ не быть. Князя, въ лицѣ Ѳедора, постигло горькое разочарованіе въ его помѣхѣ за митрополіей. Это разочарованіе не могло, конечно, не отразиться и на отношеніяхъ его къ самому Ѳедору. Овладевшійся князь теперь долженъ былъ взглянуть на дѣло совершенно иначе, тѣмъ болѣе, что онъ былъ замѣчательнымъ политикомъ. Стремясь сосредоточить Русь подъ своею рукою, князь, конечно, не могъ не интересоваться миромъ церковнымъ и другой Митрополита; - это необходимо должно было входить въ его политическіе расчеты. Но попытка образовать свою митрополію ясно противорѣчила этому; хорошо еще, если бы она удалась. Теперь же, когда пришлось потерпѣть неудачу, нужно было загладить её. Что оставалось дѣлать? Оставалось подчинить Ѳедора Митрополиту. И вотъ князь совѣтуетъ своему епископу ѣхать въ Кіевъ на благословеніе; Ѳедоръ отказывается, а Митрополитъ не дремлетъ; Ростовская епархія раздѣляется. Что оставалось дѣлать? Заинтересованный миромъ Церкви, какъ христіанскій правитель, Всеволодъ и выдалъ Ѳедора уже насильно. Выдача Ѳедора, стало быть, тоже нисколько не говоритъ въ пользу того мнѣнія, будто бы онъ былъ сущій тать и разбойникъ. Онъ былъ подставнымъ миромъ, но вдавшимся за дѣло добровольно. Князя и его постигла неудача, отсюда, какъ тому, такъ и другому слѣдовало помириться съ дѣйствительностію. Князь склонился, а Ѳедоръ не хотѣлъ, за что и долженъ былъ пострадать. Обстоятельства сами собой и привели его къ это-

Ист. мат. 207 стр. 27.

му. Выданный, но не смирившийся, онъ пошелъ, какъ пошлютъ всѣ нарушители общественнаго спокойствія. Онъ былъ казненъ. По словамъ автора это дѣло сдѣлалось по суду и приказу Митрополита, повѣрить чему возможно опять не иначе ре, какъ съ большимъ трудомъ, мѣстъ Митроп. до такихъ размѣровъ едва ли могла простираться. Татищевъ, какъ кажется, говоритъ гораздо правильнѣе. По его словамъ, Ѳедоръ по суду Митрополита былъ только сосланъ въ заточеніе и затѣмъ уже, какъ не смирившійся и, кстати, надѣлавшій новыхъ потрясеній, онъ былъ казненъ, и то по суду свѣтской власти.[1] [2]

Мы кончили свою рѣчь и кто-бы и что-бы ни говорилъ въ пользу лѣтописца и нашего автора, во всякомъ случаѣ Ѳедоръ не будетъ татемъ и разбойникомъ. И самъ онъ пошелъ такъ пошелъ за стремленіе къ власти, да ремлю носитъ болѣе хлопотъ[2] и

1 Тат. Т. 168 стр.

2 Замѣчательное выраженіе Новг. лѣтоп.: „прика Богъ злаго врага Ѳедорца, бѣлаго клобучка."

за свою собственную неуступчивость. Послѣ Ѳедора и Никона нужно будетъ характеризовать также, потому что и Никонъ пошелъ и за то-же самое стремленіе къ власти и точно также за свою неуступчивость, съ тою только разницею, что Никонъ былъ Патріархомъ, а Ѳедоръ и епископства-то достигъ съ большимъ трудомъ, единственно благодаря поддержкѣ Богомольцевъ. Довольно. По крайней мѣрѣ въ нашихъ глазахъ рѣчь о Ѳедорѣ не будетъ составлять грязной страницы въ исторіи. А это, какъ думаю, достаточно для того, чтобы извинить нашу настоящую заботку за ея, можетъ быть, излишнюю длинноту. Впрочемъ не въ длинотѣ дѣло. Важно то, что, просматривая исторію преосвященнаго, мы дошли еще только до 1171 г., а между тѣмъ ошибокъ оказывается достаточно.

Къ несчастію не лишены ре и страницы послѣдующія. Напр, говоря о Митроп. Ѳедорѣ, мы не менѣе она хорошо обрисовываетъ суть дѣла и ясно говоритъ въ пользу нашу. Ист. Мих. Т. 254 стр. пр. 38.

Фотіе, преосв. считаетъ его ставленникомъ Констант. Патр. Матѳія, посвященнымъ въ 1410 году[1], тогда какъ Фотій былъ посвященъ еще въ 1393 году и не Матѳіемъ, а его предшественникомъ - Патр. Антоніемъ. Матѳій же только послѣдовалъ соизволенію Антонія и дѣйствительно отправилъ Фотія на Москву, когда время того потребовало[2]. Говоря о „просвѣтителѣ" - извѣстномъ сочиненіи Іосифа Волоцкаго, - преосв. называетъ ее книгой, написанной противъ Новгородскихъ еретиковъ - стригольниковъ"[3], между тѣмъ какъ новгородскіе еретики совершенно было иное и извѣстны вообще подъ именемъ „жидовствующихъ". Стригольниками же были еретики псковскіе, первыми представителями которыхъ являются дьяконъ Никита и Карпъ Простецъ, давшій имя стригольникамъ, отъ чего произошло и самое названіе ереси „стригольники". Просвѣтитель дѣйствительно написанъ противъ

1 Ист. Пл. 1 ч. 263 стр.
2 Ист. Филар. 2 ч. 6 стр. 2 прим.
3 Ист. Пл. 1 ч. 342 стр.

Новгородскихъ еретиковъ и, слѣдов., не противъ стригольниковъ, а противъ жидовствующихъ. Авторъ, очевидно, смѣшиваетъ ереси, какъ и въ томъ случаѣ, когда Курицына, Коноплева, Максимова, Рукавова, казненныхъ въ 1505 году по повелѣнію Іоанна III-го за ту-же жидовскую ересь называетъ стригольниками. Но общаго между ними было развѣ только то, что обѣ они одинаково отвергали Іерархію. При-томъ, „просвѣтитель" написанъ въ концѣ 15-го столѣтія, а остатки стригольниковъ были уничтожены еще при Митр. Фотіѣ, слѣдов. въ началѣ его[1]. На страницѣ 374-й (1 ч.) авторъ, слѣдуя какому-то лѣтописцу, напечатанному въ Синодальной типографіи въ 1784 году, утверждаетъ, что Соломонида - первая жена Василія III-го постригнута была въ монастырь съ ея согласія, по волѣ просвѣт. ея и по умаленію Митр. Даніила; хотя-же опять-таки вѣрится съ трудомъ. Приходится давать согласіе и умолять,

1 Ист. Пл. 1 ч. 362 стр.
2 Ист. Мак. 4 т. 159 стр.

когда имѣется въ виду насиліе. А оно было, такъ какъ князь, будучи будѣтенъ и приписывая вину ренѣ, еще ранѣе самаго развода вмѣстѣ съ нѣкоторыми изъ бояръ своихъ твердо положилъ отправить покаѣнно въ монастырь. А если не такъ, то къ чему всѣ тѣ споры и пререканія, какія происходили тогда при дворѣ великаго князя? Если разводъ былъ по желанію Василія ради его бездѣтства, то къ чему тогдашній дворъ раздѣлился на-двое: одни стояли за разводъ, другіе отрицали его, какъ напр. монахъ Вассіанъ — изъ рода князей Патрикеевыхъ, Василій Курбскій, да-одно съ которыми стоялъ и знаменитый Максимъ грекъ. Правда, участіе послѣдняго преосвящ. отрицаетъ — какъ это ясно видѣть на страницѣ 39-й (2 т.), гдѣ авторъ возражаетъ противъ извѣстнаго историка князя Щербатова за то, что послѣдній представилъ Максима не только противникомъ развода, но что будто-бы Максимъ за это самое и сосланъ былъ въ

заточеніе въ Тверской Отрочь монастырь. Дѣйствительно, причина ссылки, выставленная Вѣрнадскимъ, не вѣрна. Противленіе Максима, какъ думаетъ преосв. Филаретъ[1], было только случаемъ, когда усердствующіе опалы сего мужа могли излить на него гнѣвъ свой, не боясь препятствій. Но ошибается и преосв., когда, въ прорѣвовѣ Щербатову, утверждаетъ, что Максимъ сосланъ, будто-бы, за неправильное исправленіе богослужебныхъ книгъ[2]. Не изъ-за книгъ, а, единственно, изъ-за личной вражды къ нему Митр. Даніила, начавшейся съ отказа Максима исполнить желаніе Герарха перевести на русскій языкъ церковную исторію Евидорита[3]. Иракъ, князь Щербатовъ и авторъ нашъ одинаково погрѣшаютъ, когда рѣчь заходитъ о причинѣ ссылки Максима. Но оставимъ эту погрѣшность. Вѣрно то, былъ ли Максимъ противникомъ развода. Что онъ былъ, за это говорятъ нашъ и Курбскій и хронографъ, которымъ между прочимъ, пользовался извѣстный нашъ

1 Ист. Фил. 87. 111 стр.
2 Ист. Иер. 2 т. 38 стр.
3 Ист. Фил. 2 т. 102 стр.

историкъ Карамзинъ.[1] За что же, спрашивается, стояли Василий, Елинъ Курбскій и, главное, Максимъ Грекъ? Противъ чего возставали они? Очевидно, противъ неправильности развода. Этимъ же, положимъ, слышали о согласіи Соломіи, все-таки понимали, что согласіе было вынужденное. Иначе, къ чему было и вступаться въ дѣло? За правила церковныя? А это еще болѣе доказываетъ, что разводъ происходилъ по причинѣ давленія съ болѣе сильной стороны. Преосвященный указываетъ на разрѣшеніе со стороны Митрополита. Но какъ Митр. рѣшился поступить противу всѣхъ правилъ церковныхъ? Мало того, говоритъ Преосв. Макарій, что Даніилъ разрѣшилъ незаконный разводъ, не прошло и двухъ мѣсяцевъ послѣ того, какъ онъ, опять вопреки церк. правилъ, благословилъ Василія вступить въ новый бракъ. Бытъ не можетъ, заключаетъ Преосв., чтобы Даніилъ не понималъ вины своей. Разрѣшенія Преосв. ищетъ съ одной стороны въ патріотизмѣ Митрополита, съ другой — въ

1 Сказаніе о Іоаннѣ Грозн. Курб. 1 гл. Хрон. смут. Мих. 6 т. 116 стр. прим. 1-е. Кар. VII т. пр. 313.

болѣзни опалы государевой.[1] Первое можетъ быть вѣрно, а второе несомнѣнно. Если въ дѣло могло быть и иначе, не къ чему было и грѣхъ брать на душу. Но болѣзнь опалы — вотъ причина сущая. Итакъ, давленіе сверху было. Можно ли, послѣ этого, говорить о добровольномъ согласіи Соломіи? Авторъ слѣдуетъ здѣсь лѣтописцу, сохранившему продолженіемъ Нестора, гдѣ, между прочимъ, читаемъ: „въ лѣто 7034-е Елена велик. Княгиня Соломонида, видя неплодство изъ чрева своего, якоже и древняя она Сарра, начатъ молити Государя, Князя Василья Ивановича, да повелитъ ей облещися во иноческій образъ. Царь же.... нача глаголати сице: какъ могу бракъ разрушити, а вторымъ совокупитися? паче же Государь благочестивъ и совершенство заповѣдемъ Господнимъ и законному повелѣніе. Христолюбивая же великая Княгиня съ прилежаніемъ и со слезами начатъ молити Государя, да повелитъ ей сотворити такое, яковое хощетъ. Царь же.... не слышати сего не восхотѣ и пренебрежеръ отъ нея великой

1 Мих. лет. VII т. 174 стр.

отрѣвая съ любовь: Вашкая же Княгиня, видя непреклонна Государя... начать молити Митр. Даніила, да умолитъ о семъ Государя, дабы сотворилъ вашо ея вѣти: понеже Духъ святый вѣдѣ пленницу въ сердце ея и да возраститъ плодъ добродѣтели. Митрот. же маленія и слезъ ея не предръ, много моли о семъ Государя и собвемъ священнымъ сонмомъ, да повелитъ вашо ея вѣти. Царь же видя непреклонну вѣру ея и моленія отца своего Даніила Митр. не предръ и повелѣ совершити желаніе ея.[1] Ужакъ, если вѣрить лѣтоп. все дѣло было въ рукахъ Саломіи,-въ ея желаніи, а Царь и Митрот. были только исполнителями вашо ея. Чистая идиллія и преданнатость ея-очистить Государя и Митрот. очевидна. Положимъ, что Саломія была неплодна, яко Сарра, но Сарра не молила Авраама о разводѣ. Равненіе плодос. тутъ же еще и Духъ Святый, повинуясь которому усна дважды просить мужа о разводѣ, какъ буто Духу Св. неизвѣстно, что еже Богъ сочетавает, человѣкъ да не раз-

[1] Лѣт. слушащ. прод. Нес. 383 стр. о постриженіи вел. кн. Соломониды. Ист. Соловьева 5 т. 395 стр.

лучает, развѣ только въ случаѣ прелюбодѣйства одного изъ супруговъ. Жена просить мужа, мужъ не хочетъ и слышать, паче же благочестивъ исполнитель заповѣдей Господнихъ-она къ Митрополиту,-Митр. соглашается. Что же, послѣ этого, Митрополитъ? Мужъ, понимая законъ, не соглашается; Митрот.-представитель закона идетъ противъ него. Очевидно, къ имени Митрот. нужно прибавить: паче же не благочестивъ и не исполнитель заповѣдей Господнихъ. Спрашивается: могъ ли и слѣдовало ли Митрополиту выставлять себя чистымъ противозаконникомъ? Да хоть бы мужъ былъ согласенъ! а то вѣрадатаевъ за рену отрѣвает со любовь. Удивительное самопожертвованіе! Зная суть дѣла, зная незаконность его, зная расположеніе Государя и свои собственныя обязанности, онъ, все-таки, не боится ни Бога, ни Царя и рвется, да еще со всѣмъ священнымъ сонмомъ, умолять Государя... къ чему? Поступить противозаконно. Если

и есть тутъ самопожертвованіе, то, во всякомъ случаѣ, не къ выгодѣ Митрополита и въ силу его врядъ ли можно повѣрить тому, что разсказываетъ лѣтописецъ. Итакъ, сомнительная картина представляется послѣднимъ, сомнительны и слова Преосв. Платона. Не разъ сомнительными оказываются они и впослѣдствіи, но далѣе мы не пойдемъ. Стоитъ видѣть, насколько справедлива передача фактовъ, представляемая исторіей, достаточно и того, что скажемъ — Варны ошибки, допущенныя авторомъ, въ его личныхъ сужденіяхъ, въ его объясненіяхъ фактовъ. Такъ, въ первой главѣ (4 стр.), гдѣ рѣчь касается, между прочимъ, языческихъ боговъ, Перунъ — главный богъ славяно-руссовъ представляется однозначущимъ съ греческимъ Зевсомъ и римскимъ Юпитеромъ. Зевсъ и Юпитеръ, говоритъ авторъ, изображались были съ поражающею стрѣлою громовою, такъ бы изображался и Перунъ. Да и слово „Перунъ" по словенски означаетъ поражающаго, поражающаго. Но и вообще имя „богъ" по всей вѣроятности, происходитъ отъ слова „бой", а бой — отъ „бію", поражаю. Справедливо, что Перунъ былъ главнымъ богомъ славяно-россовъ, справедливо и то, что онъ былъ богъ молніи и грома, почему и сравненіе его съ Юпитеромъ и Зевсомъ вѣроятно. Но основанія, высказанныя авторомъ, страдаютъ несостоятельностію. Что Перунъ былъ изображаемъ съ поражающею стрѣлою громовою, объ этомъ ни Несторъ, ни Никоновская лѣтопись не говорятъ ничего. Упомянутая объ идолѣ Перуна, поставленномъ Владиміромъ въ Кіевѣ, на холмѣ внѣ двора теремнаго, надъ Бурчевымъ потокомъ, они одинаково изображаютъ его, говоря, что станъ его былъ деревянный, глава серебряная, усъ златъ, а объ изображеніи молніи при-этомъ мы не находимъ ни слова.[1] Авторъ, какъ видно, послѣдовалъ князю Щербатову, который, въ свою очередь, руководствовался изложеніемъ изъ синопсиса, но обошелся съ нимъ нѣсколько вольно. Синопсисъ, слѣдуя одному изъ польскихъ историковъ — нѣкоему Сріховскому, говоря объ идолѣ Перуна, къ словамъ

1. Ник. лѣт. 1. 65 стр. Лавр. лѣт. стр. р. лѣт. 1. 54 стр.

лѣтописей прибавляетъ еще, что онъ у него были пельгрима, а въ рукахъ камень на подобіе перуна пылающа, рубинами и карбункулемъ украшенъ.[1] Этимъ добавленіемъ, какъ видно, и воспользовался князь Щербатовъ, но истолковалъ его по-своему. Камень Синопсиса, на подобіе пылающа перуна, превратился у него въ подобіе пылающей молніи.[2] Но въ эта пылающая молнія, какъ видно, и дала нашему автору основаніе сказать, что Перунъ изображаемъ былъ съ молніею. Напрасно не съ огненнымъ пукомъ изъ, какъ Зевсъ или Юпитеръ. Только, пользуясь такимъ основаніемъ, автору слѣдовало бы спросить Щербатова вмѣстѣ съ синопсисомъ и первоисточникомъ его — Стрійковскимъ, откуда брали они такое извѣстіе. Они, просто, выдумали его. Щербатовъ заимствовалъ у Синопсиса, а этотъ у Стрійковскаго. А польскіе историки, какъ замѣтилъ еще Болтинъ въ своихъ замѣчаніяхъ на исторію Щербатова, касаясь древне-русскихъ событій, хотя бы и не желали, но необходимо вынуждены были обращаться къ нашимъ лѣтописямъ, — такъ какъ всѣ они — историки подчинившіе, что дѣйствительно и было съ первымъ же польскимъ лѣтописцемъ Винцентіемъ Кадлубекомъ. Этого, продолжаетъ Болтинъ, не таятъ и сами польскіе писатели. Сами такъ, если польскіе историки, даже первоначальные, не могли обойтись безъ нашихъ лѣтописей и всѣ древнія событія вынуждены были почерпать изъ Нестора, то чѣмъ могли пользоваться Стрійковскій, а за нимъ сочинитель синопсиса, жившіе уже въ болѣе поздніе времена, слѣдовательно какія особенности и какія новости могли представить они, сравнительно съ нашимъ Несторомъ. А добавка, сдѣланная Стрійковскимъ и синопсисомъ, къ словамъ лѣтописи, о которыхъ идетъ наша рѣчь, есть именно новость. Отсюда ясно, какъ слѣдуетъ относиться къ ней. Самъ Болтинъ такія сказанія о происшествіяхъ временъ древнихъ Стрійковскаго и послѣдователя его-сочинителя синопсиса, когда они не согласны были съ прибавкою противу Нестора или

1. Син. 1774 г. 44 стр.
2. Щерб. 1 т. 244 стр.

описаны, считаетъ вовсе не заслуживающими
какого бы-то ни было вѣроятія. А такъ какъ
такихъ лживыхъ сказаній онъ находитъ
въ сочиненіяхъ ихъ не мало, поэтому, особен-
но сочинителя синопсиса, онъ прямо назы-
ваетъ невѣждой, а книгу его краткой выписки
изъ польскихъ писателей, а болѣе изъ Стрій-
ковскаго, въ которую всѣ ихъ басни лжи, по-
грѣшности и заблужденія исправно внесены.
Конечно, къ числу признаковъ невѣжества
Стрійковскаго, а за нимъ и сочинителя си-
нопсиса и мы должны отнести то добавле-
ніе, о которомъ идетъ наша рѣчь. Источник,
слѣд, плоди, основаніе сомнительно; отсюда
сомнительною должна казаться какъ вноска
Щербатова, такъ равно и слова нашего автора
— Слово „перунъ", говоритъ преосв, на славян-
скомъ языкѣ означаетъ попирающаго, пораж-
ающаго. Это, можетъ быть, и справедливо. Но
производить слово „богъ" отъ слова „бои", отъ
слова „бію", поражаю, — это не только нелѣпо

1 Кирѣев. примѣч. Бобрина на 1-е т. изд. Щербатова.
2 180 стр.
3 Вѣд. примѣч. Съ этимъ мнѣніемъ Бобрина согласен и Шлёцеръ, назвавъ синопсисъ несносвымъ. Schlöz. Не-

назвать вѣроятнымъ, а даже и сомнительнымъ.
Преосв. такое словопроизводство утверждаетъ
на томъ основаніи, что понятіе сіе свойствен-
но почти всѣмъ народамъ. „Всѣ они, говоритъ
онъ, представляютъ бога, яко всесильнаго, яко
могущаго страшными казнями и сотрясе-
ніями карать людей и всѣ твари". Убѣди-
тельно у всѣхъ народовъ въ ихъ древнихъ
религіозныхъ понятіяхъ мы находимъ мысль
о божествѣ, какъ о всесильномъ и карающемъ
существѣ. Но дабы не игнорировать и тѣ
смѣшныя представленія о божествѣ, которыя
также присущи всѣмъ религіямъ? При томъ,
не всѣ ли религіи развились изъ одной перво-
начальной, истинной — истиннаго богопозна-
нія, сообщеннаго первобытному человѣку са-
мимъ познавшимъ? И не всѣ ли языки на-
родовъ вышли опять изъ одного языка-язы-
ка первоначальнаго, современнаго религіи истин-
наго богопознанія. А истинное богопозна-
ніе, какъ истинное, конечно, не могло разви-
ваться въ одномъ только представленіи о

Горѣ — Вѣд. V-е изд. Ф. р. м.

божествѣ, какъ о чемъ-то карающемъ: оно единаково должно было видѣлать и его милость и любовь его въ твари и въ особенности въ человѣку. Теперь, и самый языкъ, что долженъ былъ выражать на первыхъ порахъ? Какъ въ немъ должно было выразиться понятіе о божествѣ? Неужели только въ словахъ, напоминающихъ власть и смерть? Не лучше ли искать въ словахъ, выражающихъ положительно, или отрицательно самое существо Божіе? Въ откровеніи Моисею Богъ опредѣляетъ себя понятіемъ „сущій." А какъ могъ опредѣлить его человѣкъ? Не понятіемъ ли объ его невидимости и непостижимости? Если такъ, если первобытный человѣкъ не иначе опредѣлялъ Бога, какъ нѣчто невидимое, непостижимое, то не эти ли опредѣленія должны были лечь и въ основу послѣдующихъ общихъ понятій о божествѣ со стороны человѣка. Взглянемъ на дѣло съ этой точки зрѣнія и мы объяснимъ, отъ чего происходитъ латинское „Deus", Греческое „Θεός" и наше русское „Богъ". Самой выразительной [illegible] непостыдной касательно Латинскаго „Deus" представляется въ настоящее время то, что это слово заимствовано латинянами отъ древне-греческой формы нынѣшняго слова „Ζεύς", которая нѣкогда писалось и произносилось „Δεύς", какое выраженіе въ языкѣ Латинянъ перешло въ „Deus". Корень, стало быть, одинъ. Откуда взятъ и что напоминаетъ онъ? Греки и Римляне-индоевропейцы, слѣд. и корень даннаго слова нужно искать въ древнемъ языкѣ санкритскомъ. Въ немъ дѣйствительно находимъ нѣчто сродное „div", какое слово въ своемъ ~~употребленіи~~ измѣненіи выражаетъ именно невидимое, непостижимое, какъ и наши русскія слова, происходящія отъ него, „дивный", „диво", отсюда „дивиться", „удивленіе". Что санкритское div есть первоначальный корень „Δεύς", „deus", доказываетъ и латинское „divinus", какое слово вмѣстѣ имѣетъ образъ употребляется для выраженія природы божественной, почему

и мы русскіе переводимъ его понятіемъ, божественный. "Итакъ, лат. deus" и греч. „Δεύς, Ζεύς" происходятъ отъ какого-то древняго слова, выражающаго понятіе невидимости, непостижимости существа божія.

Отъ чего происходитъ греч. θεός? По Бругману, корень его скрывается въ глаголѣ τίθημι-полагаю[1], по Платону - отъ „θέω" бѣгу, другіе же производятъ отъ „Ζεύς" или древняго „Δεύς" или „Θεύς". Мы не будемъ говорить, которое изъ сихъ производствъ болѣе правильно. Для насъ достаточно, что въ этихъ случаяхъ слово „θεός" будетъ отъ корня, выражающаго не образъ или существъ, не бѣгунъ какой, но опять же, въ двухъ послѣднихъ, неуловимость, непостижимость божества, а въ первомъ - сущность божества, какъ основу всего сущаго, какъ сущность, давящую всему бытіе.

Не соотвѣтствующимъ ли словопроизводствомъ, если не всѣмъ тремъ указаннымъ объясненіямъ, то, по крайней мѣрѣ, среднему

1 прим. ἐπὶ κόσμου θέτες τὰ πάντα πράγματα καὶ πάσας τοῦδε τοῦ παντός.

2. „Von den gestirnen die zuerst als Götter verehrt wurden... Handwörterbuch der Griechischen Sprache von Pape. 1 Band 1011.

дорно быть объяснено и наше слово „богъ"? Не отъ одного ли корня съ русскимъ глаголомъ „бѣгать", въ гр. отъ „θέω" послѣ чего оно будетъ означать сущность непрерывно двигающуюся, неуловимую, сущность опять же непостижимую. Какъ спросятъ: на чемъ можно обосновать такую гипотезу?

Дѣло въ томъ, что въ составъ нашего русскаго глагола „бѣгать" несомнѣнно входитъ индійское „га", что значитъ хожденіе; несомнѣнно и то, что это индійское га входитъ въ одно изъ наименованій одного изъ нашихъ древнихъ языческихъ боговъ - Сварога (индійск. - сварга), какое наименованіе сложено изъ двухъ частей: сварнебо - свѣтъ и изъ окончанія „га", почему „Сварога" и означаетъ идущаго по небу[1]. Составляя одну изъ частей наименованія „Сварогъ", индійское га несомнѣнно входитъ въ составъ и подобозначающаго „Даръ-богъ", что означаетъ солнце. Такимъ образомъ, на языкѣ же прямо выступаетъ слово „богъ" и производится не отъ чего иного, какъ отъ

1. Изъ. Сл. Ѣ. м. прилож. 74.

индійскаго га, ходовъ, отъ одного корня съ глаголомъ бѣгать, что означаетъ хожденіе, какъ и въ понятіи „сварга" и само по себѣ въ соединеніи съ „дажь" означаетъ радѣнцало по небу, именно-солнце. Сам же слово богъ, хотя и въ соединеніи съ „дажь" происходитъ отъ индійскаго га, слѣдъ, отъ одного корня съ глаголомъ бѣгать, то несомнѣнно одинаковое словопроизводство имѣетъ и наше русское богъ и означаетъ сущность непрерывно двигающуюся и, въ силу этого, неуловимую и непостижимую. Но что могло заставить человѣка, для выраженія непостижимой сущности божества заимствовать слово отъ слова, выраженнаго обыкновенное физическое движеніе-бѣгъ, движеніе? Объясненіе этому мы найдемъ въ религіяхъ древнихъ насельниковъ иранскаго плоскогорья. Богъ представлялся ими не иначе, какъ подъ образомъ солнца, которое, какъ извѣстно каждому, постоянно двигается съ востока на западъ. Поклонникъ солнца видѣлъ это движеніе,

но, въ то же время, никакъ не могъ объяснить себѣ какимъ образомъ совершается оно. Утромъ солнце на востокѣ, вечеромъ на западѣ слѣдующимъ утромъ опять на востокѣ. Далѣ, откуда является солнце и куда удаляется оно,- опять же поклоннику его было неизвѣстно. Этотъ непонятный, таинственный бѣгъ-вездѣ тѣмъ всегда опредѣленный и точный, загадочный бѣгъ и могъ дать основаніе назвать высшую силу тѣмъ же понятіемъ, какимъ выражался этотъ таинственный бѣгъ солнца, который вмѣстѣ даетъ времена и лѣта, дни и ночь, и при которомъ солнце все согрѣваетъ и все роститъ. Отсюда у Грековъ, которые также были нѣкогда обитателями иранскаго плоскогорья, „θεός" отъ „θέω" бѣгу. Эта же мысль могла дать основаніе и нашимъ древнимъ предкамъ-первославянамъ назвать высшую силу „богъ" словомъ отъ одного корня съ словомъ, выражающимъ этотъ таинственный бѣгъ солнца, такъ какъ они точно также были насельниками иранскаго пло-

скогарья и такие, давшіе ясновидящія понятія о божествѣ, должны были представлять его подъ чувственными образами, въ коихъ самый подходящій давало солнце. Что это было такъ, указанія можно видѣть въ почитаніи или Дажь-бога, какое почитаніе было или не почитаніемъ солнца.

Итакъ, не отъ слова „бой" или „бію", „поражало" происходитъ наше русское „бо" но отъ индійскаго ga, что означаетъ движеніе, иначе — отъ одного корня съ глаголомъ „бѣлатъ" и означаетъ сущность, находящуюся въ вѣчномъ движеніи, сущность неуловимую, непостижимую. Не вѣрно и то, стало быть, когда думаетъ Прим. будто бы во всѣхъ почти религіяхъ слово бо, по своему словопроизводству выражаетъ понятіе о существѣ всесильномъ и могущемъ страшными карами, существѣ — хранителѣ всѣхъ людей и всей твари.

Ошибался на этотъ разъ, кроме. ошибочно судитъ и въ томъ случаѣ, когда, начавъ рѣчь о крещеніи Владиміра, онъ объясняетъ

этотъ фактъ особенною набожностію князя, которая, будто бы, была присуща ему еще въ язычествѣ. Авторъ усматриваетъ ее прежде всего въ построеніи княземъ идола Перуна въ Кіевѣ съ особливымъ украшеніемъ и другого идола въ Новгородѣ, затѣмъ — въ частыхъ жертвоприношеніяхъ въ честь боговъ и, особенно, въ томъ, что Владиміръ однажды, по совѣту старѣйшинъ, не усумнился принесть въ жертву даже человѣка. Такая набожность, по словамъ автора, хотя и развращалася и ослѣпленная, и была причиной, произведшей великій переворотъ, какъ въ судьбѣ князя, такъ и его народа. Какимъ образомъ? Конечно, разсуждаетъ авторъ, развѣ народы, услѣдавъ о таковой набожности Владиміра, старались, давъ каждому изъ нихъ увѣдь князя въ свою вѣру и вотъ, являются магометанскіе попы, жидовскіе, является и попъ отъ папы и, наконецъ, отъ грековъ. Послѣдній въ длинной рѣчи убѣждаетъ Владиміра въ превосходствѣ византійскаго хри-

стіанства и, чтобы сильнѣе подѣйствовать, развертываетъ предъ нимъ картину страшнаго суда. Слова тотчасъ же производятъ соотвѣтствующее впечатлѣніе и искра любви къ христ. западаетъ въ сердце Владиміра. А остальное понятно. Итакъ, все дѣло въ княжеской набожности. Конраръ, авторъ могъ такъ думать, только возраженій не допускаетъ ему. Что идолы были поставлены Владиміромъ несомнѣнно, но видѣть тутъ особенную набожность никакихъ основаній не имѣется, — идолы ставились и прежде и существовали какъ въ Кіевѣ, такъ и въ Новгородѣ и въ Кіевѣ на томъ же самомъ холмѣ, какъ и впослѣдствіи. Мало быть, поставленіе новыхъ кумировъ при Владиміръ было или только гражданскимъ актомъ, обусловливаемымъ отъ времени статуи и, что вѣроятнѣе, было просто выполненіемъ обычая въ началѣ каждаго княженія поставлять въ главныхъ городахъ по новому кумиру. Понимать дѣло иначе значило бы отказать ему въ смыслѣ. Авторъ въ доказательство сдѣлается на жертвы, приносимыя князьямъ. Да и какой же язычникъ не приноситъ ихъ? Онъ принесъ въ жертву человѣка?!.. Но если годъ, такъ именно здѣсь натяжка, которая, кстати, выдаетъ самое себя. Доказывается набожность Владиміра, а, когда рѣчь идетъ въ этой жертвѣ, говорится, что Влад. вовсе не самъ задумалъ ее, а по совѣту старцевъ. Инициатива, слѣд., не принадлежала ему. Гдѣ же была его особенная набожность? Простой молодъ и тотъ превзошелъ его. Доказательство, стало быть, плохо. Притомъ, какъ согласить эту чисто языческую набожность съ тѣми стенами благочестія, которыя вложила во Владиміра еще въ дѣтствѣ мудрая бабка его баловѣрная княгиня Ольга, о какихъ стенахъ говоритъ и самъ авторъ на 20 стр. Ясно, что гипотеза, представленная авторомъ для объясненія факта, рушится сама собой. И какъ повѣрить ей? Послѣ этого кто можетъ поручиться, что самые набожные суть вмѣстѣ и самые твердые хранители разъ унаслѣдован-

1. Мир. Мин. нар. пр. 1878. Мартъ. Мир.

нымъ религіознымъ воззрѣніямъ. Не придется ли смотрѣть на нихъ, какъ на людей, которые всею силою способны привить своей религіи и сдѣлаться ренегатами? Нѣтъ, не въ особенной языческой набожности князя, которой и не было, а именно въ томъ, что онъ былъ воспитанникомъ Ольги и еще въ дѣтствѣ, какъ выражается Несторъ, получилъ обмена христ. нужно искать ту пріиму, которая могла бы объяснить намъ фактъ принятія имъ христіанства.

На 54-55 стр. авторъ говоритъ о содержаніи митрополитовъ и епископовъ. Это содержаніе, по словамъ его, происходило отъ той десятины, которая была учреждена св. Владиміромъ. Но какъ таковая десятина чрезвычайно велика была къ содержанію ихъ, да и для народа была въ дѣло отягощительна и не миновалось то роптанія, поэтому авторъ приходитъ къ тѣмъ мнѣніямъ, что въ дѣйствительности таковое установленіе послѣ Владиміра исполняемо не было, а вмѣсто того

даны были митрополитамъ и епископамъ довольныя земли, рыбныя ловли, села и деревни. Мысль, нужно замѣтить, по отношенію къ автору, не новая: она высказана была еще въ прошломъ столѣтіи извѣстнымъ нашимъ историкомъ Татищевымъ[1]. Впрочемъ, какъ тотъ, такъ и другой ошибаются грѣхъ одинаково. Правда то, что съ теченіемъ времени десятина была уничтожена и замѣнена надѣломъ въ недвижимой собственности. Попытки замѣнить ее сначала денежными окладами, затѣмъ земельною собственностію являются еще въ XIII в., какъ это видно изъ грамотъ Новгородскихъ князей Всеволода и Святослава и Смоленскаго Ростислава. Первый изъ нихъ, создавъ на собственное иждивеніе каменную церковь въ Новгородѣ во имя св. Іоанна Предтечи и предназначивъ ей двѣ соборныя княжескія, заботѣлъ обезпечить за ней и самое содержаніе; но уже не прибѣгаетъ къ десятинѣ, да не изъ своихъ собственныхъ доходовъ, и опредѣляетъ только вѣсчія, пошлины и по-

[1] Тат. 2. т. 414 стр. пр. 201.

шлины за право торговли при церкви. А Святославъ идетъ еще далѣе. То, что сдѣлано было касательно одной церкви, онъ дѣлаетъ общимъ правиломъ и для всего Новгорода, издавъ въ 1137 г. свою собственную грамоту, которая начинается слѣдующими словами: „уставъ, бывшій прежде насъ въ Руси отъ прадѣдъ и отъ дѣдъ нашихъ: имати пискупамъ десятину отъ даний и отъ виръ и продажъ, что вводитъ въ княжъ дворъ всего... А гдѣ въ Новѣгородѣ, что есть десятина отъ даний, обрѣтоша грамоты прежде мене бывшии князи, толико отъ виръ и продажъ десятины дѣрвѣ, а толико даний въ руцѣ князии въ клѣтѣ его." Сказавъ, что было прежде, Святославъ продолжаетъ, что самъ онъ, для большей убѣдительности и для епископа и для себя, рѣшился заливить десятину опредѣленнымъ количествомъ владычнихъ деньгами и другими вещами.[1] Десятина, такъ образомъ, уничтожена было во всего Новгорода. — По примѣру послѣдняго поступилъ и смоленскій князь Ростиславъ (примѣч. въ ½ XII ст.). Онъ точно такъ уничтожа-

[1] Ист. Мак. 2 т. 221-225 стр.

етъ десятину и заливаетъ ея денежнымъ окладомъ къ чему присоединяетъ еще и пашенную. Но что же значитъ все это? Значитъ ли, что десятина по смерти Владиміра хотя на бумагѣ продолжала существовать, но на дѣлѣ не исполнялась? Очевидно нѣтъ. Къ чему же грамоты Святослава и Ростислава даютъ повторъ и то, что до нихъ времени уставъ Владиміра о десятинѣ продолжалъ еще быть въ ихъ княжествахъ во всей силѣ. Иначе къ чему и самыя грамоты? Не видимъ и того, чтобы десятина, прекратившаяся въ Новгородѣ въ 1137 г. и въ Смоленскѣ въ 1151 г. не продолжала существовать въ другихъ городахъ. Во Владимірѣ на Клязьмѣ во времена Боголюбскаго она также исправно выплачивалась, какъ и при св. Влад. въ Кіевѣ,[2] на что указывается и собственная заливка автора по поводу построенія Андреемъ церкви Богородицы, — заливка, что князь мало того, что построилъ и украсилъ церковь, но и надѣлилъ ее, по примѣру св. Влад., десятиной, въ городѣ — десятой недѣлей, то-же со всякаго хлѣба

[1] Ист. Ник. 1 т. 123 стр. пр. 333.
[2] Ibidem 1 отд. 123 стр. пр. 334.

и скота десятиной (стр. 93). А время Андрея — 5 1/4 М. Существуя въ концѣ М., десятина существовала и въ 1-м 1/2 XIII-м. Иначе митрополитъ Кириллъ не писалъ бы, что князья россіи выполняли уставъ Владиміра о десятинѣ, даривали болѣе: къ тому и много прилоружили... и волости дали со всѣми прибытки.[2]

Въ 1238 году Русь постигло страшное бѣдствіе — нашествіе татаръ, которые разрушили всю тогдашнюю Русь съ ея городами. Народъ обѣднѣлъ. Потерявшему имущество, едва сохранившему умъ и весь избытокъ отдавшему пришельцамъ народу нечего было давать духовенству. Что-жъ оставалось потерпѣвшему, какъ не обратиться къ землѣ и даромъ ея? Нашествіе Монголовъ — вотъ, стало быть, тотъ предѣлъ, когда десятина сдѣлалась только достояніемъ исторіи. Ясно, что авторъ нашъ ошибается, какъ ошибается и Татищевъ. Не карялъ суждения его, высказаннаго на 61 стр. о нравственномъ

1

2. Ист. Фил. 1-е пр. 122 стр. Ист. опис. муз. 245.

состояніи нашего русскаго монашества за первое его время и за времена послѣдующія: будто-бы въ первое время это состояніе было гораздо выше, чѣмъ въ послѣдующее, такъ какъ и противъ этого суждения можно сказать многое и многое, если припомнимъ, что монастыри за это время основывались по-преимуществу князьями и людьми богатыми, а не послѣдними слугами, какъ монастырь Кіевопечерскій, въ силу чего содержаніе ихъ не могло быть бѣдно; если припомнимъ, что и тогда рядомъ съ монастырями мужскими стояли монастыри женскіе, какъ, напр., въ Полоцкѣ, и, что главное, если примемъ во вниманіе тѣ монастыри, которые существовали при церквахъ сельскихъ, монаши коихъ были на погостахъ въ наручитыхъ келяхъ, отрекшись отъ міра, но въ міру, вмѣстѣ съ церковными причтами не пропускали ни одного сельскаго пира, — мы прямо перенесемся къ страницѣ 155-й, гдѣ рѣчь идетъ о митропо-

литъ Петръ. Разсуждая о причинахъ, почему этотъ Святитель, какъ и предшественникъ его Максимъ, не отдаля на житье въ Кіевъ, на древнемъ сталъ Святительскомъ, а перенесъ Митрополію на Москву, авторъ видитъ тутъ, съ одной стороны, въ томъ, что Кіевская область представляла тогда крайнее разорение и бѣдность, съ другой - въ угнетеніи, какъ въ Кіевѣ, такъ и въ Литовскомъ благочестіе держащихъ странахъ, насильнаго гнетительнаго папскаго бича. Первая причина, конечно, справедлива, но что касается второй, согласиться трудно и, прежде всего, потому, что самъ же авторъ немного позднѣе, на стр. 162, утверждаетъ, что если унія, въ тѣ тяжелыя времена, и начала утверждаться въ юго-западной Руси, благодаря проискрутству и интригѣ латинскаго духовенства, то, главнымъ образомъ, потому, что Митрополиты оставили Кіевъ. Да и вообще, можно ли говорить за это время о какой бы-то ни-было уніи

порождаемой, какъ чувствуется, получила свое бытіе и начала фигурировать только со времени Брестскаго собора, бывшаго въ 1594 году, о какомъ соборѣ упоминаетъ и самъ авторъ на 108 стр. 2й части труда своего.

Трудно повѣрить преосвященному и въ томъ случаѣ, когда, говоря о столѣтіи (2 т. 34 стр.) онъ видитъ въ немъ положенія, фигурально обсуждавшіяся на соборѣ, но не утвержденныя этимъ послѣднимъ, и тогда, когда заведши рѣчь объ учрежденіи у насъ патріаршества, всю инициативу дѣла приписываетъ Константинопольскому Патр. Іереміи, пріѣзжавшему тогда на Москву за сборомъ милостыни въ помощь „великой церкви" - и самому Царю Ѳеодору Іоанновичу, который, какъ чувствуется, отличался достаточно-таки долею скудоумія и, какъ такой, конечно, былъ плохой инициаторъ[1]. При-томъ, если уже приписывать инициативу патріарху, то вовсе не Константинопольскому Іереміи, а Антіохійскому Іоакиму, пріѣзжавшему въ Мос-

1) 2 т. 99 стр.

ву въ 1586 году въ тою же цѣлію, какъ и Іеремія, и это потому, что послѣдній прибылъ въ Москву уже съ соборнымъ опредѣленіемъ объ открытіи у насъ патріаршества, а самое дѣло, въ дѣйствительности, велено было чрезъ посредство Іоакима.

Наконецъ, трудно согласиться съ авторомъ и въ томъ случаѣ, когда онъ говоритъ объ убіеніи Димитрія, совершившемся въ Угличѣ въ 1591 году, и, вслѣдъ за Щербатовымъ, прямо объявляетъ его виновникъ Бориса Годунова,- мысль сама по себѣ, можетъ быть, и справедлива, но, выраженная въ такой полемической формѣ, она болѣе, чѣмъ голословна, потому что все это дѣло есть дѣло темное и даже въ настоящее время сказать о немъ что либо утвердительное не возможно; кромѣ того, что самый фактъ дѣйствительно вѣренъ. Вообще, автору, на этотъ разъ, не слѣдовало спѣшить за полемическостію въ выводахъ, какъ и въ томъ случаѣ, когда онъ его карималъ Мир-

1) Ист. пр. Фил. 4 пер. 6-7 стр.

Мирошла и выдавала его за лицо историческое, современное крестителю Руси - св. Владиміру. Но здѣсь ошибка еще только въ послѣдствіяхъ, а мы видѣли, что въ исторіи преосвященнаго есть и болѣе серьезное. Что же остается сказать намъ? Ясно, что назвая исторію преосв. лѣтописцемъ, кстати - цѣлою и односторонне, мы должны избѣгать ее и недостаточно достовѣрною. Въ выводахъ (или авторъ) плохъ. Къ несчастію современная критика такъ только и можетъ смотрѣть на нее, если не хочетъ пренебречь своимъ требованіемъ, выполненіе коихъ самъ уже она поставляетъ не только желательнымъ, но и обязательнымъ для каждаго историка.

Но чѣмъ, спрашивается, объяснить то впечатлѣніе, какое произвелъ трудъ преосвященнаго въ свое время и тѣ лестные отзывы, которые, хотя и не въ большомъ количествѣ, тѣмъ не менѣе не прекращаются появляться и въ литературѣ послѣдующей. Основаніе дѣйствительно есть,

только найти его можно разве по сравне-
нію исторіи Преосв. съ тѣмъ, что было сдѣ-
лано до нея и что послѣ нея. Разсматрива-
емая съ этой стороны, она, не-сомнѣнно,
должна явиться въ иномъ свѣтѣ, въ силу
чего и самое сужденіе о ней приметъ иной
видъ, если не со стороны своего содержанія,
то со стороны тона его. И въ этомъ по-
слѣднемъ смыслѣ уступка, дѣйствитель-
но, можетъ быть сдѣлана. Сравнимъ исто-
рію Преосвящ. съ произведеніемъ, которое
уже не разъ утоваливось нами, — съ исто-
ріей преосвящ. Филарета, начавшей обно-
виться въ свѣтъ въ сороковомъ годахъ
слѣдов. гораздо позднѣе. Она, нѣтъ сомнѣ-
нія, совершеннѣе исторіи преосв. Плато-
на: ея изложеніе правильнѣе, правильнѣе
и ея дѣленіе; самое содержаніе ея обнимъ-
и большего обстоятельнѣе и большею до-
стовѣрностію; все-таки совершенство
ея далеко отстоитъ отъ того, чтобы
стать истиннымъ совершенствомъ,

какъ по отношенію къ требованіямъ совре-
менной критики, такъ и по отношенію къ
исторіи преосв. Платона. Она лучше, но не
несравненно, особенно если имѣть въ виду нѣ-
которыя темныя стороны, въ которыхъ
такие нельзя отказать исторіи преосв.
Филарета, какъ и исторіи преосв. Плато-
на. Даже болѣе: въ нихъ есть нѣчто общее.
Наприм. факты изъ временъ первоначаль-
наго возникновенія у насъ христіанст-
ва разъясняются преосв. Филаретомъ
такъ, какъ и въ разсматриваемой на-
ми исторіи. А если преосв. и отвергаетъ
фактъ крещенія нашей Руси Апост.
Андреемъ, отвергаетъ его и преосв. Пла-
тонъ, по крайней мѣрѣ въ такомъ видѣ, въ
какомъ передается онъ лѣтописцемъ. Не-
сторъ пишетъ, говоритъ онъ, что св. апо-
столъ Андрей приплылъ чрезъ Евксинское
море и Днѣпръ въ Кіевъ и тамъ на
горахъ поставилъ крестъ, прорекши, что
тамъ имѣетъ быть христіанство; поста-

твлъ же Днѣпромъ доплевъ того лѣта,
гдѣ нынѣ Новгородъ, и удивился тамъ ба-
нямъ, въ коихъ люди моются, и бьютъ себя
вѣтвями почти до изнеможенія, и послѣ обли-
шись студеною водою оживаютъ, и такимъ
образомъ каждый день мучатъ себя добро-
вольно. И оттуду пришедши въ Римъ, о
семъ обычаѣ разсказывалъ и привелъ Рим-
лянъ во удивленіе.

Сія повѣсть, продолжаетъ преосв., требу-
етъ особеннаго изслѣдованія: 1, было ли въ
Апостольскія времена обыкновеніе ста-
вить кресты на открытыхъ мѣстахъ
или гдѣ нибудь? 2, Дабы св. Андрею удивлять-
ся мытво въ банѣхъ, и сіе почитать до-
бровольнымъ мученіемъ, и аки бы твори-
мымъ каждый день, да и о семъ въ Римѣ
скаредать, яко о вещи удивительной, мо-
жетъ ли согласно быть съ вѣрностью
и съ богодухновеннымъ Апостоловъ про-
свѣщеніемъ? 3, Откуду сію повѣсть Несторъ
вралъ, о семъ никакого писанія древня-

го не привелъ? 4, Въ Греческихъ лѣтописцѣ
мы не обрѣли, чтобъ о семъ, то есть, о про-
повѣди Андреевой въ Россіи было поминаемо.
Повѣствуютъ они, яко-то, Евсевій и Спиридо-
ній и Дороѳей изъ древнихъ писателей,
что св. Андрей, кромѣ другихъ народовъ,
обитающихъ въ Азіи и въ Греціи, проповѣ-
дывалъ Скиѳамъ. Но какіе именно были
сіи Скиѳы, и въ коихъ мѣстахъ, сіе требу-
етъ особливаго испытанія.

Будетъ четыре рубрики, на основаніи которыхъ
разподоривалъ преосв. показаніе лѣтописи,
и ни одна изъ нихъ не напоминаетъ осно-
ванія преосв. Филарета, потому что послѣд-
ній свою мысль прямо утверждаетъ на
словахъ того-же Нестора, сказанныхъ въ ли-
тіи князей Бориса и Глѣба, что „страна
Русская просвѣщена еще въ недалекой
прелести, когда Греки и Римляне уже во-
ровали во Христа; она не слышала ни отъ
кого слова о Господѣ нашемъ Іисусѣ Хри-
стѣ; не ходили къ нимъ (Русамъ) Апосто-

лы; никѣмъ не проповѣдано для нихъ слово Божіе.[1] Тѣмъ не менѣе и основанія прекраснодушно сильны, чтобы остановиться на нихъ и въ силу ихъ отвергнуть являющійся невѣроятнымъ фактъ. Но пусть они и не сильны, для насъ важно самое отрицаніе. Въ немъ не видно той слѣпоты, какую обнаружили наши лѣтописцы, напротивъ замѣтно недовѣріе и, въ силу его, стремленіе къ анализу и критикѣ, стремленіе къ тому, чтобы пытлѣ ихъ провѣрить матеріалъ, очистить его и оставить для пользованія только истинно-достовѣрное. Замѣтимъ еще, что такъ портретъ человѣка, по роду своему принадлежащій къ 1-й половинѣ XVIII столѣтія, когда самая наука еще только зарождалась у насъ, и что мнѣніе высказанная имъ произнесена въ 1806 году, почти за 40 лѣтъ до того, какъ преосв. Филаретъ нашелъ для нея чисто историческое основаніе.

Далѣе, говоря о предубѣжденіяхъ пословъ

1) Ису. Фил. 1, 1.

Мусулманскихъ, жидовскихъ и латинскихъ, имѣвшихъ цѣлію склонить Владиміра къ исповѣданію ими религіи и объ отвѣтахъ князя, авторъ замѣчаетъ: „но ни на которую изъ сихъ вѣръ Владиміръ не согласился, опровергая каждую изъ нихъ, безъ сомнѣнія, лучшими резонами, нерѣдко какіе лѣтописцы наши Владиміру въ уста влагаютъ". Безъ сомнѣнія, лучшими резонами... Авторъ опять же не довѣряетъ лѣтописцамъ и предполагаетъ нѣчто иное, ищетъ иного слова, хотя лѣтописи о немъ и умалчиваютъ. Отвѣты Владиміра, въ той формѣ, въ какой передаются они, для него сказка. Какъ видно, наивность его не ускользнула отъ него. Правда, взамѣнъ отрицанія преосв. ничего не даетъ, но для насъ достаточно и этого скептицизма. Замѣтимъ, что и на этотъ разъ исторія его предупреждаетъ, не говоримъ уже о исторіи преосв. Филарета, но даже 1877-й годъ, со времени котораго сказаніе о крещеніи Владиміра въ той формѣ, въ какой пере-

дается онъ лѣтописями, конечно, никто не на-
ловетъ уже разсуждающимъ хотя какого бы
то ни-было выраженія.
Не лишенъ, какъ оказывается, интереса и нѣ-
которыя другія мѣста. Для образца мы при-
дѣлъ здѣсь сужденіе преосв. о древней славян-
ской рамѣ, которое, какъ извѣстно, находит-
ся въ первой главѣ и теперь еще въ состо-
яніи поразить насъ своею свѣжестію и вѣр-
ностію. „Примѣчаніе достойно, говоритъ онъ,
что въ Руси едвали были храмы и кумиры. Ле-
тописцы пишутъ, что Перуновъ идолъ сто-
ялъ въ Кіевѣ на холмѣ; тотъ же Перунъ
въ Новородѣ, на берегу рѣки Волхова; въ Рутѣ
бѣ Велесъ или Власъ на полѣ; а нигдѣ
въ лѣтописцахъ нашихъ ни о храмахъ, ни о
жертвахъ не упоминается. И кажется ни-
какъ бы нельзя оставить, чтобъ гдѣ-нибудь
лѣтописцы не помянули, что при введе-
ніи Христіанства храмы идъ разрушены,
или на церкви превращены, такъ какъ въ
исторіяхъ другихъ народовъ обыкновенно о

сихъ упоминается, особливо, когда повѣствуютъ
о разрушеніи идоловъ: какъ же миновать, чтобъ
о идѣ храмахъ ничего не воспомянуть, если
они были? Поминается, что при разрушеніи
идоловъ истребляемы были и требища; но тре-
бища не суть храмы, или капища, а жертвен-
ники или особо устроенныя, открытыя мѣ-
ста, на коихъ жертвы приносимы были. Да
и никакихъ нигдѣ въ Кіевѣ и другихъ мѣстахъ
не найдено ни развалинъ, ни слѣдовъ, чтобъ
тамъ были когда-либо языческіе прежнихъ
Русскихъ храмы, хотя таковыя развалины
во многихъ городахъ, гдѣ были храмы, и до-
селѣ видны. Но и о кумирахъ никакъ бы не мо-
жно быть опущено, чтобъ объ нихъ не помянуть
гдѣ нибудь: особливо, что если кому, то кумі-
рамъ убѣжно было быть вѣрна прискорбно
разрушеніе идолопоклонства и ихъ прежня-
го служенія и состоянія. И конечно не оправ-
дано было сказать, что они о томъ или
негодовали, или противились, или какія
представленія дѣлали, или при отправле-

ніи четъ дружтвовали. Но всего того ни въ какой нашей лѣтописи не пропмѣтно. Требовали, напр., Христіанина на закланіе богамъ; сіе бы вѣрно могло причесено быть ересцамъ, по ненависти ихъ и злобѣ къ Христіанству, но сего нѣтъ. А сказано въ Нестерѣ, что сего требовали старцы, т.е. старшины, и князи, и народъ. Изъ сего можно заключить, что всякъ могъ четвѣ приноситъ идоламъ, на открытыхъ алтарѣхъ стоящимъ, когдаъ по какимъ либо случаямъ радостно разрѣшилъ. А потому едвали были какіе либо уставленные для празднованія дни, или для четвоприношенія обрядовъ. Всякъ какъ хотѣлъ, и когда хотѣлъ, четвѣ приносилъ, и правиламъ служило обыкновенно. Нельзя такие не привести мнѣніе Платона и о Самозванцѣ. Послѣдній въ глазахъ его былъ не только самозванцемъ, но и орудіемъ для чернѣ замысловъ. Вотъ слова его: „утверждая общее со всѣми нашими писателями, что Гришка не былъ царевичъ

Димитрій, но точный Самозванецъ, отваживаюсь изъявить мое новое мнѣніе, что сей первый самозванецъ не былъ и Гришка Отрепьевъ, дворянина Галицкаго сынъ, но нѣкто подставной, отъ нѣкоторыхъ литвъ злодѣевъ выдуманный и подставленный, чужестранный или Россіянинъ; или, можетъ быть, и самый Гришка Отрепьевъ, Галицкаго малаго дворянина сынъ, но давно къ тому образумившимся изготовленный, разполоренный и обработанный; а не тотъ, котораго наши лѣтописцы выдаютъ; или и тотъ, но не такимъ образомъ все сіе было происходило, какъ они описываютъ, утверждая свое описаніе только на одномъ нарочнымъ и открывшимся обстоятельствахъ, и не проницая во глубину сего хитраго и огромнаго замысла". Прохоръ, въ свою очередь, представляетъ его въ такомъ видѣ: когда истинный Димитрій былъ убитъ и царскій корень прервался, въ народѣ думалъ, что это убіеніе было дѣломъ Годунова, воз-

1) 27. 168 стр.

никто недоволствіи. Сіе недоволственное народа расположеніе слыша и видя, нѣкоторые враждебные люди, конечно изъ Поляковъ, добавляетъ Иисусъ, яко всегдашнихъ Россіи враговъ, думая воспользоватся такимъ обстоятелствомъ, дабы произвести на Москвѣ смуту, скоро, по убіеніи царевича Димитрія, подхватили въ себѣ въ Польшу, другого ли кого, или самаго Гришку Отрепьева, только сбраго съ лѣтами царевича и нѣсколько похожаго на него. Взявъ къ себѣ, они обучили его и, вложивъ ему мысль назвать себя царевичемъ Димитріемъ, причемъ показали и самые способы, какъ производить дѣло сіе, они отправили его въ Россію, державъ у себя лѣтъ пять или шесть, отправили не одного, а приставивъ къ нему одного или двухъ изъ хитрѣйшихъ духовъ, кои бы его во время наставляли и руководили. А отправили для того, чтобы онъ тамъ, во-первыхъ, открылъ себя чрезъ разные, яко не нарочно, разговаемые слухи

и во-вторыхъ, имѣя намѣреніе объявить его претендентомъ на престолъ, какъ истиннаго сына Грознаго, придать саму выдумку болѣе вѣроятности, что онъ, аки бы не отъ инуду вышелъ, но изъ самой средины Россіи. По прибытіи въ Москву, это чудное чудо предѣлано было въ чудовѣ монастырѣ и потрирено, дабы подъ симъ покрываломъ оно не стало обращало на себя вниманіе и, бывъ внутрь патріарха и Двора, удобнѣе могло все выматривать и выслушивать и чрезъ то дѣлать нужныя для себя примѣчанія и заключенія. — Вотъ, по мнѣнію прочтотъ, кто, бывъ еще въ чудовѣ монастырѣ, говорилъ про себя, что онъ будетъ царемъ на Москвѣ и о которомъ Гона митрополитъ Ростовскій, донося Борису, говорилъ, что сей чернецъ самому сатанѣ сосудъ будетъ[1] и который затѣмъ бѣжалъ въ Литву и Польшу и впослѣдствіи явился съ войскомъ и дѣйствительно вошелъ на Московскій престолъ. Мысль свою авторъ утверждаетъ на слѣ-

1) Ист. Пл. 2ч. 125 стр.

французъ образованіемъ. Если самозванецъ, Гришка ли онъ Отрепьевъ, или кто другой, раньше Чудова не былъ въ Польшѣ, то ему никакъ не могло бы прийти въ голову, мнить, что онъ царевичъ Димитрій. Но пусть онъ настоящій царевичъ! Такъ рано бѣжать ему въ Польшу? Чего онъ могъ опасаться отъ нея? Но пусть онъ могъ надѣяться и былъ даже обнадеженъ и вѣрилъ. Самая привязанность его къ Латинской вѣрѣ и пренебреженіе къ своей обличаютъ, что онъ былъ или не Россіянинъ или и Россіянинъ Гришка Отрепьевъ, то еще въ младенчествѣ зараженный въ Польшѣ, тамъ обрившійся и принявшій ересь вѣру и къ ней лестными, хотя и обманчивыми, надеждами привязанный. Ибо нужно, что царскіе ли то дѣти или дворянскіе, получившіе русское воспитаніе, были особенно привержены къ вѣрѣ своей и къ ея обрядамъ, привержены даже до суевѣрія и малыми ея или обрядовъ ея нарушенія

ли гнѣвались и вѣхъ, особенно Латинянъ, поганными считали. Особенно это можно сказать о сынѣ Галицкаго дворянина, если только самозванцемъ былъ онъ, воспитанномъ въ невѣрствѣ и едва обученномъ даже грамотѣ, такъ какъ тогда и многіе вельможи плохо знали её, потому что невѣрство еще болѣе привязывало если не къ другу вѣры, то къ ея нарушителямъ и даже самомалѣйшимъ. Итакъ, если самозванецъ не былъ въ Польшѣ прежде Чудова, то онъ не могъ забыть своей вѣры. Но опять же, пусть будетъ это сдѣлано воспитателей, вліянію которыхъ подпалъ самозванецъ, бѣжавъ въ Польшу; снова является вопросъ: гдѣ почерпнулъ онъ то образованіе, какое обнаружилъ въ Чудовѣ монастырѣ, ибо онъ былъ такъ искусенъ въ чтеніи и письмѣ, что патріархъ Іовъ заставилъ его книги у себя переписывать, причемъ самъ онъ составлялъ еще каноны святымъ. Откуда такое

образованіе, да еще на 17 или 18 году? Чрезвычайно одно, что въ Россіи получить было невозможно. И сіе убѣдительно доказываетъ, что самозванецъ уже въ малолѣтствѣ въ Польшѣ не малое время обучался и въ наукахъ довольно успѣвъ. Наконецъ, самые нравы самозванца: его любовь къ музыкѣ, танцамъ, маскарадамъ, все это, по словамъ автора, также обличаетъ, что воспитаніе онъ получилъ въ Польшѣ и въ ранней молодости. А предполагаетъ, что порѣ подвига его будова трудно, потому, что въ Польшѣ онъ провелъ всего около 2-хъ лѣтъ, а въ такое короткое время успѣлъ выучиться и польскому и латинскому языку и всѣмъ обычаямъ польскимъ, а свой развѣтъ и, что главное, совершенно развѣтъ свою собственную вѣру - это окончательно невозможно. Отсюда, говоритъ Преосв, непремѣнно заключить должно, что самозванецъ еще въ молодости былъ въ Польшу и воспитанъ тамъ на дѣло свое. Въ доказательство онъ ссылается и на Бормановъ лексиконъ, гдѣ Мнѣфимитрій прямо называется Григорьевымъ Отрепьевымъ, бравшимъ въ Польшу еще въ раннихъ лѣтахъ и тамъ воспитаннымъ отъ Іезуитовъ.

Утвердивъ сколько сумѣвъ свое личное мнѣніе о самозванцѣ, Преосв. старается рѣшить и тотъ вопросъ: Кто бы изъ человѣкъ такой прехитрый и необыкновенный замыслъ выдумать могъ? По моему мнѣнію, продолжаетъ онъ, это было Іезуитовъ. Доказательства можно видѣть во 1-мъ въ томъ, что Іезуиты всегда производили противъ государей и государствъ страшныя предпріятія, чтобъ свою вѣру и свою власть распространить. 2., Они были и суть всегдашніе друзья Папы, который и спитъ и видитъ, какъ бы всѣ царства подчинить своей власти. 3., Одинъ изъ ихъ именно Антоній Поссевинъ выдалъ даже книгу, гдѣ предлагаетъ способы, какъ ввести въ Россіи католичество и прямо совѣтуетъ уловлять россіяк.

фаворитъ строковъ и обучать ихъ въ Польшу
и располагать ихъ къ папской вѣрѣ, а ужи-
ть-де можно будетъ и въ Россіи успѣхи въ
томъ учинить. Ч. Изъ исторіи ясно можно
видѣть, что Іезуиты о дѣлѣ Лжедимитрія
хорошо знали, и поэтому не безъ основанія
будемъ, если заключимъ, что дѣло это ихъ
рукъ и въ дѣйствительности. 5. Исторія
о самозванцѣ представляетъ, что со стороны
Поляковъ въ этомъ дѣлѣ имѣлись въ виду
не столько политическіе разсчеты, сколько
религіозные, - стремленіе окатоличить Русь.
А кто всего болѣе могъ быть заинтересо-
ванъ въ этомъ послѣднемъ, какъ не Іезуиты
во главѣ съ Папой. Наконецъ, 6. 2-го самозва-
нецъ, несомнѣнно, дѣло Поляковъ, слѣдов. и 1-го
самозванецъ дѣло ихъ же рукъ и подъ ихъ
же водительствомъ дѣйствовавшихъ.
Покончивъ съ 1-мъ самозванцемъ, преосв. разска-
зываетъ далѣе о восшествіи на престолъ
царя Василія Іванновича Шуйскаго, а на ка-
ѳедру святительскую Митроп. Казанскаго

Гермогена, объ открытіи епархіи Астра-
ханской и такъ дал. И здѣсь такие встрѣ-
чаются нѣсколько замѣтокъ, отличающихся сво-
ею правдивостью и мѣткостью и непринятыхъ
ихъ во вниманіе, при чтеніи исторіи преосв.
было бы крайней несправедливостью. Отда-
вая за нихъ честь автору, мы еще болѣе
довѣрены будемъ цѣнить тонъ нашего суж-
денія, если сравнимъ трудъ его съ тѣми, что
было сдѣлано ранѣе, иначе - въ XVIII столѣтіи.
и при этомъ принятымъ сего тѣ побужде-
нія, цѣли и средства, которыми руководство-
вался преосв. и которыхъ рѣвъ была при вто-
реди, и, наконецъ, самый духъ исторіи, лю-
бовь къ православію и отечеству, правдивость
въ оцѣнкѣ людскихъ дѣяній, честность и
осторожность, какія черты явственно отра-
жаются на страницахъ исторіи и при-
даютъ ей какъ бы свой особенный коло-
ритъ. Что было сдѣлано ранѣе? За ровно
ничего. А если и было что, такъ оно дале-
ко не говоритъ въ пользу сдѣлавшихъ,

что ясно понималъ еще и самъ преосв. Иларіонъ. Мы говорили о церковной исторіи. До времени преосв. ея не было; и если что писалось о церковныхъ событіяхъ, такъ писалось историками гражданскими, удѣлявшими и на нихъ нѣсколько своего вниманія. Тогда не было даже попытки отдѣлить ее отъ гражданской, хотя вѣроятность самостоятельнаго ея существованія понималъ еще Татищевъ, когда высказывалъ свое общее понятіе о исторіи. „Исторія, говоритъ онъ, есть слово греческое и значитъ, что у насъ „дѣи" или „дѣянія"; и хотя нѣкоторые мнятъ, что слово „дѣянія" единственно дѣла, учиненныя людьми, значитъ, а приключенія естественныя или чрезъестественныя исключаютъ; но вѣрно разсмотря всякъ познаетъ, что нѣтъ никакого приключенія, чтобъ не могло дѣяніемъ называться"... Понимаемая такъ, она можетъ быть разделена: „1., на исторію сакра или святую, или лучше сказать божественную, 2., еклезіастику или церковную, 3., политическую или гражданскую, 4., на исторію наукъ и ученыхъ. Изъ сихъ первая представляетъ дѣла Божескія, какъ Моисей и другіе пророки и Апостолы описали; вторая говоритъ о догматахъ, уставахъ, порядкахъ правленіяхъ концѣ либо обстоятельствѣ въ церкви, якоже о ересяхъ, преніяхъ, утвержденіяхъ правостей въ вѣрѣ и опроверженіяхъ неправыхъ еретическихъ или раскольническихъ мнѣній и доводовъ, а къ тому чины церковные и порядки въ богослуженіи." Понятіе о церковной исторіи въ лучшихъ умахъ того времени, стало быть, существовало, тѣмъ не менѣе, какъ мы сказали, не было даже попытки отдѣлить ее отъ гражданской. Но какъ бы нарочно вопреки преосв. и рядомъ увидѣ его, рядомъ, чтобы шестидесяти-восьмилѣтній старецъ взялся за него и, если не написалъ исторію, то, по крайней мѣрѣ, положилъ начало. Выходитъ, что преосв. въ собственномъ смыслѣ слова есть отецъ нашей церковной исторіи и въ этомъ отношеніи

онъ даже не можетъ быть сравниваемъ съ предшествующими ему историками, каковы: Татищевъ, Щербатовъ, Эмминъ и Елагинъ. Но они суть историки гражданскіе и если касаются въ своихъ произведеніяхъ событій церковныхъ, то постольку, поскольку это нужно для уразумѣнія общаго хода исторической жизни Руси. Иное наша, на этотъ разъ, сторона быть, должна быть коротка. Не исторію съ исторіей вообще должны мы сравнивать, а разъ только упомянутыя мнѣнія, притомъ замѣчательныя какими нибудь особенностями. Но и здѣсь личность преосв. Платона стоитъ несравненно выше, чѣмъ указанные нами историки, особенно, если сравнить Трудъ его съ произведеніемъ Елагина, которое начато въ 1790 году, а вышло въ свѣтъ въ 1803 году, только за три года до появленія исторіи преосв. Платона.[1] Самъ Елагинъ думаетъ о себѣ весьма много, такъ высоко, на сколько ниже думаетъ онъ о своихъ предшественникахъ. „Я много перечиталъ, говоритъ онъ, и древнихъ, и новыхъ, и внѣшнихъ, и своихъ о Россіи писателей, ища въ нихъ того, что можетъ удовлетворить и желанію и любопытству писателей, но не нашелъ въ чужестранныхъ ничего, кромѣ незнанія, или завистливыя ненависти и рѣдко правду, на предпріятія однакоже всегда основанную, а въ нашихъ ничего достойнаго; нѣтъ въ нихъ ни слога приличнаго, ни описаній вѣрности, ни вѣрности, повѣствованію свойственной, ни внимательнаго къ разбору ихъ и къ украшенію читателя стараніе. Слабые въ лѣтописяхъ изображенія лицъ дѣйствующихъ весьма недостаточно къ возбужденію страстей правилами витійства, отъ писателей требуемаго; и самыя предлагаемыя безъ причинъ и порядка дѣйствія не довольны къ удовлетворенію любопытства. Что въ такъ малыхъ, хотя нѣкоторые изъ новѣйшихъ писателей

1) Примѣч. Замѣтимъ, что и она писалась въ такіе же годы, какъ и исторія преосв. Платона. Елагинъ приступилъ къ делу на 65-мъ году, сколь быть, молодо только двумя годами преосвященнаго.

и явленіемъ великаго въ сочиненіяхъ своихъ желаніи
предать потомству славныя государей дѣянія,
народа съ невреженіемъ? Какая въ томъ нужда,
что они, хотя и подвальнымъ рвеніемъ ра-
паленные, стараются внесть дѣла и рытія
героевъ нашихъ въ храмъ нетлѣнныя памя-
ти, какъ сами они бѣгъ разбора и Владиміра
перваго и Грознаго Іоанна одинакими вѣнчаютъ лаврами; какъ сами они и мятежнаго Хованскаго и побѣдствовавшаго по Но-
вогрудской вольности Борецкаго, едиными про-
фаруютъ красками; и наконецъ, какъ сами
они ни дѣяніямъ народнымъ, ни дѣствіямъ
Государскимъ достаточныхъ причинъ
не предлагаютъ, ни къ изслѣдованію и
открытію истинъ касаются? Списки одна-
го писателя съ другаго, безъ отверстія ду-
ши дѣствующія особы, не могутъ ни труда-
мъ писателя принесть славы, ни чита-
телю удовольствія. Безполезно тратится
время, когда читаемъ мы во многихъ разно-
лѣтныхъ спискахъ повторенія изъ Догоръ

Нестора, изъ тогдъ Никона, и въ одномъ по-
рядкѣ, и въ маломъ слога разнствія. Дворскія
преходящихъ временъ вѣдомости, обыкновен-
но повседневными записками издаваемыя,
услаждаютъ ли сердца наши? и приклоняютъ
ли наше вниманіе обнародованныя по то-
дашнимъ обстоятельствамъ указы, учрежде-
нія и постановленія, древностію поглощенныя? Корыстны ли любопытству на-
шему грамоты посольскія и сказы, въ вѣкахъ
отдаленныхъ заключавшіяся, естьли все сіе
не сопряжено съ побудительными причи-
нами, со нравами, обычаями и другими мно-
гими вещьми, или къ расширенію, или къ
обнаженію, или къ просвѣщенію государст-
ва служащими? Все сіе ничто иное есть,
какъ безполезное суесловіе. Такъ нерасто-
ренное убѣдительными дѣянія причинами,
любомудрыми и политическими разсужде-
ніями, законовъ и правъ естественныхъ
и гражданскихъ приводами, и не утверждён-
ное притомъ неоспоримыми грамотво-

ченіями, и самою пріятнаго краснорѣчія не
дуваренное повѣствованіе есть скука читаю-
щаго и самому повѣствователю посрамле-
ніе. Еще и при наблюденіи вышереченнаго, ве-
ликія требуется осторожности въ отноше-
ніи къ верви повѣствованія; ибо не терпитъ
оно запутанности приключеній, желая, чтобъ
единое изъ другаго по лѣтамъ и порядку
истекало, и чтобъ сторонніи вмѣшенія, по-
добно малымъ ручьямъ, великую рѣку напол-
няющимъ, втекая въ главное, отъ нашей
самую рѣку не удалили; а притомъ несносно
ему о предлагаемыхъ вещахъ разсужденій
гладныхъ излишество; оно лишаетъ очия
и вѣрности, сердцу вѣстію предлагаемому; требуетъ повѣсть, но краткаго къ
объясненію разсужденія и острыхъ умозаключеній; ибо повѣствователь разумнаетъ
краткостью наше соображеніе и острую
разсудокъ. Онъ учитъ насъ любомудрію и
политикѣ, но не вводитъ въ скучное учи-
лищъ преподаванія. С есть существенная
его добрность! "Самъ уже онъ обѣщаетъ намъ:
"изъявляя вѣтію причины, изъяснять вредныя
или полезныя слѣдствія и, отверзая душу
и сердце дѣйствующихъ лицъ, открывать добро-
дѣтель къ подражанію и порокъ къ отвра-
щенію, причемъ лекимъ и пріятнымъ сло-
гомъ заманивая тягостные доловременнаго
ученія труды и услаждая читателя, внечаѣ-
лвать въ чувствованія его нравственную
строгость нравовъ. Обѣщая научить чело-
вѣка любить добродѣтель и отвращаться
порока, влашетъ, въ то же время, дѣлаетъ не
брать изъ лѣтописей ничего болѣе, какъ
токмо лѣтоисчисленія, дѣянія и состояніе
государства, выбирая изъ сего тогдашніе
законы, нравы и характеры дѣйствующихъ
лицъ и достойныя къ предложенію приклю-
ченія и все это не иначе, какъ послѣ про-
вѣрки и критики. Требуя критики, онъ
требуетъ и свободы отъ суевѣрія и стра-
ха. Мало этого, онъ обязуется еще, принявшись за сочиненіе прежнаго повѣствова-

ня, дать источникамъ, въ которыхъ почерпать будетъ, на мѣсто прежней къ протяженности краткость и баснословіе замѣнить истиной; уладить суровость языка краснорѣчіемъ и безпорядокъ наградить единствомъ и простотою. Особенно онъ настаиваетъ на искренности и правдивости. „Навлекая, говоритъ онъ, строгое все дѣйствителями нашими оставленное, я стану стараться, поелику возможно, представить во всеобщей картинѣ разность частныхъ дѣяній, до общаго государства касающихся, и краткости ради, хотя подробностію удѣльныхъ книжекъ не обременю читателя; однакожъ не оставлю его неотъ круга политической связи, чтобъ сдѣленныя на общей картинѣ украшенія, вниманія его, яко зрителя, не разсѣявали. Все вмѣщенное во единую собирая точку, стану я разбирать и достойное къ общаго и частнаго повѣствованія, не дозволю себѣ ни боязни, ни любви

ради, утверждать писателей нашихъ ласкательство или невѣжество; ниже льстить къ ихъ предубѣжденіямъ лжи не воспріиму за истину. Мысль моя не будетъ лицепріимствомъ управляема, ни рука страхомъ водима, ниже перо въ мѣсти молчаніе. Изысканіе правды и безпристрастное оныя представленіе-суть правила, которыхъ я во всемъ моемъ „отчетѣ" держаться стану."1)

А вообще онъ хочетъ подражать Титу Ливію, Саллюстію, Плутарху, Ксенофонту, Робертсону и Гриму; вмѣсто своего ученія представить мудрости Пиѳагора, Платона, Эпиктета и Лейбница, вмѣсто собственнаго въ помощи и законахъ знанія-наставленія Солона, Ликурга, Траяна и Пуфендорфа и паче всего нравственнаго Евангельскаго проповѣди и непорочнаго богословія.2)

Претензій большія, только лучше бы Екатерину не вмѣшивать въ, такъ какъ самъ онъ не сдѣлалъ ровно ничего, чтобы хотя

1) Пред. 40 стр. 2) Ibid. 56 стр.

сколько-нибудь удовлетворить ихъ. Онъ требуетъ краткости, между тѣмъ уже изъ приведенныхъ нами мѣстъ можно заключить, что такое свойство рѣчи далеко не въ духѣ его; требуетъ краснорѣчія.... Но каково же оно у него самаго! Для образца мы приведемъ слова его, въ которыхъ онъ изображаетъ моментъ, когда ребенокъ Святославъ въ битвѣ кіевскихъ полковъ съ Древлянскими въ первый разъ пустилъ копье, которое, какъ пущенное слабою рукой, тотчасъ упало къ ногамъ его лошади. „Святославъ, говоритъ онъ, подобно льву юному, первое стадо овецъ гонящему, летаетъ по рядамъ враговъ, и мотая смерть предъ пенящимися въ ярости конемъ его паритъ. Все падаетъ отъ мышцъ его рамаровъ. Кони и всадники супостатъ пораженныхъ бурнистви творяютъ за нимъ полость; и противостоящихъ ему ни броня, ни отважность, ни самыя бѣгъ отъ смертоносныхъ его ударовъ не спасаютъ. Лиющаяся струями окрестъ его кровь уходуетъ его слѣды воздухомъ и ратникомъ, бесстрашно ему слѣдующимъ. Непріятель уступаетъ храбрости; облекается бросаніемъ тяжкаго оружія и совершенному вдается побѣгу. Страхъ и мечь бѣгущихъ ко граду провожаютъ; одни тѣснятся во врата и затворяются въ стѣнахъ; другіе остаются за рвомъ и въ жертву смерти на бранномъ предаются полѣ; а прочіе всѣ разными путями въ разные грады свои удаляются. Тако кончился бой и побѣда первыми Святослава увѣнчала лаврами. Безъ отдохновенія посылаетъ герой отряды войскъ своихъ на покореніе области и градовъ отдаленныхъ, а самъ обдерзаніе Искореста предпріемлетъ"[1] Это-ребенокъ!!!...

Краснорѣчію равносильно и правдивость. Баланъ не только считаетъ правдоподобнымъ существованіе въ Новгородѣ, во время язычества, правленія аристократическаго, демократическаго и монархическаго совокупно, состоявшаго изъ сената, народнаго собранія и избраннаго князя или посадни-

1) 256 стр., Отрывъ повѣств. о Россіи изд. 1805 г.

ка, къ титулу котораго присоединяетъ еще и санъ верховнаго жреца,[1] но, слѣдуя Іоакимовой Лѣтописи,[2] вѣритъ даже въ существованіе цѣлаго сословія жрецовъ, помѣщенъ которыхъ полагаетъ Малмградъ, недалеко отъ Новгорода, гдѣ вмѣстѣ полагаетъ и сѣдалище первосвященника, хранилище боговъ и капище идолослуженія, столь же славное въ полуночныхъ странахъ, какъ Дельфійскій въ Греціи.[3] Религія древнихъ славянъ для него также самая, какъ и религія, ослѣпляющая иногда витязей Грековъ и Римлянъ.[4] Правда, онъ отрицаетъ сказаніе объ ап. Андреѣ, не вѣритъ въ христіанство Оскольда[5] и даже отвергаетъ посольства къ Владиміру съ предложеніемъ вѣръ, равно испытаніе этихъ послѣднихъ, за то все сказаніе объ этихъ посольствахъ онъ считаетъ театральнымъ представленіемъ, устроеннымъ Греческою женою князя и на томъ простомъ основаніи, что преп. Несторъ во всемъ своемъ обстоятельствованіи вѣръ повѣствованіи предлагаетъ его въ разговорахъ

1) 105–106 стр. 3) 110–111 стр. 5) 135–136 стр. 174. 185 стр.
2) Там. 1т. 4) 119–122 стр.

между Владиміромъ и приходящими къ нему, что, по разумѣнію Еланка, со слогомъ вещественнымъ и собственнымъ слогомъ Нестора весьма несогласно, а примѣчено однимъ театральнымъ представленіемъ (399 стр.). Но какія бы, на этотъ разъ, ни приводились основанія, повѣрить трудно и потому вполнѣ справедлива галитка ~~преосв~~, сказанная, по этому случаю, преосв. Платономъ – „Не могу, говоритъ онъ, не упомянуть о странномъ повѣствованіи писателя „отвѣта", который, въ противность всѣхъ нашихъ лѣтописцевъ, не пріемлетъ, чтобы ко Владиміру были посланные отъ разныхъ народовъ, склоняющіе его къ принятію каждый своей вѣры, а утверждаетъ, что сіе все представляла на театрѣ жена Владимірова..... Такое суетное и изъ несчищеннаго духа происшедшее мечтаніе и опроверженія не требуетъ, яко съ перваго взгляду само собою странное. Какіе при Владимірѣ театры? Какія въ греческихъ монастыряхъ у монаховъ театральныя пред-

ставленія..... Мню, что сіе произошло отъ прими-
нія о себѣ самаго мечтанія и чтобъ блеснуть
какою нибудь новизною, можетъ быть увѣряя
себя, что и другимъ таковымъ же, каковъ онъ,
будетъ слушать то къ увеселенію..... Я почитаю
сіи плодами малопросвѣщеннаго о себѣ воображе-
нія, онъ какъ бы мобулъ самъ себѣ гово-
рилъ: „чего не знаю я.?"[1]

Столько же примѣняю самомнѣнія и мало-
просвѣщеннаго о себѣ воображенія нашелъ
въ просвѣщенномъ и въ исторіи Эмина.[2]
Послѣдній также, какъ и Елагинъ, въ предис-
ловіи къ труду своему требуетъ правди-
вости и честности, отсутствія лги и лас-
кательства, красоты слога и ясности кри-
тики и доказательности, причинъ и слѣдст-
вій и, мало того, даже тогда, когда „по случаю
могло статься, что и не было бы, однако лег-
ко бы быть могли".[3] Онъ также мнитъ
о себѣ высоко и, между прочимъ, приписы-
вается своему таланту достойнѣйшую
премію бы исторіи - очистку послѣдней

1) Исг. Кн. 1. 29-31 стр.
2) Крим. она вышла в 1787 г. в 1787 г.
3) 38, 50, 51, 53 стр. пред.
Рос. ист. Эмина.

отъ разныхъ несходныхъ съ правдою повѣствова-
ній и отъ многихъ суевѣрій (пред. 33 стр.) А на самомъ
дѣлѣ у него выходитъ совершенно противополаг-
ное. „Для этой очистки, говоритъ покойный С. М.
Соловьевъ, онъ беретъ, бочъ знаетъ, какіе источни-
ки, бочъ знаетъ какіе списки лѣтописей, и начи-
нается витійствовать, сочиняя фракты и рѣчи
действующихъ лицъ, не щадя никакихъ средствъ
для достиженія своей цѣли, т. е. для украшенія
разсказа."[4] Въ этомъ отчасти сознается и
самъ Эминъ. „Довлетъ я вельмъ увѣдомить, го-
воритъ онъ, что многія рѣчи, которыя въ сей
исторіи разныя говорятъ лица, выдуманы; напр.
рѣчь, которую говоритъ Бостанвель къ мя-
тущемуся народу, уговаривая онѣхъ, дабы при-
дать Рюрика на владѣніе ни въ одномъ на-
шемъ лѣтописцѣ не обращается. Но если Бо-
стомвель оной не говоритъ, то по малой
мѣрѣ довленъ былъ говорить что нибудь по-
му подобное, чтобъ взволновавшійся, гордый
и ничего не разсуждающій народъ могъ уми-
рить, и привести къ здравому разсужденію

4) Ист. Росс. с Петр. свод. 1855 г. 2 кн. 1 отд. стр. 224 Эмин.

Если бы онъ такъ, какъ пишутъ наши Летописцы (т. е. авторъ Ядра) только сказалъ: мы всѣ потеряли разумъ; единства не знаемъ; должно намъ призвать изъ чужой земли Государя, — то за такое увѣщаніе онѣ его въ куски изрубили; но конечно онъ имъ говорилъ рѣчь, наполненную вѣрными причинами и доказательствами, что умѣетъ ихъ склонить къ толь великому и странному предпріятію. Можетъ статься Бостанжогло рѣчь была вѣрнѣе и гораздо трогательнѣе той, которая въ сей книгѣ изображена; но я соображаясь съ тогдашнимъ временемъ, въ которое красноречіе, или лучше сказать, протяженнаго и пустаго стиля не знали, старался говорить языкомъ каждаго человѣка состоянію сообразнымъ, составляя разныя рѣчи по большей части со всевозможной вѣрности причинъ и обстоятельствъ. Такую вѣльность прощаютъ каждый, когда я скажу, что всѣ историки думали, что имъ онаго не только дозволительна, но необходимо нужна для того,

чтобы можно было исторію различить отъ сказки. Многія сказки имѣютъ въ себѣ много правды, но исторіею ихъ назвать нельзя, которой свойство состоитъ въ томъ, дабы не только человѣческое любопытство удовлетворять о прошедшихъ дѣлахъ, но и вѣрностію рѣчей и разными полезными разсужденіями научать тѣхъ, кои довольнаго просвѣщенія не имѣютъ. Когда же вы только просто безъ великихъ поучительныхъ разсужденій историческія фигуры вами описаны, то многіе, если имъ въ подобныя обстоятельства впасть случилось, не знали бы, какъ себѣ или другимъ помочь, и отъ онѣхъ или освободиться, когда они вредныя, или онѣмъ слѣдовать, когда полезны."[1]

Сочиняя рѣчи, Эмилъ сочиняетъ и фактъ. Отсюда крещеніе Болгаріи при Борисѣ или Богорисѣ у него становится крещеніемъ Русскаго князя Бруса, современнаго Оскольду и Диру; а сладострастіе Владиміра — сознательнымъ подражаніемъ рифмы Соломона.[2]

1) Пред. 48 стр.
2) Рос. пер. Эмила 51-53, 286 стр.

Вообще, не Длину или Флетчу спорить съ преосвященнымъ Платономъ, если и можно сопоставить съ нимъ такъ разъ только Татищева и Щербатова и опять уже не почему иному, какъ только ради полноты трудовъ ихъ, въ содержаніе которыхъ они вносили все, что находили въ источникахъ касающагося Россіи. Отсюда и церковныя дѣянія описывалось ими съ достаточной полнотой и всесторонностію, чего объ исторіи Преосв., главнымъ образомъ, какъ исторіи церковнаго управленія, сказать нельзя.

Но и этотъ единственный недостатокъ преосв., по сравненію съ указанными историками, можетъ быть оправданъ тѣмъ, что преосв. имѣлъ въ виду написать учебникъ, который, если бы обнимывалъ всѣ дѣянія церк., конечно, не былъ бы удобенъ для школы.